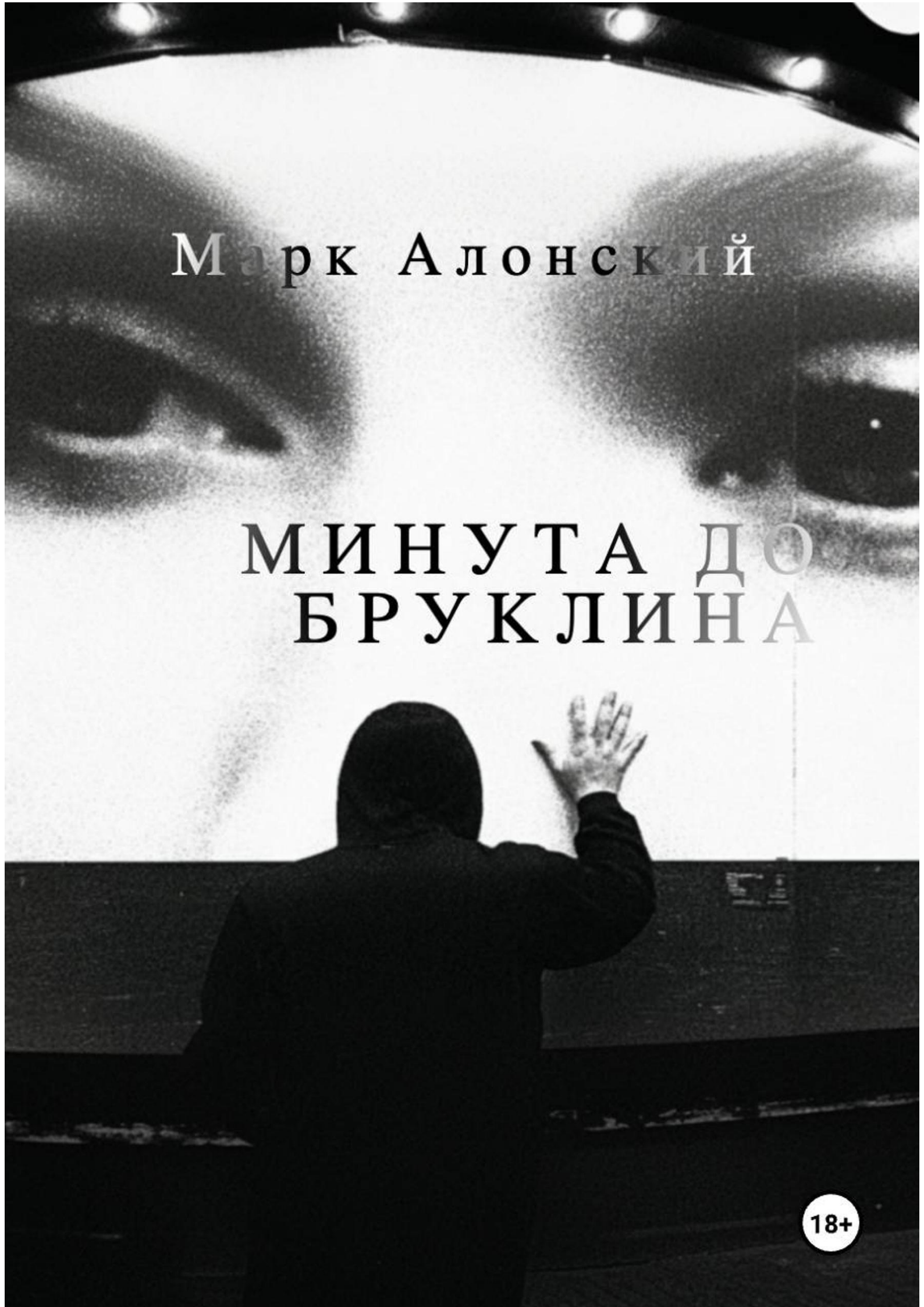

Марк Алонский

МИНУТА ДО
БРУКЛИНА

18+

Марк АЛОНСКИЙ

Минута до Бруклина

«Автор»

2026

Алонский М.

Минута до Бруклина / М. Алонский — «Автор», 2026

Салем пишет стихи на чердаке дома. Его мать сгорела в пожаре, тетка пьет, а в школе ждут с кулаками. Единственное, что у него есть, — рыжая тетрадка, гитара и брат-близнец Ник. Всё меняется, когда Салем находит в себе смелость заговорить с Евой. Она одержима поиском идеала так же, как он — музыкой. Их встреча запускает цепную реакцию: мальчишка с окраины оказывается на сцене, его песни знают наизусть, его имя выкрикивают в толпе. Но цена таланта — вечная жажда недостижимого. И у каждого создателя есть своя минута до совершенства, которая никогда не наступит. «Минута до Бруклина» — первый в России роман, который звучит. К книге записан оригинальный саундтрек: каждая песня создана, чтобы провести читателя сквозь историю — от первой строчки до последнего аккорда. Читай. Слушай. Чувствуй.

© Алонский М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	6
Глава 1. Беготня	12
Глава 2. Гитара	17
Глава 3. МЦМ	21
Глава 4. Е.	26
Глава 5. Алькатрас	30
Глава 6. Лето, которого никогда не было	38
Глава 7. Почему?	46
Глава 8. Бруклин	51
Глава 9. Линии жизни	58
Глава 10. Аарон	67
Глава 11. Гараж	76
Глава 12. Ревность	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Марк Алонский

Минута до Бруклина

У этой книги есть голос. 19 уникальных саундтреков создавались специально под конкретную сцену, настроение, перелом в жизни героя.

Можно читать без музыки. Но с ней история раскроется в своей подлинной глубине.

Рекомендуется включать треки по мере их появления в тексте.

Плейлист: music.yandex.ru/users/fak3.jesus/playlists/1003

Артист: music.yandex.ru/artist/24843094

Дизайн обложки: пола икс (Полина Шевелёва) ultiminlix.tilda.ws

Часть 1

Вселенная Салема — отличная от нашей Вселенной

Дождь за окном обгладывал заброшенный, покосившийся дом напротив. Окна в нем давно были выбиты — наша с Ником работа. Последние жильцы съехали оттуда еще до нашего появления у Доллис, но она все равно всыпала нам по первое число за разбитые стекла.

Ну, или за то, что мы ее разбудили.

По раме ползала сонная от холода муха. Я тоже был сонный, а еще голодный. Мухе повезло, что под рукой у меня не было ничего, чем можно было бы ее прихлопнуть.

Ник ушел утром. Я соврал ему, что мучаюсь с животом, чтобы он не уговаривал меня выйти на улицу. Доллис, как обычно, спала. Доллис — настоящая сова, ее время — ночь. (*а стихия — бухло, ха-ха.*)

Я сидел у окна, должно быть, уже пару часов. У меня затекли плечи, но мне казалось, что я вот-вот нащупаю что-то в мыслях, что-то такое, что, наконец, расставит все по своим местам. И я пойму, как вести себя, пойму, как правильно жить и что я должен чувствовать.

Я почти не двигался. Я даже не оделся, когда вылез из кровати.

Серость за окном обволакивала меня, и в моей голове тоже не было ни просвета, ни лучика.

И нет, мне не было комфортно вариться в этом, просто ничего другого не оставалось. Я сидел и складывал рифмы. Строчки, сотни строк! Я мог бы, наверное, написать целый цикл про чертов дождь, подобрать сколько угодно слов. Но ничего из того, что всплывало в сознании, не казалось достойным. Я проматывал строчку за строчкой, приказывая невидимому генератору рифм: «Следующую давай, все не то!»

И рифмы всплывали, причудливо переплетаясь с мыслями о тихой безысходности, и вся эта смесь становилась еще серее, чем дрянь за окном.

Сегодня был последний день каникул. И он ничем не отличался от предыдущих двух недель.

* * *

Доллис стала нашим опекуном, когда мне и Нику было по шесть лет. В нашей квартире случился пожар, мы в это время играли на улице.

Как это вышло — доподлинно неизвестно. Доллис говорила, что кто-то из тех пьяниц, проводивших у нас дома свое вечно свободное время, уснул с тлеющей сигаретой. Вместе с нашей квартирой сгорели еще две. В общей сложности пожар унес семь жизней. Забрал он и нашу с Ником мать Дезу.

Мы с братом смотрели на огонь с улицы. Когда началась суматоха вокруг, Ник заплакал. Я тоже разревелся за компанию, хотя сам ничего особо не чувствовал.

Дезу мы не вспоминали. Ни в разговорах, ни глядя на фотографии. Иногда мы с Ником слышали, как Доллис заплетающимся языком пересказывает историю пожара очередным гостям, которые появлялись в нашем новом доме, как грибы после дождя. Гости произошедшее горячо обсуждали, много курили прямо в зале и часто засыпали, не потушив сигареты.

Вообще, кроме меня, Ника и Мыши, бешеной рыжей кошки, которая всегда бросалась на мои ноги, как на добычу, в доме Доллис никто не задерживался надолго. Последний рекорд в полтора года был поставлен, когда мне и Нику было одиннадцать. Почти четыре года назад.

Рекордсменом стал высохший от пьянства Харлоу, высоченный человек-скелет без двух передних зубов. Я запомнил его, потому что он постоянно обещал «взяться за нас». На прощание он отлупил Доллис так, что казалось, тетка сунула лицо в улей.

Харлоу сильно шепелявил, но мы с Ником пошутили об этом при нем только единожды. Оскорбившись, он озверел и бил нас, по-моему, одновременно с двух рук. Он орал: «Шо штаршими будешь уважительней, шопляк!»

После этого мы передразнивали Харлоу, только закрывшись в нашей комнате. И намного жестче.

Сначала мы с братом обрадовались, что Доллис распрощалась с Харлоу, но за его уходом последовала вереница новых теткиных знакомств. Наша веселая семья продолжала свой спуск на дно.

Не нужно гадать, что если в доме есть что-то крепче сорока градусов, если это «что-то» разливать да выпивать, то дорога к дому не зарастет травой.

Вообще, когда сгорела Деза, Доллис была замужем. В сравнении с нашей матерью, семья Доллис и Гека, ее мужа, была образцовой. Это я сейчас понимаю. Именно поэтому оформление опеки прошло без всяких трудностей. Ну, и потому, что Доллис была нашим единственным живым родственником.

Гек устроился рабочим на стройку, где его через пять дней раздавило сорвавшейся откуда-то сверху бетонной плитой. Его расплющило так, что сначала не могли установить личность погибшего. Помогла торчащая из-под плиты рука: между указательным и большим пальцем у Гека была набита чайка.

Все эти подробности мы узнали от безутешной Доллис. В истерике она металась по дому, то бросаясь писать записки (наверняка предсмертные), то глотая горстями какие попало таблетки. Она сгребала нас с Ником в охапку, вытаскивала из шкафа одежду Гека, обнималась с его рубашками и все плакала, плакала, плакала.

Когда к нам приходили из опекунской конторы, Доллис в красках рассказывала работникам ужасы собственной жизни: и про сгоревшую заживо сестру, и про расплющенного мужа. Но еще она говорила, что мы, я и Ник, последнее, что у нее осталось. Доллис плакалась соцработникам, что не может есть и спать от горя.

Таким я и запомнил этот период. Тетка не могла ни есть и ни спать, сокрушаясь, но ела и спала.

Брата и меня оставили у Доллис. За нас она получала большие выплаты, которые позволяли не работать.

Постепенно Деза и Гек стали воспоминаниями, которые Доллис пыталась залить алкоголем. Может, она надеялась, что призраки утонут.

После смерти Гека Доллис стало как-то наплевать на все, что ее окружало. Наш дом быстро превратился в заброшку, как в ту, что была напротив. Голубая краска выцвела и облупилась, половицы и двери скрипели, а сам дом как-то осунулся, врос в землю. Забор вокруг частично отсутствовал — мы с Ником растащили его на шалаши и костры. Трава во дворе была высоченная, но притоптанная, поэтому это не особо бросалось в глаза. Вообще, издали наш двухэтажный дом казался игрушечным, словно его собрали из того, что было, неумелые детские руки.

Если пройти мимо, то на пороге, скорее всего, будет сидеть рыжая Мышь, которая встречает шипением каждую протянутую руку. Характер Мыши вполне обоснован: ей тоже частенько перепало от дорогих гостей.

Но просто так мимо нашего дома никто никогда не ходил. Он стоял на самой окраине, дальше — только лес, в лесу по ночам орали лисы. Если сюда и приходили люди, то только с конкретной целью — к Доллис.

Я ненавидел приближающиеся голоса снаружи, я знал, что означало их появление. Все пространство дома быстро заполнялось криками, возней и скрипом уставших досок под подошвами.

(дом с нормальными явлениями, ха-ха!)

Один-единственный раз я был рад тому, что у нас постоянно толпится народ, — они прогнали других «гостей», видеть которых хотелось еще меньше.

В тот день, решив, что сегодня в школе МНЕ НЕ ХВАТИЛО, вся компания Роса пришла к дому Доллис. Они звали меня по имени, чего никогда не делали раньше, и кричали: «Выходи гулять, Салем!»

Эти крики были для Доллис, а не для меня. Эти крики были для того, чтобы тетка, услышав их, сказала: «Иди выйди к друзьям, к тебе пришли». Рос (Луирос) — та еще мразь, но он и понятия не имел, что происходит у меня дома ближе к вечеру.

Помню, я наблюдал всю эту картину из окна второго этажа. Дверь в дом открылась, и я услышал бас снизу: «Салем по горло в уроках, катитесь отсюда!»

Рос пытался выглядеть самой крутой обезьяной в зоопарке, какое-то время он перекрикивался с тем, кто вышел к нему из дома. Но потом вся его компания благоразумно отступила, потому что на крыльце появились еще трое собутыльников Доллис.

Тогда я впервые был счастлив, что тетка устроила из дома притон. Я запомнил внезапно подаренное ощущение мнимой защиты. Оно было теплым. Я понимал, что мои «защитники» представляют для меня не меньшую опасность, но какое-то время действительно грелся в этом тепле, чувствуя себя в неприступной крепости.

* * *

Больше всего мне нравился чердак. Там покоились все вещи Гека и его двуствольное ружье. На чердаке лучше всего думалось. Здесь я написал почти все свои стихи.

Еще здесь пылилась куча книг. Я брал их в библиотеке и никогда не возвращал, но мне все равно разрешали брать новые. Это из-за репутации «близнецов, у которых мама сгорела заживо», я знал это. Знал и пользовался.

Передвигаться по чердаку можно было только вприсядку. Свет сюда не провели, но зато здесь находилось большое круглое окно. Я ложился на пол около него и читал, пока не стемнеет. Это был единственный минус чердака: после захода солнца здесь становилось темно, как в погребу.

К своим четырнадцати годам я прочитал Дюма, Кастанеду, Достоевского, Воннегута, много кого еще. Чердак Доллис все больше захламлялся книгами, а мой чердак разрывался оттого, что не с кем было поделиться впечатлениями от прочитанного.

Думаю, что поэтому я не мог не начать писать. В дневниках и стихах осталось все то, что кипело во мне, просило выхода. Буквы в клетках листов — это все, что я мог дать самому себе.

Я упивался написанием стихов, но вместе с этим ненавидел их точно так же, как любил и ненавидел себя. Вечная борьба фантазий с окружающим меня миром. Мой личный вечный двигатель.

Это мучило меня. Разрывало.

Реальность изводила меня. Я читал о добре, в школе нас пытались учить справедливости, я мельком смотрел на любовь по телевизору, но в жизни не видел ничего из этого. Не чувствовал.

Я читал про узы крови, их силу и мощь, но знал, что единственной родственнице я и Ник нужны только ради пособия.

Я читал о силе братской любви, но был уверен, что без меня Нику было бы куда лучше.

В школе из нас пытались вырастить «хороших ребят», но я видел вокруг лишь озлобленных подростков, жестоких и трусливых.

Я все читал и читал: о справедливости, чести, природе человека в целом, но не видел людей, похожих на персонажей произведений Джека Лондона. Я видел только унижающих и униженных, и каждое светлое произведение оказывалось на деле абсолютной фантастикой.

Что тому виной? Искривленный угол, под которым я видел мир? Или уродливая маска, через которую мир взирал на меня?

Я не был похож на свое окружение, ненавидел свою непохожесть, но цеплялся за нее каждой клеточкой тела, потому что только она одна отделяла меня от НИХ.

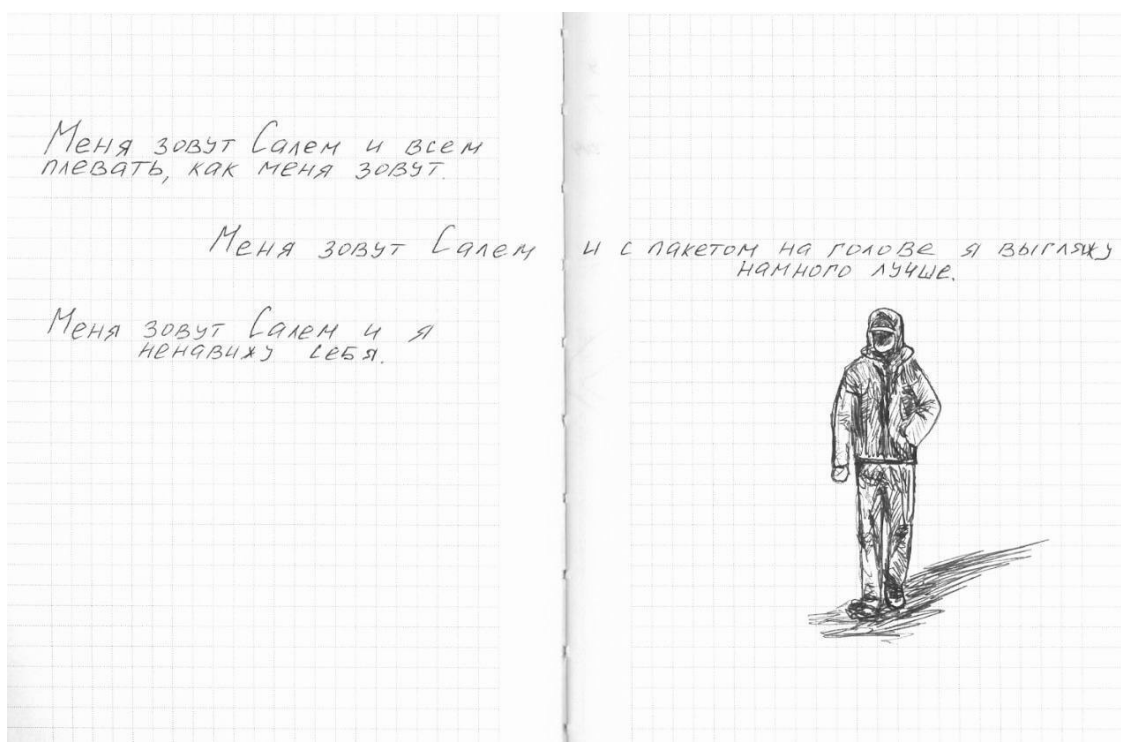
(как это горько / как это замечательно)

И когда в школе мы читали вслух о чужом благородстве, я невидящим взглядом пялился в парту, лишь бы не разреветься.

Потому что мне снова передали записку с задних парт, сообщающую, что Рос ждет меня после уроков для «разговора».

Потому что каждая прочитанная строчка так невыносимо контрастирует со всем, что происходит вокруг.

И мое ранимое сердце так и гонит слезы наружу, а я ничего не могу с этим сделать. И остается только держать лицо статичным, чтобы не моргнуть, чтобы ни одна слеза не упала на парту, чтобы слезы высохли прямо в глазах.

Чердак прятал меня от мира, и каждое лето, когда даже Доллис умудрялась загореть, я был бледный, а моя одежда — в пыли. Иногда я оставался на чердаке и после захода солнца сидел в темноте, и самому себе казался крысой или тараканом. Это не было плохо, потому что все вокруг были ничуть не лучше.

Ник (вообще он Николас) был старше меня на семнадцать минут. Мне иногда казалось, что за эти семнадцать минут его научили чему-то такому, что знали все вокруг, кроме меня.

Нику досталось это знание, и с его помощью он без проблем существовал, находил друзей, широко улыбался. А мне досталось острое, как нож, мироощущение. И пока мой брат-близнец пропадал на улице, ни о чем особо не задумываясь, я варился в черноте собственных мыслей.

Удивительные дары жизни к первому глотку воздуха — Нику досталась вечная улыбка до ушей, а я взял себе бесконечную печаль.

Мы с Ником были очень разные, но при этом отлично ладили. Наши характеры были абсолютно противоположными, хотя внешне нас было не различить. Нашей внутренней разности я не придавал значения до школы, пока мы не оказались в окружении одноклассников.

Именно в обществе я ощутил, что отличаюсь не только от брата, но и от других. Однако Ник никогда не избегал меня, даже под угрозой травли. За это я был ему благодарен и испытывал жесточайший стыд.

Брат учил меня драться, оскорблять в ответ, «не брать все это в голову». Но я знал, я видел его взгляд. Так смотрят на собаку с искалеченной лапой. Моя беда была в том, наверное, что я все понимал.

Ник жалел меня, и мне было стыдно за то, что я «не такой».

Чем старше мы становились, тем больше Ник, сам того не осознавая, стремился избавиться от нашей внешней одинаковости. Доллис долго одевала нас в парные шмотки, поэтому брат стал одалживать одежду у друзей. Потом Ник вернулся домой с бритой головой, стал похож на новобранца. Тетка не водила нас в парикмахерскую и стригла сама, но это случалось так редко, что обычно мы с братом успевали отрастить волосы до плеч.

Я помню, как Ник вошел в нашу комнату, стянул капюшон с бритой головы и виновато улыбнулся мне.

Тогда негласно установилось следующее правило: у меня должны быть длинные волосы, у брата — бритая голова. Теперь мы стали отличаться еще и внешне.

* * *

Кроме меня, никто не залезал на чердак, но свою оранжевую тетрадку со стихами я все равно прятал за грудой книг. Прятал, отползал к выходу, проверял, не видно ли тетрадки... И если было нужно, то перепрятывал. Только после этого я мог спуститься. Обязательный ритуал, основанный на страхе потерять самое ценное, что у меня было.

Я, кстати, яркие цвета вообще не жалую, но эта тетрадь со мной так давно, что я даже стал верить в магические свойства ее пестрой обложки.

Я писал стихи на отдельных листах, там же доводил их до ума и только потом аккуратно переписывал в рыжую тетрадку. Стих всегда помещался в середине листа, а вокруг него вился рой маргиналий, моих мыслей и переживаний. Он дополнял написанное и подкреплял его суть.

Вообще я считал эти стихи текстами песен. Песнями холодной кровати и пыльного чердака, где я напевал их себе под нос, склонившись над тетрадкой. Шептал, обнимая колени и чуть раскачиваясь в такт. Боже, каким жалким существом я казался самому себе в эти моменты. И каким же потрясающим я находил написанное!

Я трясся над рыжей тетрадкой, я так боялся, что когда-нибудь у меня отнимут все то, что я придумывал все эти годы. Я даже считал, что если наш дом загорится, как квартира Дезы, то я кинусь за тетрадкой без промедления. А Доллис пусть спасает свою пьяную тушу сама.

* * *

Травля за пределы класса не выходила. Остальной школе по большей части было все равно на меня.

Я шел по коридорам, и никто на меня не смотрел. Меня никто не замечал. Я не замечал никого, кроме нее.

(как ее зовут?)

Иногда я перебирал варианты. Ей бы очень подошло имя «Дайана». А еще «Маргарет». Ну, или Лара. Но думаю, ее все же звали иначе... И она никогда не узнает, что, встретив ее в школе, я каждый раз мысленно говорил: «Маргарет / Лара / Дайана, доброе утро!»

Каждый день я видел ее в столовой. Кроме понедельника. По понедельникам всегда давали рис, она, похоже, терпеть его не могла.

По пятницам и субботам я видел ее довольно близко — она занималась в соседнем кабинете. Дайана / Лара была на два класса старше, что я, кстати, узнал из школьного расписания.

Иногда на перемене, оказавшись рядом, я молился, чтобы кто-нибудь назвал ее по имени, но этого не происходило.

Я всегда смотрел на нее украдкой, не задерживая взгляд ни одной лишней секунды. А вот она, как и все вокруг, внимательно смотрела на меня... Еще бы, ведь Рос снова решил подойти ко мне с очередным «разговором».

Глава 1. Беготня

Дождь не унимался.

По пути в школу я дважды наступил в глубокую лужу, в кедах хлюпало.

Утром Ник даже не сделал попыток встать с кровати из-за поднявшейся ночью температуры. Нужно обязательно заразиться от него.

Мои волосы намокли и прилипли к лицу. Дождь барабанил по голове и плечам, очень хотелось спать или хотя бы зонт.

Впереди показалась школа, рядом — футбольная коробка, за ней — три ржавых турника для юных атлетов. Школа состояла из двух корпусов — трехэтажных зданий, соединенных между собой общим коридором, как перекладина соединяет букву П.

Я шел и ненавидел все, что видел.

Мне торчать здесь еще четыре года. Цифра ни о чем не говорит, кажется, что школьные дни никогда не закончатся. Они будут только тянуться, тянуться, тянуться, пока не закончусь я.

Я зашел в школу в толпе прочих учеников, но затеряться не получилось: Рос, Райли, Пол и Бен уже выцепили меня взглядами. Они сидели на скамейке у общей раздевалки и улыбались. Они улыбались всегда.

Я прошел в раздевалку, не глядя ни на кого из них. Они молчали.

Я снял мокрую кофту, повесил ее на самый дальний крючок, пошел обратно.

— Как дела, Салем? — голос Роса.

Я молча прошел мимо. Мне нужно было на литературу, кабинет на третьем этаже. Сколько там до начала урока?..

— Оглох, что ли?

Первой напрягается спина, словно слово «оглох» попало ровно между лопаток, после чего срабатывает инстинкт самосохранения.

Я услышал шаги за спиной, различив их в сотне других и в гуле голосов. Они были по мою душу.

Хотелось побежать, но я сдержался. Я всегда пытался сохранить хоть какую-то гордость.

Меня схватили за шиворот футболки сзади, я круто повернулся, чтобы высвободиться.

Все четверо уже стояли передо мной. Самые ненавистные лица.

Луирос (Рос) Митчел был сыном какой-то шишки в нашем городе. Еще с младшей школы, когда различия между учениками только начинают наливаться и цвести, именно Рос ухитрялся выделяться среди остальных. Агрессия и неадекватные реакции — следствие отношений с отцом. Это я случайно выцепил из разговора школьного психолога с кем-то из преподавателей. Из года в год Луирос все больше дурел, но, когда за ним в школу неожиданно приезжал тип на дорогой машине, становился шелковым. Отец наверняка был единственным человеком, которого он боялся. Страх исчезнет с возрастом, и один ублюдок свергнет другого, так всегда бывает, я читал.

Луирос был крепким, хитрым и жестоким, он круто одевался, и даже старшеклассники признавали его авторитет.

Райли Терон — коротышка, ниже всех в классе. Смуглый, щуплый, гадкий на язык (скорее, даже кислотно-ядовитый). Он был похож на шакала — его рост и комплекция не позволяли ему никого атаковать в одиночку. Общество Роса придавало Райли мужества, и он становился именно тем, кто с радостью ударит лежачего, девчонку или животное. Райли был тем, кто сделает абсолютно все, что взбредет в голову Роса, лишь бы не потерять столь важную для него дружбу.

(ДРУЖБА!)

Пол и Бен Уилсоны, два брата из неблагополучной семьи, еще хлеще той, что создали я, Ник, Доллис и Мышь. Бен вообще был старше всех в классе года на полтора. Все детство он проболел какой-то дрянью, поэтому в школу пошел позже. Учителя делали ему скидку. Болезненная дрянь явно шибанула его по мозгам.

Пола и Бена объединяло то, что они никогда не задирали меня в отсутствии Роса или Райли. Без этих двоих Уилсонов словно отключали от блока питания, они бесцельно просиживали все перемены в столовке, игнорируя не только мое существование, но и вообще всех вокруг.

Сейчас передо мной стояла вся великолепная четверка. Луирос пялился, не отводя взгляда.

Я вздрогнул, услышав школьный звонок. Рос улыбнулся еще шире. В отличие от меня, у него были очень хорошие зубы.

— Иди на урок, — он кивнул в сторону лестницы. — Опоздаешь.

Я постоял, глядя ему в глаза, еще секунды две. Эти секунды — все мое сопротивление. Я развернулся, сделал пару шагов, и мой рюкзак подлетел вверх от пинка. Учебники в нем обиженно подпрыгнули.

Я сначала весь сжался, но тут же выпрямился, оставив стиснутыми только зубы. А Луирос почему-то резко потерял ко мне интерес.

* * *

На физкультуру я переодевался в туалете, а не в общей раздевалке. Тут же оставлял вещи — прятал за ведрами для мытья полов в углу для технички.

Урок закончился, и я первым покинул спортзал, намереваясь незаметно дойти до туалета за вещами.

— Лови! — крикнул Рос и швырнул мяч для баскетбола мне в голову.

Я пригнулся, и мяч пролетел дальше по коридору, привлекая внимание всех вокруг.

Бац. Бац. Бац.

— Принеси обратно, — велел мне Рос.

Рядом с ним уже маячили Райли, Пол и Бен, остальные свидетели начавшегося представления смотрели на меня с улыбкой. Я молчал, и внутри все горело от унижения.

— Мяч принеси, — повторил Рос уже с нажимом.

Я развернулся и пошел к мячу.

Потом через плечо обернулся на толпу, жаждущую продолжения шоу, и рванул вперед.

Сзади завопили и бросились за мной.

Я не знал, почему поступил именно так. Я бежал как мог, я так шлепал кедами по линолеуму, что ступням стало даже больно.

За спиной орали, чтобы я остановился. Школьники удивленно расступались, а я лихорадочно соображал: куда мне деться, куда спрятаться?

Рос возбужденно кричал, я чувствовал его азарт: если догонит, то бить будет долго.

Я круто завернул за угол и чуть не упал, меня потащило влево, и я чудом устоял на ногах. Впереди была лестница. Почему-то она казалась мне спасением, и я рванул в ее сторону.

Раздался возглас кого-то из преподавов, но кому до этого было дело?

Перепрыгивая через три ступени вверх, я коротко оглянулся из-за плеча и совсем близко увидел Роса и Райли.

Я поддался панике.

(бежать, бежать, куда бежать?!)

— Сука, стой!!!

(бежать, бежать, куда бежать?!)

— Сука!!!

(бежать, бежать, куда... точно!)

Нужно обратно вниз, к кабинету музыки, там крошечный коридор, и никогда не горит свет, а в конце — нагромождение сломанных парт. Забежать туда, залезть под парты — никто не найдет в темноте! Надо только оторваться, совсем ненадолго, бежать, бежать, бежать!

Я выдавил из своих ног максимум, метнулся, словно на пониженной передаче, прямо по коридору этажа. Добежал до второй лестницы, чтобы снова удрать вниз. Бежал и не оглядывался, пульс стучал в ушах и в висках, было чувство, что посмей я повернуться хоть на долю секунды — меня тут же повалят лицом в пол и запинают.

Я перепрыгнул через пять ступеней, голоса школьников вокруг смешались в единый гвалт. Но через этот гам, как сквозь пелену, будто прорывались оклики Роса.

Оказавшись на первом этаже, я сразу свернул влево. Нужно было проскочить меж двух дверей, и я попаду в темный коридор, где обожают зажимать друг друга старшеклассники.

На пороге коридора я обернулся: я выиграл пару метров, но готов был поклясться, что в последний момент заметил сверху лестницы ноги спускающегося Роса.

(он видел, куда я побежал, или нет?)

Уже в темноте коридора меня догнал школьный звонок, перемена кончилась. С размаху я влетел в нагромождение парт, удержал ту, что была выше всех и почти свалилась мне на голову, а потом ползком пролез под партами к стене.

Гул не смолкал. Я понимал, что, если меня найдут здесь, в темноте, вдали от глаз преподав, я получу больше обычного.

Я дышал тихо-тихо.

Периодически черноту коридора озаряло светом, словно фарами проезжающих мимо машин — это открывались кабинеты ИЗО и музыки в самом начале закутка.

Я просидел под партами минут десять от звонка. Мне еще нужно было переодеть спортивную форму. Сердце, стучащее, как у кролика, успокоилось, и я вышел из темного коридора.

По пути в туалет, где осталась одежда, мне встретились старшеклассники, у которых отменили урок. Они стояли кучкой, кто-то смеялся, но большинство откровенно скучали. Никто из них не боялся за свою жизнь, они боялись разве что пары в дневник. Да и то — вряд ли.

* * *

— Можно войти? — я открыл дверь в кабинет математики.

Все внимание класса переключилось на меня. Я знал, что все улыбаются. Я смотрел только на препода.

Мистеру Моррису на вид было лет двести, он всегда носил гигантский коричневый пиджак и пах как что-то из антикварной лавки, но преподам был отличным и нормально ко мне относился.

— Где ты был, Салем?

— У директора, — соврал я.

Мистер Моррис кивнул и вернулся к примерам на доске.

— Пс-с! — с задней парты шикнули так громко, что нельзя было не услышать.

Я обернулся и увидел широченные улыбки Роса и Райли. Вместе они сидели за самой дальней партой.

Я молча сел за свободное место у окна, достал тетрадь и учебник, списал с доски тему. Начал переписывать первый пример, когда мне в спину «постучали» костяшками пальцев.

Я повернулся, и Сэм Диксон, сидевший сзади, передал мне смятый в шарик бумажку. Она была отвратительно теплая, словно ее держали в кулаке не меньше часа.

Я положил бумажку рядом с тетрадью и вернулся к уроку. Старался игнорировать ее существование, хотел даже не читать. Но чертова бумажка захватывала все мое внимание, она была как сварка, на которую нельзя смотреть, но очень хочется. Я пытался решать примеры, надеясь отвлечься — не выходило. От самого существования записки мне было тошно.

И я развернул мерзкий теплый шарик.

На мятом листе Луирос корявым почерком вывел: «К директору!»

* * *

После математики настало время кормежки. Весь класс, включая компанию Луироса, пулей вылетел из кабинета. Я ни на секунду не забывал про записку, поэтому сегодня решил не обедать.

Пока последний ученик не покинул кабинет, я делал вид, что собираю сумку (смотрел в рюкзак и перемещал учебники туда-сюда). Потом вышел в коридор и, нигде не увидев знакомых ненавистных лиц, поплелся на следующий урок, глядя под ноги.

Что-то пыталось рифмоваться у меня в голове.

(чертово солнце, чертов я

чертово солнце, чертов я...)

И тут снова сработал инстинкт самосохранения, выработанный за годы издевательств. Я услышал, что ко мне бегут.

Я обернулся — первыми бежали Рос и Бен, за ними — Райли и Пол, их возбужденные, ненавистные мне лица горели от восторга.

И я снова побежал.

За спиной мотался рюкзак, как стрелка выживших из ума часов. Туда-сюда.

— Я хочу твоей крови-и-и! — истерично вопил Рос, чтобы распалить своих шестерок еще больше и привлечь внимание к погоне. — Вы — давайте туда! — Как же близко голос, они совсем рядом.

Мозг работал быстро: они разделятся, двое спустятся и будут ловить меня там, двое будут гнать меня по коридорам и дальше. Мы на третьем, двое точно спустятся на первый, остается только второй этаж!

Что осталось из уроков? География? Плевать на географию! Выбраться из школы и бежать домой, бежать на чердак и спрятаться!

— Осторожнее, урод! — крикнула мне в лицо девчонка, на которую я случайно налетел.

Я проскочил один лестничный пролет и рванул по коридору. Мои преследователи не отставали.

Горло горело от тяжелого дыхания, а кеды вдруг стали свободно болтаться на ногах. Я бросил взгляд вниз — развязались шнурки. Конечно, на обоих кедах сразу.

Я вбежал в узкий коридор, где было всего три кабинета — тут обитали завуч, директор и школьный психолог. Этот коридор — самый узкий из всех в школе, народу всегда битком. Я пробирался через живую преграду быстро, как только мог, а Луирос орал мне в спину.

Я протиснулся между младшекласниками, которые жались друг к другу, как пингвины в пургу, и снова вылетел в просторный коридор. Впереди — лестница. Если меня караулят снизу, есть шанс, что не у этой, а если все же у нее, то для свободы нужно будет стать скользким, как уж, и пробежать метров десять.

А дальше я просто полетел лицом вниз. Как в самой идиотской комедии — наступил на собственный шнурок. Ладони звонко шлепнули по линолеуму.

Отовсюду послышался издевательский смех, но волновали меня только мои преследователи. Я хотел было рывком подняться, но успел лишь запрокинуть голову.

И увидел ЕЕ.

Она стояла совсем близко, в окружении трех одноклассниц. Все смотрели на меня. ОНА смотрела.

Я ни разу не видел ее в школьной форме, и сейчас она тоже была в светлой, почти белой, олимпийке и джинсах. Волосы в высоком хвосте.

Школьники вокруг смеялись так, что едва не тряслись стены здания. А я замер с задранной головой, где-то на задворках сознания ощущая жар в ладонях, на которые приземлился.

ОНА НЕ СМЕЯЛАСЬ.

ОНА смотрела на меня. Рядом — искаженные смехом лица ЕЕ подруг, а на ЕЕ лице — ничего, никаких эмоций.

Рос и Бен схватили меня в четыре руки — за рюкзак, за футболку, за предплечье и за волосы — и рывком поставили на ноги.

(я пролежал так долго? или все же мало? просто ЛЕЖАЛ?)

Я дернулся влево-вправо изо всех сил, брыкнулся, как необъезженная лошадь, и вдруг ощутил, что свободен — слабо держали! Снова побежал, слыша за спиной чертыхания Роса и Бена. Беготня продолжилась, но я уже был у лестницы. Я прыгнул с первой ступеньки на самую последнюю, выигрывая для себя пару секунд. Развязанные шнурки взлетели вверх. Приземлился на ноги, оглянулся в поиске Райли и Пола. Никого! Значит, поджидали меня у другой лестницы.

Я пробежал еще десять метров по первому этажу, толкнул железные двери и, наконец, оказался на улице. Двери позади меня хлопнули и больше не открылись — охота на мамонта не удалась.

Я продолжал бежать, даже когда мне уже ничего не угрожало. Ноги жгло от прыжка с лестницы, ладони жгло от падения. Жгло обидой и горечью. Это жжение собиралось в глотке и ползло через все лицо к моим глазам.

ОНА смотрела на меня. Я лежал на полу, с развязанными шнурками, а ОНА видела, как меня хватают за волосы. Видела, как я выкручиваюсь и бегу, как все вокруг смеются, как длиннющие шнурки так и просят, чтобы на них наступили.

(она не смеялась)

* * *

Ночью я понял, что не засну. Глаза не закрывались надолго — мне виделись Луирос и ОНА, меня сжирало заживо чувство стыда и отчаяния. Ночью все ощущается намного острее, я знал это, знал, что утром станет легче. Но образы упорствовали: ОНА смотрела на лежащего меня, и тут же рожа Роса заслоняла собой все и издевательски улыбалась. Образы так извели меня за ночь, что я даже улыбнулся позвонившему будильнику — так мне надоело вариться в котле собственного сознания.

Ник мирно спал всю ночь и из-за болезни снова не собирался в школу. А я собирался. Натягивал джинсы и думал: как же все-таки жаль, что ружье Гека осталось без патронов. Я бы, наверное, заряжал его в моменты отчаяния, и это бы меня успокаивало.

Глава 2. Гитара

Внизу звенели рюмки и с пшиком открывались банки: в доме была отличная слышимость. Я лежал на полу чердака у окошка. Темнота медленно подступала из-за леса к дому Доллис. Лес был отлично виден отсюда, и по вечерам этот вид нагонял на меня необъяснимую щемящую грусть. Неоформленная тоска по чему-то забытому и далекому была со мной с самого детства. Она нравилась мне. И я ненавидел ее.

Такими вечерами я ощущал мир, всю его боль и безнадегу. Так остро, что это ощущение становилось густым и вязким. Как кисель. Его можно было пить, и я упивался. Оно помогало мне писать стихи.

Сколько голосов внизу? Я насчитал семь, плюс голос Доллис. Днем тетка почти не говорила, вместо этого она хрипела и постоянно кашляла. Но вечером ее голос становился звонким и даже раскатистым, алкоголь смазывал какие-то шестеренки в ее горле.

С каждым прожитым днем Доллис становилась все омерзительнее. Придя сегодня со школы, я застал ее спящей на диване, полностью голую. Лестница на второй этаж — прямо за диваном, и мне пришлось подойти почти вплотную к тетке, а взгляд сам уперся в ее тело.

Доллис с такой силой вжалась в подушку, что лицо ее как-то сплюснулось, а нос съехал набок. Ляг я так же — мне наверняка стало бы больно.

(пьяные могут спать в любой позе)

Все ее тело было в синяках, каких-то царапинах, живот — дряблый и вздутый, а руки и ноги — тонкие. Все в тетке было отвратительно, но я все равно какое-то время стоял над ней и смотрел. Мерзость завораживает.

Снизу раздался общий хохот, который стряхнул с меня воспоминания. Я не знал никого из тех, кто пришел к Доллис сегодня, но это не мешало мне их ненавидеть.

Вообще, для ненависти достаточно двух вещей: горького опыта и низкой самооценки.

Доллис знала, что я пишу стихи. Раньше она пыталась заниматься мной и Ником, проверяла у нас домашку и, конечно, лезла во все тетради подряд. Моя рыжая тетрадка с песнями не стала исключением.

Иногда она рассказывала об этом на пьянках.

«Мой племянник — стихоплет. Такой грусти понапишет!»

Пару раз она даже звала меня к своим друзьям, чтобы я прочитал «грустный стишок».

Я закрыл глаза, на чердаке уже совсем стемнело. Голоса снизу почему-то стали тише, и я, почувствовав, что засыпаю, не стал этому противиться.

* * *

— Салем?

Я открыл глаза.

— Ты здесь?

Я приподнялся на локтях и тут же чуть не взвыл: все тело стало деревянным, как пол, на котором я уснул. Сколько раз я зарекался не спать на полу?

— Здесь, — отозвался я.

— Так и думал, — прошептал Ник. — Спускайся, зацени, что у меня!

Я прополз по чердаку и спустился по лестнице. Прошел за Ником в нашу комнату, потягиваясь по пути и растирая

задубевшую спину. По ощущениям уже была глубокая ночь, но во всем доме, как всегда, горел свет.

— Доллис...

— Внизу спит, — отозвался Ник, открывая дверь в комнату. — Ты сейчас офигеешь.

Я прошел вслед за братом. На кровати Ника лежала электрогитара. Бирюзовая, весь корпус в каких-то наклейках: голые девчонки, мотоциклы, Том и Джерри.

— Это чье?

— Она была у брата Челси. — Ник, ужасно довольный собой, сел на кровать рядом с гитарой. — Братишка же уехал у нее, уже два года как. Гитара — без дела, только место занимала. Я просто попросил, и она мне ее отдала, ты прикинь?

— Офигеть, — я подошел и провел указательным пальцем по струнам. Гитара чуть слышно отозвалась. — А где звук?

— Так это же электруха, — пожал плечами Ник и тоже принялся мучить струны. — Для нее нужен усилитель звука.

— А где усилитель?

— В магазине. Мне Челси только гитару отдала. Да ты поддержи! — Ник впихнул гитару мне, обижаясь, что я критикую его добычу. — Она звучит как обычная гитара, ну, чуток потише. А если усилитель купить, то вообще можно рок-фест устраивать... Ты играть будешь или нет? Все звуки-то те же. И нот семь штук, ни больше, ни меньше.

— Буду, — улыбнулся я и попробовал что-то исполнить.

Я не имел ни малейшего понятия о том, как играть на гитаре, но в тот момент вдруг уверовал, что я УЖЕ виртуоз-самоучка. И чуть не задохнулся от восторга, представив, что могу написать музыку к своим песням.

(я ведь знаю, как они должны звучать!)

Мысленно я уже подбирал ноту за нотой, делал это сутки напролет, и мои стихи постепенно превращались в песни.

Пребывая в этих фантазиях, я еле выдавил из себя «спасибо», продолжая чуть слышно брэнчать что-то невнятное. Ник тоже притих от восторга.

— Когда Челси согласилась отдать ее, я сразу подумал, что ты с удовольствием будешь учиться играть. Научишься и будешь горланить свои песни на весь дом — хрен заткнешь.

— А со мной — все выпивохи Доллис.

Мы сдержали смех.

— Может, тоже научишься?

— Может, — Ник с улыбкой пожал плечами. — У нас в компании есть парень, он иногда приносит гитару. Правда, играет исключительно всякую парашу. Это у него, кстати, кличка Крайний. Да, да, я тебе рассказывал почему!.. Короче, я могу попросить его научить меня чему-нибудь. А потом я это «что-нибудь» покажу тебе.

Это был лучший расклад из всех возможных.

Я непременно должен был научиться играть на гитаре, обязан! Эта мысль пульсировала у меня прямо во лбу. Я так ярко увидел, как играю свою музыку, прочувствовал заранее, как мелодия будет разрезать пространство комнаты каждой нотой. И, может, я смогу спеть брату. Тогда он поймет каждую сочиненную мной строчку.

(боже, в этой фантазии было больше смысла, чем во всей моей жизни ДО)

— Я очень хочу научиться, Ник, — я посмотрел на брата. — Я бы все усилия приложил, чтобы...

— Да понял я. Спать хочу, просто жуть! Давай завтра продолжим, прям с утра. Завтра же выходной?

— Завтра пятница, — я провел по струнам еще пару раз, прежде чем оставить гитару.

Совершенно не хотелось выпускать ее из рук.

— Черт, серьезно, что ли?.. Тогда тем более давай ложиться. Да оставь ты ее, никуда она не денется!.. Да, лучше под кровать. Там с Доллис спит какой-то узкоглазый, мало ли что ему в голову взбредет.

Я кивнул и спрятал гитару под свою кровать, а потом заставил ее книгами и коробками из-под обуви, в которых хранил всякий хлам.

За все четырнадцать лет у меня не было ничего ценного, кроме оранжевой тетрадки, украденных из библиотеки книг и этих коробок с безделушками. А тут вдруг — гитара! Бирюзовая и в наклейках. Она и пяти минут не пролежала под моей кроватью, но уже стала важнейшей вещью в жизни.

* * *

Ночью мне снился пожар. Я стоял возле дома, смотрел на лес. Лес горел. Я слышал рев огня, он приближался неумолимо, а мои ноги вросли в землю.

Когда я сторел — я стал выжженной травой.

Резко вынырнув из сна, я в панике свесился с кровати и нащупал гитару — она была на месте. В темноте было слышно сопение брата.

Я провалился в сон и снова увидел пожар. Он был везде, я хотел бежать, но ноги опять вросли в землю. Я не мог пошевелиться, но мне казалось, что рукой я крепко сжимаю гриф гитары.

Я сторел вместе с ней.

* * *

Прозвенел будильник. Я первым ушел в ванную, а когда вернулся, застал брата, сидящим на кровати с гитарой на коленях.

— Знаешь, что делают рок-звезды?

— Хиты.

— Они раздают автографы, — Ник приподнял гитару, продемонстрировав закорючку, оставленную на корпусе. — Теперь она именная. Ты тоже поставь.

— Не вижу смысла, — отозвался я, но послушно взял маркер и расписался на гитаре.

Рассматривая сделанное, я подумал, что у Ника даже подпись была какая-то позитивная. А моя — угловатая и нервная.

* * *

Я стал жить в предвкушении возвращения брата домой. Каждый раз, когда он приходил с улицы, я вскакивал к нему навстречу и спрашивал: «Ну что?!»

Крайний, по рассказам Ника, то гитару забывал, то вовсе не появлялся в компании. Но спустя пару недель долгожданный момент настал. Брат зашел в комнату, светясь так, что я сразу все понял.

Ник научился четырем аккордам.

Am, C, Dm, G.

Крайний просил передать, что это основа всего.

Мы пробовали ставить аккорды по очереди — пальцы гнулись с трудом и не до конца зажимали струны. Гитара дребезжала, но, когда из нее вдруг получалось извлечь чистый звук, мы были в восторге.

Потом Ник выучил два вида боя по струнам — с ударами по ним и без.

Вниз-вверх-удар по струнам.

Или просто вниз-вверх-вниз-вверх.

Это мы освоили быстро и стали экспериментировать: если дать два раза вверх и только один вниз — звучание становилось интереснее. Можно изменять длину пауз, силу ударов по струнам. А если добавить к этому разную скорость игры — уже вырисовывается совсем другая мелодия.

Через месяц Ник научился играть перебором, я не отставал. Перебор стал моим любимым стилем игры: он позволял извлекать каждый звук в отдельности. Мне нравилось слушать эти звуки, и я извлекал их в тысячах вариаций.

Когда брата не было дома, я играл почти постоянно, но только в дневное время. Стоило первому гостю Доллис переступить порог нашего дома, я сразу прятал гитару под кровать и заставлял ее книгами и коробками. Все-таки на руку было то, что гитара звучала так тихо — тетка вообще не догадывалась, чем я занимаюсь.

Так продолжалось изо дня в день: я играл, прятал гитару, залезал на чердак и там думал о гитаре. Играть мне хотелось всегда, но я был предельно осторожен, за инструмент я боялся не меньше, чем за рыжую тетрадь. Вообще, я постоянно чего-то боялся.

Кажется, страх вкупе с грустью были моим основанием. Позвоночником. К нему крепились умение сочинять, ощущение мира и все мои комплексы.

Грусть и страх давно стали двигателем тех эмоций, которые я превращал в стихи и музыку. Я боялся быть непонятым Ником, мне постоянно казалось, что он не прочувствует написанное, если я не доведу начатое до идеала. Я перечитывал песни раз за разом, ища в них изъяны. Раз за разом переделывал те простенькие мелодии, на написание которых был способен, стремясь хоть отдаленно передать то неоформленное совершенство, зудящее в голове.

(страшно быть непонятым. зачем мне быть понятым?)

Я писал песни и не имел права облажаться по завершении каждой — так я считал. Почему?

Вопросы без ответов, страхи и мечты привели к тому, что за три месяца практики я стал чувствовать инструмент — по-другому не назовешь. У Ника получалось играть ничуть не хуже. Это меня поражало — брат брал гитару в руки гораздо реже меня, но играли мы на одном уровне.

Вообще, у Ника многие вещи получались как бы запросто, они не стоили ему больших усилий. Гитара не стала исключением.

* * *

Сначала мы научились играть, а потом уже выучили ноты. Крайний дал Нику засаленную методичку по игре на гитаре, под честное слово «вернуть через неделю». Мне пришлось быстро переписать методичку в отдельную тетрадь, слово в слово. После этого я несколько дней не мог держать ручку в руке, потому что натер себе мозоль.

Первое время Ник уносил гитару, чтобы Крайний ее настроил, а потом мы сами этому научились.

— Слух музыкальный, — говорил о себе каждый раз Ник, завершая настройку.

Видимо, это было правдой.

Когда Доллис слушала радио, я запоминал мелодии, а потом подбирал их на гитаре. Получалось похоже. С первой подобранной мелодией процесс игры перестал быть таинством, именно с этого момента я понял, как пишется музыка.

Может, мои отец или мать имели отношение к музыке: отличный слух наверняка зависит от генетики. Брат сказал, что Деза — точно не артистка, хоть и сгорела она с большим аншлагом.

Неделю я порывался спросить Доллис о музыкальных способностях родителей, но она все спала и спала. Потом я перегорел. Какая, в сущности, разница?

Главным было то, что у меня и Ника получалось. В моей тетради появились ноты и аккорды, они до того круто смотрелись рядом с песнями и обрывками фраз, что писать хотелось, не останавливаясь. Благодаря гитаре каждый день наполнился смыслом и разбился на цели.

В школе я все думал, как сяду за гитару дома, а дома томительное ожидание становилось реальностью, и такое превращение будущего в настоящее было самой крутой штукой на свете.

Глава 3. МЦМ

Зима догнивала. Чем дальше отходишь от нашего дома, тем сильнее ощущается рассвет очередного цикла года. Приближение весны, новые надежды. И, наоборот, путь к дому Доллис натуральным образом гнил: гигантские лужи, через которые переброшены доски, как мосты через реку, мусор и собачье дерьмо. Дерьмо было просто повсюду, куда ни глянь, его обнажил растаявший снег. На деревьях и кустах не было крошечных зеленых листочков, как в другой части города, весна словно брезговала нашей окраиной.

И все же она не могла не случиться. Весной невозможно ненавидеть всей полнотой чувств. Даже здание школы я стал ненавидеть меньше, чем с «зимней» силой.

Я думал о Маргарет/Ларе/Дайане, думал о гитаре и песнях, образы щекотали мне воображение. Я хотел бы остаться в этих наваждениях навечно.

* * *

— Пасу-у-уй! — орал Ник, размахивая руками над головой. — Я открыт!

Айзек дал длинный пас, а брат принял мяч на грудь и ринулся к вражеским воротам. Ник хорошо играл. Я сидел на лавочке довольно далеко от футбольного поля, но отсюда все отлично видел. Сегодня я забыл спортивную форму, словил в дневник замечание и мог прохладиться все два урока физкультуры, пока одноклассники гоняли мяч, а одноклассницы играли в вышибалы.

Я был в отличном настроении. Все благодаря весне и последним на сегодня двум урокам.
(и домой, домой, к гитаре)

Футбол продолжался, а я переключил внимание на корт справа. Там все мои одноклассницы разбились на две команды и старались задеть соперниц мячом. Я невольно хмыкнул, заметив, как Венди забирает у своей команды почти каждую подачу — играет соло. А целится соперницам исключительно в лицо.

(сколько агрессии!)

С футбольного поля раздалось многоголосое «фу-у-у-у», я повернул голову туда...

...и перестал видеть.

Наверное, за секунду до этого я услышал крадущиеся шаги сзади, но ни о чем не успел подумать. Я дернулся, но меня уже крепко держали.

Я задышался.

Все стало мутно-белым. Я вздохнул через рот, и белая пелена полезла внутрь, вторя вдоху, словно хотела заползти прямо в глотку.

Это был пакет.

Пакет на моей голове.

Меня держат очень-очень крепко.

(У МЕНЯ НА БАШКЕ ПАКЕТ!!!)

Я отчаянно рвался — схватили еще крепче. Кто-то надавил на голову, заставляя меня нагнуться вперед. Воздуха не было.

Я открывал и закрывал рот, но в легкие ничего не попадало. В голове нарастало напряжение, она готовилась лопнуть.

Я стал обнаженным инстинктом. ВЫЖИТЬ. Я вырывался из чужих рук, пытался разорвать пакет зубами. Вокруг, словно птичий гвалт, кричали миллионы голосов. Кричали мое имя.

(я умру)

(Я УМРУ)

Все, что от меня осталось, — страх. Напряжение всех электростанций мира — моя голова.

(мне бы только еще раз увидеть Маргарет(?), пожалуйста, мне бы услышать еще одну шутку брата, хотя бы еще раз взять в руки гитару!)

(ПОЖАЛУЙСТА)

Все, что загоралось в моей голове яркими беспорядочными вспышками, и было моей счастливой ускользающей жизнью. Все это барахталось в грязной луже из ужаса, боли, пелены перед глазами, а мое тело дергалось и больше не принадлежало мне.

И вдруг все закончилось.

Я рухнул со скамейки на колени. Так громко сделал первый глоток воздуха, что он показался мне воплем. Он вернул мне реальность. Вернул мне слух.

— Бесчеловечно! — это было первое слово, которое я услышал.

Кажется, голос принадлежал преподу. Он в ярости перечислял имена.

Луирос Митчел. Райли Терон. Пол и Бен Уилсоны.

Глаза мгновенно наполнились слезами. Я пытался не рыдать, но не смог.

(чертовы слезы, как будто было мало унижений, чертовы слезы, как будто было мало...)

Меня хотели убить. Простые школьники, которых я вижу шесть раз в неделю, хотели убить меня. Душить до самого конца, чтобы посмеяться над тем, как я буду корчиться.

(смеяться! они же всегда улыбаются!)

Меня бы похоронили, а Райли и Рос ни за что бы меня не забыли. Раз в месяц они приходили бы на мою могилу, чтобы насать на нее. До конца их долгих счастливых дней.

Я всхлипнул, и тут же сам себе закрыл рот, тихо замычав от злости на ненавистные слезы. Я ревел от осознания, что я ЖИВ. Это было сильнее меня. Осознание того, ЧТО не случилось и ЧТО могло произойти.

Меня рывком подняли с земли. Я закрыл руками лицо, перед этим успев увидеть кроссовки Ника. Это он меня поднял. Я беззвучно заорал в ладони от стыда.

— Пойдем, — сказал брат и повел меня куда-то за плечи.

Его голос был слабым, словно он неделю провалился с лихорадкой.

Я убрал руки от лица. Все, кто был на физкультуре, все, увидевшие из окон такое представление и, выскочившие на улицу, стояли передо мной и молчали. Многие улыбались. Некоторые надломили брови, изображая сочувствие. Именно в их глазах плескался животный интерес и жажда продолжения.

(сколько здесь глаз? точно не меньше сотни)

Они все ненавидели меня. Никто из них не вмешался, шоу с пакетом прервало только появление препода. Ник держал меня за плечи, пока мы шли, а я, как мешком пришибленный, переводил взгляд с одного лица на другое. Я видел презрение, равнодушие, интерес, видел столько гадких улыбок. Стояла тишина.

Только препода позади нас надрывал голосовые связки. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, что Рос и остальные стоят перед ним, потупив взгляды в пол. Строят самые раскаивающиеся лица. Весенний ветер чуть колышет белый пакет у них в ногах.

Пакет, которым они только что душили меня.

Но теперь — они раскаиваются.

— Завтра же ваши родители должны явиться в школу! Это неслыханный случай! Немыслимый! — препода охрип на последнем слове.

Мы с Ником вплотную подошли к «зрителям». Они медленно расступились, пропуская нас вперед. Никто не проронил ни слова.

Я ждал, когда кто-нибудь из толпы кинется к нам, чтобы закончить начатое Росом. Мой взгляд метался от лица к лицу, чтобы не упустить рывок в нашу с братом сторону.

Никто не дернулся. Ник крепче сжал мои плечи.

Когда мы подошли к школьным дверям, я не выдержал и обернулся.

«Зрители» продолжали неотрывно смотреть на меня. Они все, я уверен, очень хотели увидеть, чем бы все закончилось, не вмешайся препод.

(все они хотят видеть меня с пакетом на голове)

Я отвернулся.

* * *

По пути домой Ник подбадривал меня как мог. Его реплики о том, что он разобьет Росу рожу, доносились до меня с вязким запозданием. Я не мог думать ни о чем, кроме белого пакета и чувства удушья. Казалось, что вот-вот меня снова накроет белой целлофановой пеленой. Я даже слышал, как шуршит пакет прямо у меня над ухом.

Доллис сидела на крыльце дома, втыкала куда-то вдаль. В ее пальцах тлела сигарета. Она часто замирала вот так, из окна чердака я иногда наблюдал, как тетка часами сидит на одном месте.

Мы с Ником прошли мимо нее. Тетка прохрипела:

— Накормите Мышь.

Я поднялся в комнату и лег на кровать. Ник притащил мне бутерброды с сыром, какое-то время посидел рядом, стараясь развеселить. А потом ушел.

Я вспоминал, прокручивал в голове снова и снова. Сто раз, двести раз, триста. Когда я заснул, мне приснилось каждое лицо из той толпы. Лица расплзались по моему сну, как метастазы.

* * *

Я стал лордом пустого места, королем ничего.

В школе все держались так, словно меня не существовало. Я пропустил три дня занятий, и за это время все вдруг изменилось. Не знаю, чем так напугал преподавательский состав наш класс, но теперь никто даже не смотрел в мою сторону. Меня избегали, шарахались, ничего не кричали в спину. Я не получал записок, ни от кого не убегал. Рос и остальные где-то пропадали каждую перемену, а на уроках сидели молча.

Школьные будни стали для меня натянутой до предела струной. Я не знал, чем пригрозили Луиросу и остальным, но четко ощущал, что этот игнор только на время. Рано или поздно все должно было вернуться на прежнюю колею. И я ждал этого каждую минуту, ждал, когда все вокруг скинут это напускное равнодушие и бросятся на меня с сотней пакетов. Пренебрежение возымело обратный эффект, я стал до того дерганным, что даже Ник удивлялся.

Потом одноклассники начали интересоваться, как у меня дела. Первым спросил Сэм Диксон, я тут же выпалил «нормально», вопросов от него больше не прозвучало. На следующий день поинтересовалась Венди, та самая любительница игры в «вышибалы в голову». Я снова ответил «нормально», хотя был близок к психозу. А через неделю в столовой меня позвали за общий стол. Я тогда смог съесть три ложки и выпить чай. Я чувствовал изнуряющее напряжение и стремился выскочить из-за стола как можно скорее, хотя все остальные снова делали вид, что меня не существует, и тихо переговаривались между собой.

Ник предположил, что случай с пакетом побудил многих пересмотреть отношение ко мне, но я не собирался соглашаться с этим.

Их заставили, и скоро это закончится, вот что я знал без сомнений.

Я не верил, что кто-то способен проникнуться ко мне сочувствием, не верил, что кому-то искренне интересно, как у меня дела. Все это мнимое, лживое. И продолжаться будет ровно до тех пор, пока Луиросу не надоест играть в хорошего мальчика. Дальше — только цепная реакция.

* * *

Я перестал брать в руки гитару и ничего не писал. После школы кидал рюкзак с учебниками на кровать, отправлялся в лес за домом и гулял там до наступления сумерек.

По пути в школу и из нее меня преследовало ощущение удушья, а в лесу оно становилось слабее.

Удушье накатывало внезапно. Я мог думать о чем-то отвлеченном, когда вдруг начинало казаться, что меня вот-вот накроет белой пеленой. Я слышал шуршание пакета совсем близко и жадно начинал хватать воздух. Но воздуха не хватало.

Я понимал, что это наваждение, силился отогнать его от себя, но теперь белый целлофановый пакет стал моим постоянным спутником.

Раньше я думал, что моя жизнь всегда будет такой: пьяная Доллис, ненавистная школа, чертов Луирос. И проблески света в виде чердака, гитары и Ника. Я не знал, что могу ощущать себя гораздо хуже, и нечему, некому будет вытащить меня из этого состояния.

* * *

В этом учебном году я не просыпал уроки еще ни разу. Но сегодня открыл глаза, когда уже подходил к концу второй урок.

Сначала я бежал в школу, но на четверти пути перешел на шаг, подумав, что хуже уже точно не будет. Солнце припекало сильнее обычного.

В школе стояла тишина — урок начался. Я поднялся на второй этаж к кабинету биологии. Препог где-то задерживался, поэтому весь наш класс скучковался в коридоре. Я поднимался по лестнице и видел затылки ненавистных одноклассников.

Все внимание класса было приковано к Росу. Он с улыбкой отдавал команды Райли, а тот, прямо как маленькая шавка, поджавшая хвост, стоял напротив него и, смущаясь, чему-то подыгрывал.

Когда Луирос попытался одеть Райли на голову черный пакет, я задохнулся. Вцепился в перила и замер, глядя со стороны на самого себя, на то, каким убогим был в тот момент, на месте Райли.

Рос держал пакет крепко. Райли сначала шутливо заорал и замахал руками, но вскоре стало понятно, что ему не смешно. Он задержался, потянул руки к душителю.

Луирос рывком снял пакет с его головы, и тут кто-то из одноклассников заметил меня. Повисла тишина, и все, кто стоял у кабинета, повернулись ко мне. Только Райли скулил, вцепившись в свою шею.

Я попятился и побежал.

Перед глазами стояла пелена, и я не понимал, слезы это или целлофановая завеса.

Мимо луж, мимо редких прохожих, мусора, собачьего дерьма я добежал до дома и залез на чердак. Сгорбился там над рыжей тетрадкой и начал писать. Сразу в «чистовик», ничего не исправляя и ни над чем не думая, я просто переписывал то, что быстро диктовал голос в голове.

Ненависть и тоска, удушье, страх, немые вопли.

Обида, отчаяние, ничтожность.

Это все я, это все во мне, это все про меня.

1

Кто-то просто взял и стер завесу
 Поменял весь мир и заменил людей
 Меня обмотали целлофановым пакетом —
 Не страшно и просто, впереди много дней
 Пелена в глазах, я романтично-грешен
 Все мои враги превратились в друзей
 Мои клятвы больше не имеют веса
 Целлофановый мир оказался сильнее
Прилеп

Каждый раз, когда я смотрю в отражение
 Мне кажется, я вижу черно-белый фильм
 Каждый раз, когда я смотрю в отражение
 Вокруг меня лишь мой целлофановый мир

МЦМ

2

МЦМ

Жизнь находится чуть дальше, чем я вижу
 Рубко дажит за рамкой дозволенного
 Люди вокруг поют гимн фашизму
 И, почему-то, я вторю каждому их слову
 Они подмигивают мне на прощание
 Я слышу хрипы/стоны из своих
 вздутых вен
 И если ранее вокруг царил бы молчание
 То сейчас толпа одержительно кричит
Прилеп

и так тоже будет работать
 или не будет
 или будет

Все замечательно

Глава 4. Е.

Целлофановая завеса не смогла затуманить образ Маргарет(?). Все эти дни я думал, что белая пелена заслонит и задушит все, что во мне было, но ОНА выжила. Я миллион раз прокручивал в голове момент, когда Ник вел меня за плечи, а равнодушная толпа перед нами расступалась, как волны перед Моисеем. И тут в толпе возникала ее тонкая фигурка, залитая светом. Она стояла позади всех и тоже смотрела, как брат ведет меня прочь. В этой бесконечной толпе я видел ее лицо так же явственно, как в зеркале вижу себя самого. Она смотрела с нескрываемым сочувствием. Наверное, так пыталось спасти меня мое сознание — мне нужно было утешение, пусть и вымышленное. ЕЕ не было в тот день в толпе зевак, но ОНА постоянно вытаскивала меня из отчаяния. Мне нужно было думать о чем-то светлом, чтобы находить силы подниматься с кровати по утрам.

Два наваждения стали неотделимы. Внезапно вновь задохнувшись, потонув в воспоминаниях, разум призывал мне на помощь образ Дайаны (?), и раз за разом я вывозил эти приступы. Так ЕЕ в моих мыслях стало только больше.

* * *

Уже стемнело, когда я вернулся с прогулки по лесу. Друзья Доллис успели так налакаться, что говорили чуть слышно. Я насчитал пять человек в гостиной, плюс — сама Доллис. Тетка спала на диване сидя, уронив подбородок на грудь. Первый этаж дома был полон сигаретного дыма, а пол был залит чем-то вонючим и липким.

Я поднялся на второй этаж. Здесь было только две двери: в нашу с Ником комнату и в ванную, и еще маленькая лестница на чердак. Мне хотелось залезть на самый верх, чтобы просто лечь у окна и постараться ни о чем не думать, когда снизу раздалось пение.

(два голоса, две женщины)

Эти голоса я слышал впервые и не знал песни, которую они пьяно затянули. Пели они на тройку с натягом. Но почему-то их пение вдруг отозвалось во мне тоской, режущей без ножа. Тоской такой силы, что я застыл у своей комнаты и стоял так, пока они не замолкли.

Я часто проклинал свое оголенное мироощущение, но в этот момент мне хотелось чувствовать ЕЩЕ БОЛЬШЕ. Захлебнуться привычной тоской добровольно. Песня, исторгнутая из пьяных глоток, напомнила о чем-то давно утерянном, забытом, случившемся со мной в далеком прошлом. В другой жизни. Я нащупывал что-то такое, что невозможно вспомнить, и оставалось лишь довольствоваться отголосками.

(непонятная тоска по неизвестно чему)

Как в трансе, я залез на чердак, прополз в темноте до окна, сел и принялся напевать ту мелодию. Еле слышно, иногда вставляя слова, которые запомнил, иногда добавляя свои. Я пел, и тоска усиливалась.

(боже, мне хочется, чтобы она стала ЕЩЕ СИЛЬНЕЕ)

Я вдруг четко понял, для кого пою, и невольно улыбнулся.

(как тебя зовут, Маргарет?)

Я пел, и мне стало казаться, что когда-то я был с НЕЙ, имел право касаться ЕЕ, но забыл об этом.

И она забыла.

И мы оба никогда не восстановим в памяти ускользающую картинку, как бы щемящая тоска ни силилась об этом напомнить. Наваждение было как сон, который миг за мигом улечивается из памяти. Он всплывает напоследок, дразня, и исчезает окончательно.

* * *

Класса до третьего я воспринимал мир довольно узко. Он ограничивался домом Доллис, Ником и одноклассниками. Остальные школьники, преподаватели и люди из органов опеки казались просто массовой толпой, я не думал о них ни минуты.

Потом границы раздвинулись. Я стал запоминать чужие лица за пределами своего класса и дома. Это началось с НЕЕ.

Я помню, как бежал в столовую со своим классом (младшеклассники почему-то не уважают спокойный шаг), и как мерзко пахло рыбными котлетами. Навстречу нам двигалась компания девчонок постарше. Я сразу заметил ЕЕ, потому что она одна была не в школьной форме. Сейчас моя память воспроизводит этот отрывок так: я бежал, смотрел на нее, и она тоже на меня смотрела. Хотя уверен, на самом деле она не смотрела на меня никогда, кроме случаев, когда рядом оказывался Рос.

Именно лицо Маргарет(?) стало первым «новым» лицом в моем маленьком мире.

Я замечал ее в школе каждый раз, пока все остальные оставались декорациями.

Я узнавал ее со спины, потому что ни у кого больше не было таких хрупких плеч.

Мне пришлось запомнить лица ее одноклассников, потому что они были, так или иначе, связаны с НЕЙ.

Если Дайана(?) шла по улице, а я сидел у окна на третьем этаже, я впивался в нее взглядом. Ее походка была особенной. Я чувствовал ЕЕ присутствие, даже если секунду назад уткнулся в учебник.

А еще она постоянно мерещилась мне. Похожая одежда / такая же прическа / одинаковые рюкзаки. Один раз я увидел ее в какой-то девчонке по пути домой и шел за ней, держась на большом расстоянии. Эта девчонка завела меня в район, в котором я никогда не был, а потом ее окликнули с балкона дома. Она повернулась, я увидел ее лицо и был обожжен разочарованием (и целых два часа, плутая, потратил на обратную дорогу).

Я дал ЕЙ очень много имен, но чаще всего она была именно Маргарет. Я сам не знаю, почему так.

* * *

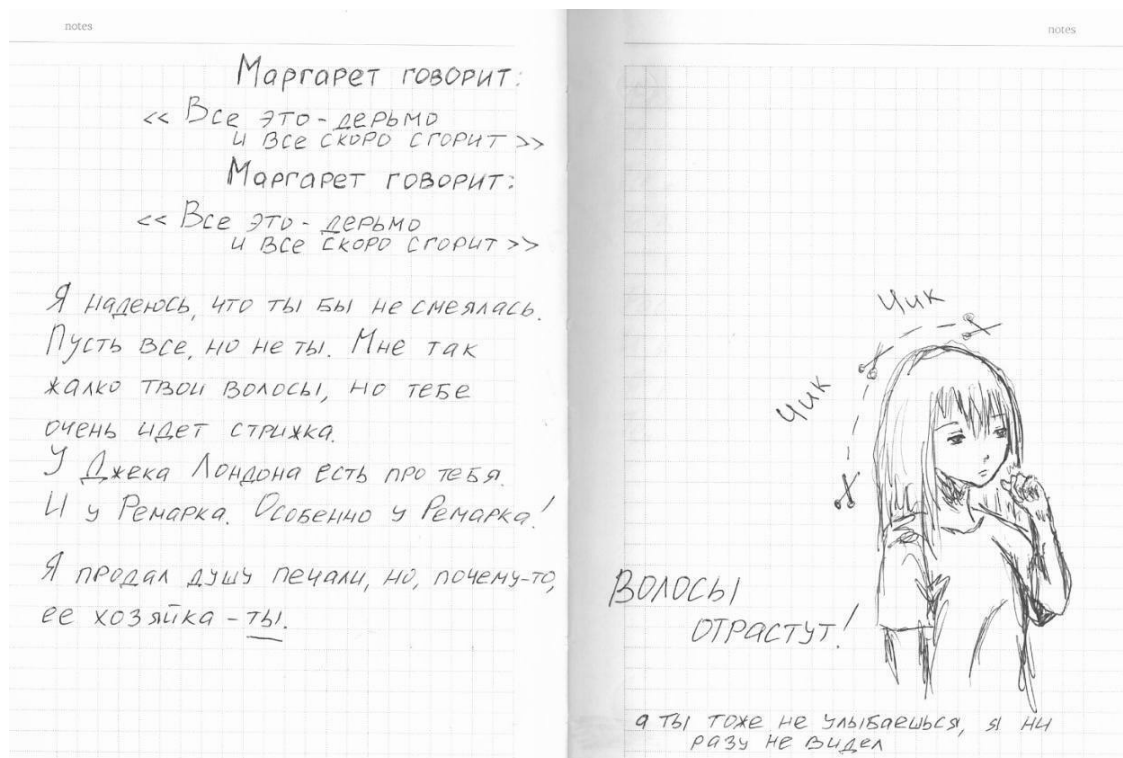
ОНА подстриглась.

У нее были густые темные волосы, которые она часто собирала в хвост. Длинные. Длиннее, чем у большинства девчонок в школе. Идеально прямые.

Я ждал пятницы, как самая верная собака — по пятницам у нас были занятия в соседних кабинетах. Я всегда осторожно бросал на нее взгляды и никогда не смотрел дольше нескольких секунд, но в этот раз — тупо пялился. Она подстриглась, и почему-то это изменение я ощутил как удар под дых. Теперь ее волосы доставали до плеч. Я захлебнулся в этой перемене. ЕЕ лицо стало непривычным, ОНА вся изменилась. Мне было очень жаль ее волос, и мне очень нравилась эта новая стрижка.

Она стояла и разговаривала с одноклассником, что был выше ее на две головы. Я вглядывался в НЕЕ не отрываясь. Внезапно раздавшийся звонок заставил меня дернуться и, словно выйдя из-под гипноза, тряхнуть головой, собирая реальность по частям.

Я знал, что теперь мне придется перекраивать ее образ в своем сознании. Это будоражило.

* * *

На первом этаже школы, рядом со столовой, висело полотно для проявления всей детской фантазии. Это была огромная доска, на которую цепляли рисунки школьников, нарисованные в добровольно-принудительном порядке. Красная надпись сверху сообщала тему, которую отражали изображения. Тема менялась где-то раз в две недели.

В каждом классе была пара сносно рисующих учеников, они отдувались за свой класс на постоянной основе. Я неплохо рисовал, но об этом не знал никто, кроме Ника. Один раз я увидел, как Луирос срывает с доски чей-то рисунок и демонстративно им подтирается. Рисунки всегда подписывались авторами, и с моей мазней Рос обошелся бы гораздо хуже.

Сегодня тема была довольно унылой: «Моя мечта». Эта тема возникала каждый раз, когда не находилось какого-то минимально-значимого праздника.

Что бы нарисовал я? Чердак, гитару и Маргарет / Дайану? Похороны Роса? Вечер, когда в нашей гостиной только Доллис?

На доске висело около тридцати рисунков. Чаще всего школьники рисовали закат на море, нелепых человечков, держащихся за руки (сверху ОБЯЗАТЕЛЬНО должна быть надпись «МИР»), себя самого с кубком в руках и медалями на шее. Еще здесь были гоночные автомобили, замки, лошади, полет ракеты на луну. В самом низу доски висел настоящий артхаус — рисунки учеников с первого по четвертый класс. Больше остальных меня развеселил рисунок второклассницы, которая мечтала о квадратном котенке.

Выше расположились художества учеников постарше. Из общей массы выбивался один черно-белый.

Я рассмотрел его получше. Крыши домов, нарисованные простым карандашом. Через весь рисунок, поверх крыш, тянулась надпись «БРУКЛИН».

Я не знал, как выглядит Бруклин с высоты птичьего полета, но казалось, что таким быть он никак не мог. Нарисованные крыши были самые разнообразные, они жались друг к другу, и автор явно остановился только из-за размера листа.

(что за странная мечта, крыши Бруклина? зачем выводить их так старательно? почему они так плотно прилегают друг к другу?)

Мне пришлось щуриться, чтобы рассмотреть подпись автора, несмотря на отличное зрение. Рисунок висел высоко, и подпись была совсем крошечной. Увидев строчку «10А» я просто впился в рисунок взглядом...

Ева Каплински.

В сознании тут же отвалились и Лара, и Дайана, и Маргарет. Я был уверен, что это ОНА. Это не мог быть никто, кроме нее. Ей слишком подходило это имя.

(как я сам не додумался до этого имени?!)

(EBA!)

Глава 5. Алькатрас

Последние дни учебного года всегда тянутся дольше остальных. Я обожал летние каникулы. Летом я только и делал, что читал и писал, но теперь у меня была еще и гитара. Я досиживал последние дни, отключенный от реальности, — мысленно я уже был свободен от школы. Еще две недели — и целых три месяца можно будет заниматься только музыкой.

Луирос и остальные по-прежнему игнорировали мое существование. Их поведение держало меня в напряжении, но и это скоро должно было закончиться.

* * *

Сначала в доме стало чисто, потом Доллис стала курить только на улице. Целых два дня в нашем доме не появлялись дорогие гости. Доллис двигалась на автопилоте, потому что была трезвой. Это означало, что со дня на день мы ожидаем появление людей из органов опеки. Нужно будет разыгрывать спектакль: мы семья с тяжелой судьбой, но крепким внутренним стержнем. Объявилась даже Мышь, которую я не видел больше двух недель, и стала спать в доме.

Тетка выглядела плохо. Глядя на нее, можно было подумать, что это мы с Ником взяли на попечение несчастную родственницу.

Она давно не красила голову, темные корни волос отросли сантиметров на десять и сильно контрастировали с окрашенными светлыми прядями. Лицо у Доллис было бледно-желтое, а распухший нос (предатель!) с красными прожилками выдавал в ней пьяницу со стажем.

Когда день появления работников опеки стал известен, Доллис строго-настрого велела нам с Ником сидеть дома.

Мы с братом покивали и сразу после школы отправились шляться по городу. День появления «сочувствующих» ежегодно выгонял из дома даже меня.

«Сочувствующие» всегда приходили в наше отсутствие, а Доллис была вынуждена плести байки про спортивные секции, где мы с Ником, соответственно, и пропадали.

Также и в этот раз: я и брат переступили порог дома, где нам было велено сидеть весь день, после семи вечера. Услышав, как хлопнула входная дверь, Доллис большими шагами заспешила в коридор. Я глянул на тетку и не смог скрыть удивление: она улыбалась.

— Вы поедете в детский лагерь!

— Чего? — Ник спешно повесил кепку на крючок и развернулся к Доллис.

— Организация заручилась поддержкой еще одного благотворительного фонда, — тетка явно повторяла слова работников. — Помимо выплат, в этом месяце вы получаете билеты в летний лагерь. Все лето в лагере! Мне и не снилось такое в вашем возрасте!

— Так, может, сама и поедешь тогда? — Ник огрызнулся.

В один миг фантазия о лете, где я пишу стихи и подбираю к ним музыку, схлопнулась. Вместо нее я увидел колючую проволоку, надзирателей и самого себя в полосатой робе.

Вынырнув из собственных мыслей, я услышал, что Ник и Доллис продолжают ругаться. Брат тоже не хотел провести все лето вдали от своих друзей. К тому же у него совсем недавно начались новые отношения с... Шэрон, что ли.

— Доллис, — сдавленно произнес я. — Не отправляй нас в лагерь. — Тетка молча взглянула на меня. — Мы ничем тебе не помешаем.

— Я — так вообще дома ночевать не буду, — горячо пообещал Ник. — Ты же сама знаешь.

Доллис покачала головой.

— У вас там будет ВСЕ, — с акцентом на последнее слово. — Кормят пять раз в день. Все лето на свежем воздухе, рядом озеро... Мероприятия спортивные! — Ник взвыл и выругался.

— Нет, а что ты хочешь, засранец?! Чтобы я на ту мелочь, что выделили сейчас, вам обоим и пожрать, и одежду на вырост?! Вас корми, кошку корми, сама хоть что-то ешь...

Я ненавидел ее.

(какая одежда?)

— Плати за дом, тетя, плати за наши лекарства! — продолжала разошедшаяся Доллис.

(какие лекарства?!)

— Лагерь — так вообще тот самый, в который все попасть мечтают...

— Кто — все?

— Да даже по ТВ его рекламируют! И вместо того чтобы быть хоть самую чуточку благодарными...

Я не стал дослушивать, Ник последовал моему примеру. Пока мы поднимались к себе, тетка продолжала орать нам в спины про то, какой расчудесный детский лагерь ждет двух таких неблагодарных засранцев. Тетка задыхалась от негодования.

Ник что есть силы хлопнул дверью комнаты.

— Сука поехавшая, — прошипел он. — Последние мозги пробухала.

Я сел на кровать и уставился в одну точку. Снизу еще несколько минут раздавались вопли тетки, а потом все стихло.

— Раз уж и так забирает все наши деньги, почему бы ей не забрать и путевки в лагерь, который, блин, по ТВ рекламируют?

— Потому что там не будет ничего крепче компота, — ответил я.

— Сука поехавшая, — повторил брат.

Я сидел и крутил в голове мысль о том, что дерьмо будет длиться вечно. Ник тоже замолчал и какое-то время гонял вниз-вверх молнию толстовки. Потом он встрепенулся:

— Просто свалим оттуда — и все. В первую же ночь.

— Свалим? Домой?

— Да! Вряд ли Доллис еще раз «просохнет» ради того, чтобы отвезти нас в лагерь. А если и так — снова сбежим, пока ей не надоест катать нас туда-сюда.

Я нашел эту идею гениальной. Сразу же появились силы на то, чтобы жить и бороться с теткой диктатурой.

До самой ночи мы с Ником обсуждали план будущего побега, а потом оба быстро заснули в отличном настроении.

* * *

Теперь время понеслось галопом. Когда я ждал начала летних каникул, оно тянулось, как безвкусная жвачка. Теперь я ждал депортации с чердака в лагерь, и последние две недели пронеслись мгновенно.

Перед лагерем было необходимо пройти медосмотр. Мы с Ником целый день провели в больничных очередях, где нас проверяли на наличие вшей, кариееса, лишнего веса и искривления позвоночника. Из больницы нас отпустили с кучей бумажек, подтверждающих, что мы не несем угрозу и вшей своим лагерным братьям по несчастью.

Третьего июня мы должны были быть в лагере. В ночь этой даты я отнес гитару на чердак и завалил ее всем хламом, что удалось найти. Теперь, чтобы откопать ее, нужно было неслабо постараться. Тетрадь я тоже оставил на чердаке. Я был уверен, что мы с Ником вернемся через пару-тройку дней, как и планировали.

* * *

Ник предложил сбежать еще до отбытия в лагерь, но присутствие опекуна перед отправкой было обязательно. Доллис самолично посадила нас с братом в двухэтажный автобус, предварительно расписавшись в важных бумажках.

Всего в лагерь направлялось два автобуса. Мы с Ником сели во второй, пока он был полностью пуст, и заняли места в конце.

— Запоминай дорогу, — уже в третий раз повторил мне Ник. — Ночью будет сложно ориентироваться, но если все запомним, то никаких проблем.

Через полчаса не осталось ни одного свободного места. Автобус тронулся. Лица в салоне — примерно пятьдесят на пятьдесят — те, кого я встречал в школе, и те, кого впервые видел. Ник буркнул, что хочет поздороваться, и тут же переключился на болтовню со знакомыми, а я стал внимательно следить за дорогой. Мы выехали из города и двинулись вперед по трассе.

(пока ничего сложного)

В автобусе нарастал галдеж. Ник облюбовал проход между сиденьями, чтобы общаться со всеми. Старшеклассники перешептывались друг с другом и периодически взрывались хохотом. Младшеклассники, которые были в большинстве, кидались друг в друга записками, сухариками и разноцветными ручками. Самая старшая из всех нас, коротко стриженная девушка, которая должна была следить за всем нашим табором, сидела ближе всех к водителю и громко слушала музыку в вакуумных наушниках.

На развилке автобус свернул направо. Я достал из кармана листок бумаги, ручку и набросал начало карты. К этому времени Ник уже окончательно разошелся, забыв обо мне, и полностью игнорировал выкрики недовольного водителя.

Автобус проехал по кольцевой дороге и снова повернул направо. Потом были повороты налево, опять направо, длинный прямой путь. Когда автобус остановился, я облегченно выдохнул — мы ехали уже довольно долго. Добраться обратно будет проблематично, но все-таки возможно.

Остановка оказалась «зеленой зоной». Девочки направо, мальчики налево. После этого автобус снова тронулся.

Я в отчаянии смотрел на Ника, но тот вовсе забыл о моем существовании и о том, как он не хотел в лагерь. Я успокаивал себя мыслью, что еще есть шанс добраться до дома. Автобус продолжал уносить меня все дальше.

Еще через час я смял карту. Стало очевидно, что мы ни за что не дойдем до дома и за несколько дней. Меня охватило отчаяние, а галдящий автобус и хохочущий Ник раздавили меня окончательно.

* * *

Путь до детского лагеря «Бухта приключений» занял у водителя почти четыре часа. Возьмем среднюю скорость автобуса семьдесят километров в час. Семьдесят умножить на четыре — двести восемьдесят километров. Средняя скорость человека — пять километров в час. Из этого следует, что я все лето проведу в чертовом лагере, а оттуда — сразу в чертову школу. «Бухта приключений» выбила у меня из рук гитару, вырвала тетрадь и закричала: «Веселись давай! Смотри, как всем вокруг весело!»

* * *

Мы остановились рядом с резными железными воротами. Около ворот нас встречала статуя пирата ростом со взрослого человека. Пират опирался на объемную надпись: «Детский оздоровительный лагерь “Бухта приключений”» и щурился единственным глазом. Нас построили в шеренгу, и девушка с короткой стрижкой, та, что слушала музыку всю дорогу, начала перекличку.

— Мы не сможем сбежать, — шепотом сказал я Нику, который встал рядом со мной.

— Почему?

— Ты не заметил, что мы ехали полдня? — огрызнулся я.

Ник непонимающе пожал плечами.

— Николас Данн?

— Здесь, — отозвался брат, а потом громко зашептал мне в ухо: — Тогда просто на автобусе, надо найти остановку...

— У тебя есть деньги на проезд? — Я продолжил агрессивировать таким же громким шепотом.

— Я найду деньги, — Ник примирительно взглянул на меня.

Но я ни на что уже не рассчитывал. Я просто злился: на себя, на Ника, на Доллис, на органы опеки, на весь мир.

— Салем Данн? — звонко выкрикнула любительница громкой музыки.

— Здесь, — буркнул я, и тут же услышал одобрительный свист.

К железным воротам вышли Луирос, Райли и еще один очень высокий парень, явно не из нашей школы. Свистел Рос. Остальные улыбались. Они, наверное, приехали на первом автобусе.

Мне хотелось закатить глаза, возвести руки к небу и орать. Я как-то видел в кино, что такой прием помог главному герою достучаться до небес.

Но все небесные пантеоны всегда были глухи к моим молитвам.

Переключка продолжалась. Ник тоже заметил компанию Роса — он весь вытянулся и развел плечи в стороны. Я смотрел на Луироса, куда-то сквозь него, и видел все приключения, которые этим летом случатся со мной в «Бухте». Видел беготню, издевки, увидел целлофановый пакет и тут же стал задыхаться. Начал думать о Еве, чтобы отогнать наваждение, но сейчас это не помогло.

Я пялился на Роса и читал на его лице, что законы школы, где меня игнорировали последние месяцы, здесь не действуют.

* * *

После переключки нам устроили экскурсию.

Я слышал, как за мной закрылись ворота. Они проскрипели: «Фрэнк Моррис сбежал из Алькатраса, но ты ни разу не он!»

Территория была огромной. Здесь было множество деревянных домиков на сорок человек (одна половина каждого дома для мальчиков, другая — для девочек), домики для вожатых, спортивные площадки. Нас провели мимо сцены для выступлений, мимо танцполов под открытым небом, показали помещение бассейна, особняком стоящую столовую, кирпичные административные здания. От каждой постройки до другой тянулась асфальтированная дорожка, которая старательно огибала деревья. Дорожка как бы заявляла, что она заботится о природе.

Вообще на территории лагеря было полно деревьев и все — хвойные. Звук падающих шишек был неотъемлемой частью «Бухты», это было странно. Все постройки в лагере отыгрывали морскую тему: на каждой спортивной площадке — по кораблю, а на всех зданиях нарисованы волны и чайки. Разноцветные скульптуры пиратов, повсеместно выглядывающие из-за сосен, создавали ощущение, что вот-вот начнется дешевый спектакль.

После унылой экскурсии нас посадили перед сценой. Я высматривал в толпе школьников Еву в надежде, что ее тоже могли отправить в лагерь. Евы не было. Зато Луирос и остальные нашли тут же.

Со сцены полностью седой и очень энергичный директор лагеря (так он представился) пожелал нам самого лучшего лета, новых друзей и отличной погоды. Все у меня внутри сопротивлялось, отвергая каждое его слово.

Потом нам рассказали про распорядок дня: завтрак в девять утра, ужин в семь вечера и так далее. Я пропускал мимо ушей почти все. Я был бессилен перед предстоящими летними месяцами — у меня не было денег, чтобы уехать отсюда, не было тетради, чтобы хоть что-то писать. Да и вряд ли получится настроиться на написание песен в комнате, где помимо тебя находится еще двадцать человек.

Вокруг поднимался шум, директора слушали все не особо внимательно. Школьники орали и смеялись. Я сидел посреди этого гвалта и не испытывал вообще ничего.

* * *

Кровати в деревянном домике стояли в два ряда, мне досталось самое крайнее место у стенки. У каждого была прикроватная тумбочка, больше личной мебели не было. Между комнатами мальчиков и девочек находился общий коридор, там — туалет, один на сорок человек. Если было невтерпех, можно было воспользоваться туалетом на улице.

Я проснулся среди ночи из-за громких храпов всех тональностей. Нашарил в темноте кроссовки, обулся, встал.

— Т-ты к-куда?

Я дернулся от неожиданности и резко обернулся. Интересовался мой сосед, в темноте я не видел его лица.

— В туалет.

— А, х-хорошо, д-давай, — произнес он, сильно заикаясь.

Услышав, как он моментально засопел, я списал этот странный диалог на лунатизм.

Единственный туалет был занят, я вышел на улицу. Вдоль асфальтированной дорожки тускло и с перебоями мерцали маленькие наземные фонарики. Было очень тихо, только шишки постоянно падали на землю, как переспелые яблоки.

Я приблизительно помнил, где находился уличный туалет. Направился в его сторону, ежась от ночной прохлады. На мне были только кроссовки и боксеры.

Я думал о гитаре и Еве. Мне было тоскливо. Я понимал, что расстаюсь с ними на три месяца и не могу ничего с этим поделать. Еще одно чувство в копилку того, что наполняло меня — чувство беспомощности.

На развилке мне попался указатель «WC», я свернул налево.

Через пару шагов я краем глаза заметил какой-то силуэт. В трех метрах от меня за деревьями кто-то был.

(Луирос?!)

Я отпрянул от неожиданности и врезался спиной в дерево. На голову посыпались иголки.

В этот момент я вдруг оторвался от реальности. По-плохому оторвался.

Вся темнота ночи окружила меня кольцом и сдавила мою голову. Не пошевелиться. Вот-вот глаза должно было заволочь пеленой — я знал, что на меня наденут очередной пакет. Я слышал, как он шуршит прямо над ухом.

Рвануть бы изо всех сил и бежать не останавливаясь, бежать несколько дней — напрямик домой! Залезть на чердак, укрыться!

Но я застыл.

Очутился словно на дне какого-то сосуда. Сверху стремительным потоком обрушилось звездное небо и темные кроны деревьев.

Это прекратилось, когда до меня дошло, что вокруг по-прежнему тихо.

Я стоял, прислонившись спиной к дереву. Слушал свое тяжелое дыхание. Ни кроны, ни небо не покинули своих мест.

Вспомнив про силуэт, я впился в темноту взглядом. «Кто-то» все еще стоял там.

Сердце застучало в горле. Я оторвал спину от дерева и, вглядываясь в темноту, несмело сошел с освещенной дорожки. Под ногами чуть слышно захрустели сосновые шишки и сухие иголки.

«Кто-то» оказался каменным изваянием матроса в тельняшке.

Я потрогал его за холодное плечо, и сам себя вслух назвал идиотом, испытывая невероятное облегчение. И, конечно же, стыд.

Когда я вернулся в домик и сел на кровать снимать кроссовки, мой сосед снова проснулся.

— Т-ты к-куда?

Я сначала проигнорировал его, но он задал тот же вопрос намного громче, и я снова ответил, уже укладываясь в кровать, что иду в туалет.

— Х-хорошо, д-давай.

* * *

Уже на второй лагерный день Ник освоился и стал чувствовать себя свободно. Я замкнулся в себе точно так же, как и в школе.

Когда со мной беседовал местный психолог, он сказал, что это нормально. Мол, есть два пути, по которым может пойти развитие ребенка, впервые так надолго разлученного с родителями. Ребенок либо замыкается, либо становится очень общительным и энергичным.

Я прослушал эту лекцию до конца, покивал и вышел из кабинета.

Вообще когда говорили о детях, я никак не мог провести параллель с тем, что слышал. Я не считал себя ребенком, хоть физически таковым и являлся. Ребенок — это кто-то, но точно не я.

В «Бухте приключений» нас каждое утро поднимали на зарядку, после которой назначали дежурных. Каждое утро я мысленно умолял вожатую не ставить меня в дежурство с Луиросом. К концу подходила вторая лагерная неделя, и, кажется, я был единственным, кто не дежурил ни разу. Дежурные помогали в столовой и были ответственными на день за какой-то участок территории, например, за бассейн. Все это мероприятие сводилось к тому, что семь человек просто торчали первую половину дня на одном месте, а потом забивали на это и разбредались кто куда.

За прошедшие две недели мы ходили на озеро, но купаться было разрешено только на мелководье. Еще смотрели кино, дважды — «Чужого», трижды — «Терминатора». Каждый вечер были танцы. Я на танцы никогда не ходил, но по громкой музыке слышал, когда началась вечерняя движуха.

Нового приятеля Луироса, который, как второй Райли, таскался за ним везде и смотрел ему в рот, звали Мэтт. Он был старше на год, но выглядел лет на двадцать и косил на один глаз.

Вместе с Мэттом Рос каждый день проносил на территорию «Бухты» алкоголь и сигареты. Ник сказал, что они выкрали паспорт у одного из вожатых и покупают запрещенку с его помощью. Мне же казалось, что такому лбу, как Мэтт, паспорт не нужен в принципе.

Луирос не забывал обо мне, но доставал сравнительно вяло. Дело не заходило дальше выкриков в мою сторону. Скоро весь лагерь был в курсе, что «стыдозавр», «мозгослив» и «сын алкоголички» — это все обо мне, но эту волну почему-то никто не подхватывал.

* * *

Я сидел на шезлонге около бассейна. Уже совсем стемнело. В другом конце лагеря громко играла музыка и орали школьники — дискотека в самом разгаре. Я просто слушал. Некоторые песни мне нравились. Их я старался запомнить, чтобы потом использовать как материал для собственных сочинений. Так мне казалось, что я провожу время с пользой.

Дни в «Бухте приключений» тянулись бесконечно. Я словно пробыл здесь полгода, а не две недели. Днем я не находил себе места, а ночью не мог заснуть. В голове рождались неплохие строчки — и я зазубривал их, потому что некуда было записать. Зазубривал и повторял каждую ночь.

Я вынырнул из размышлений, услышав быстрые шаги за спиной.

Я обернулся и в темноте не разглядел лица приближающегося, зато тут же узнал серую толстовку. Ник.

— Привет, — помахал ему я.

— Привет, — весело отозвался брат и быстрее зашагал ко мне. — Я тебя по всему лагерю ищу.

Ник придвинул соседний шезлонг вплотную к моему и развалился на нем.

— Я достал деньги на проезд. Даже на четыре проезда, — он позвенел мелочью в кармане. — На всякий случай.

Я ушам своим не поверил.

— Я думал, что ты тут освоился.

Забавно — до того я смирился, что мы никуда не сбежим, что в моменте не смог даже хоть немного порадоваться.

— Ну, дома-то лучше. — Ник закинул руки за голову и потянулся. — Завтра днем можем валить. До остановки полчаса пешком... Только слушай, Салем, с нами хочет сбежать Мия. Из второго отряда, высокая такая, — кинулся объяснять брат в ответ на мой удивленный взгляд. — Это вообще ее деньги, так что хочешь не хочешь нужно брать ее с собой.

— Тебя же Шэрон ждет в городе, — начал расплываться в улыбке я, а Ник рассмеялся.

— И я не забыл о ней! Ради нее побег, в общем-то, и совершается.

Наконец-то я понял, о чем идет речь. Завтра лагерь останется позади! Завтра я вернусь к бирюзовой гитаре. Все вокруг снова станет прежним! И пусть Доллис пьет, как три верблюда, а в доме нечего есть — зато я снова смогу помогать до музыки!

Я кинулся к Нику с жаркими благодарностями. Тот кивал со снисходительной улыбкой, а потом в красках рассказал, что Мия позволяет с собой делать после дискотеки.

Мы разговаривали долго, музыка на танцполе стихла. В окнах домиков один за другим начал гаснуть свет. Из освещения на всей территории остались только наземные фонарики. Около бассейна их было полно, свет отражался в воде, разукрашивая ее в серебро. Раздались крики вожатых: «Отбой!», после чего наступила тишина.

Меня потряхивало от мыслей и разговоров, потому что все сводилось к завтрашнему побегу. Не могло быть и речи о том, чтобы лечь сегодня спать. Наверное, так же счастлив я был, только когда Ник принес домой гитару.

— О-па! — раздался восторженный возглас в нашу сторону.

Я обернулся и увидел Роса, Райли и Мэтта. Ник посмотрел на меня искоса и наверняка все прочитал у меня на лице, но остался лежать на шезлонге. Он даже руки из-за головы не убрал. В его мнимо расслабленной позе сквозило нарастающее напряжение.

Луирос шел вразвалку, улыбаясь во весь рот. Он схватил свободный шезлонг и потащил его к нам, по пути пиная шишки прямо в бассейн.

— Подвинься, Данн, — велел он брату, пристраивая свой шезлонг вплотную к нашим. — Загораете?

— Да, — ответил Ник, не двигаясь и не глядя в сторону Роса.

Я чувствовал, что видимость спокойствия дается брату нелегко. Но сменить позу сейчас — все равно что показать свое смятение. Поэтому я тоже не двигался. Райли и Мэтт обошли шезлонги и теперь стояли перед нами, закрывая бассейн.

Они улыбались как всегда.

— Почему бы тебе не сходить на хрен, Ник? — спросил Луирос так, словно интересовался, который час. — Пацанам и Салему кажется, что ты лишний.

От него несло алкоголем.

Райли отпустил короткий смешок.

Ник молчал и не двигался. Я смотрел на свои руки.

— Тебе пора, — Райли нарушил недолгую тишину. — Взрослые будут разговаривать.

— Это ты-то взрослый? — огрызнулся Ник, попадая этим точно в цель: все знали, как Райли парится из-за своего роста.

Я даже слышал, что в младшей школе после уроков он каждый день висел на турнике. Это должно было помочь ему вырасти, но он так и остался коротышкой.

— Зато у меня нет брата-петуха, — тут же нашелся Райли, и все загоготали.

Просмеявшись, Луирос закурил и начал сверлить меня взглядом. Я почувствовал это и поднял голову. Мы смотрели друг на друга не моргая. Жестокость, которую я читал в его глазах, затягивала петлю на моей шее. А еще Росу было весело, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** весело.

Мы все понимали, чем закончится сегодняшний вечер, а Луирос тянул время, растягивал удовольствие. Я лихорадочно соображал, куда нам с Ником бежать.

Рос, наконец, перестал пялиться на меня. Он бросил Нику:

— Давай дергай отсюда.

Ник снова промолчал. У меня жгло в желудке.

Как я ненавижу свою слабость! Почему я был способен только на то, чтобы слагать сопливые песни, почему не мог придумать достойного ответа на выпады?! Почему я умел только страдать и бояться?!

— Мужики, — крикнул Рос своим шестеркам. — По-моему, ватноголовый оглох. — Он отправил тлеющий бычок в бассейн, а потом развернулся к Нику, который по-прежнему лежал на шезлонге с заведенными за голову руками. — Последний раз повторяю: дергай отсюда.

— Сам дергай, — ответил Ник.

Луирос застыл на пару секунд. И вдруг замахнулся, а Ник не успел среагировать. Я увидел, словно в замедленной съемке, как в руке у ублюдка оказался серый камень, едва помещавшийся в его ладони.

Со всего размаха Рос ударил Ника этим камнем в лицо.

Все происходящее стало смазанным, ускоренным, абсолютно нереальным.

Ник и Рос сцепились словно два уличных кота, но это было больше похоже на возню, чем на драку. Я кинулся их разнимать вместе с Мэттом, Райли остался стоять на своем месте, не шевелясь.

— Хорош, Рос! — орал Мэтт, пытаясь его оттащить. — Хорош с него, друган! Это перебор!

Я, кажется, тоже что-то кричал.

На вопли сбежались школьники, потом вожатые.

Когда Роса оттащили и я увидел брата, меня укололо в сердце гигантской иглой. Все лицо Ника было похоже на кровавое месиво, в темноте казалось, что он стоит в уродливой хэллоуинской маске. Брата повели в медпункт. Я плелся рядом. Мне казалось, что только я и Ник двигаемся с нормальной скоростью. Все остальные без конца мельтешили вокруг, как муравьи. Когда Нику смыли кровь с лица и мы столкнулись взглядами, меня затрясло. Я вцепился в руки брата, но двое вожатых быстро оттащили меня от него.

Мы были близнецами, но наша природная идентичность улетучилась. Лицо Ника распухло, а нос съехал вправо, ближе к щеке. Я пялился, не моргая, и мне казалось, что это какая-то шутка, что сейчас врач расправит Нику лицо, словно оно было сделано из пластилина. Сейчас врач снова вылепит из него мою точную копию, и этот кошмар закончится.

Вместо этого брату дали пакет со льдом и куда-то позвонили. Ник прижимал пакет к той стороне лица, что была изуродована больше всего, и смотрел на меня одним глазом. Весь хаос вливался в меня пульсирующим в висках потоком вместе с отдельными фразами: «перелом со смещением», «операция», «сами сейчас привезем».

Я вдруг понял, что прошу у Ника прощения, бесшумно и одними губами. Тот вяло улыбался уголком рта, который был виден из-за пакета со льдом.

«Прости меня, прости меня, прости меня».

Реальность ускорила еще сильнее, когда брата собрались куда-то везти. Кажется, я пытался залезть в машину тоже. Кажется, что меня от нее оттащивали. И я уверен, что весь лагерь наблюдал за этим.

А потом я остался один.

Я упал на кровать и думал, что чувство вины сожрет меня, но вместо этого мгновенно заснул.

Глава 6. Лето, которого никогда не было

Я провел в «Бухте приключений» еще три дня. Луирос, Мэтт и Райли сначала испарились. На второй день Мэтт и Райли вернулись, а вот Рос — нет.

Вероятно, я тоже откуда-то не вернулся.

С братом мы и так не слишком часто проводили время вместе, а с возрастом — все реже. Но сейчас я представлял, что Ника нет, совсем нет. И впервые ощутил, насколько был не цельным без него. Это было совершенно незнакомое мне чувство отсутствия, совершенно несравнимое с тем, когда Ник просто пропадал на улице сутками.

Три дня я слонялся по лагерю, не зная, куда себя деть, и раз за разом прокручивал в голове кадры: огромный камень в руке Роса, тающий лед в пакете, нос Ника, съехавший на бок.

Чувство вины похоже на салют. Такой салют, который неожиданно взрывается в метре от тебя. Его искры разлетаются во все стороны, и каждый его хлопок заставляет тебя вздрагивать всем телом.

Зеленый-красный-желтый-оранжевый-синий.

БЕЗ-ТЕБЯ-БЫЛО-БЫ-ЛУЧШЕ.

* * *

Утром четвертого дня меня отыскал руководитель лагеря. Он спросил: «Ну, как дела, бандюган?», и отвел меня к лагерному психологу.

Психолог попросил честно ответить, хочется ли мне оставаться здесь после случившегося с моим братом-близнецом. Я честно ответил, что и приезжать-то сюда не хотел.

После обеда прибыл автобус (тот самый, двухэтажный), и меня отправили обратно в город. Меня одного. Я сидел внутри пустого салона и не испытывал триумфа оттого, что отдаляюсь от лагеря на все большее расстояние. Триумф — это когда ты сбежал, выгрыз свою свободу. Каким словом назвать побег из лагеря, если он стоил изуродованного лица моего брата?

На автобусной остановке меня встретила Доллис. Судя по ее кислому лицу, не встречать меня было нельзя. Мы с теткой не сказали друг другу ни слова.

Ник уже был дома. Из носа у него торчали две ватки, а отек с лица немного спал. Он с улыбкой говорил, что только месяца через три станет понятно, будет ли нужна ему ринопластика.

Удивительный Ник! Моя полная противоположность — ничто не могло пошатнуть его жизнелюбие.

Он рассказывал мне, как жестко может хрустеть нос (прямо как сухая вафля), когда его вправляют, и поносил Луироса всем, что выучил за четырнадцать лет жизни. И все равно, избитый и заплывший, он излучал какое-то неведомое мне счастье.

Ник болтал не замолкая жестикулировал, а я молча смотрел на его распухшее лицо. Смотрел на каждый синяк и думал о том, как же я виноват.

Ночью родная кровать показалась мне намного жестче и неудобнее той, что была в лагере.

* * *

Где-то что-то масштабно горело и отказывалось тухнуть. Ветер нес смог в сторону нашего города. Стояла невыносимая жара и пахло гарью.

Каждое утро я выглядывал из окна и видел туман, скрывающий лес впереди.

Сегодня Доллис отправила меня за пивом в город. В одном магазине нас с Ником знали с детства и продавали любой алкоголь. Люди, которые попадались мне на пути, прятали лица за медицинскими масками или носовыми платками.

Мне очень нравилось происходящее. Я шел почти вслепую от одного дома до другого, такой плотный смог окутал город. Люди возникали в поле видимости, как привидения, и снова быстро растворялись в тумане. В магазине, взяв с меня деньги за пять банок пива и пачку чип-

сов (мне и Нику), продавец сообщил, что причина смога — пожар на торфяниках. Их тушили уже четвертый день.

Когда я рассказал брату про торфяники, он только обрадовался. Ему полагались две недели постельного режима, а лежать летом в кровати, когда на улице удушающий смог, было для него не так обидно. Только ужасно скучно.

Читал Ник неохотно, как бы я ни расхваливал книгу. Ему нравились комиксы, и он пересматривал одни и те же по несколько раз на дню. Я играл брату на гитаре, но до появления первого гостя в нашем доме. Бывало, что пьянчуги заявлялись с самого утра.

И все же даже в таком режиме дни дома тянулись куда приятнее, чем в лагере. Мы с Ником постоянно разговаривали обо всем и ни о чем, и мне хотелось прочесть ему свои новые песни. Меня сдерживал страх быть непонятым. Вообще раньше я редко, но все же читал брату стихи (и каждый раз меня трясло, как в лихорадке, а сердце стучало, как у кролика). Сейчас для этого шага мне требовалось куда больше смелости.

Я знал, что как только постельный режим Ника подойдет к концу, возможность озвучить песни станет нулевой. А мне так хотелось быть услышанным и не осужденным за то, что мои эмоции и переживания зачем-то слагаются в рифму.

* * *

Сначала я прочел Нику «Море», а потом сразу же, без всяких пауз, перешел на «МЦМ». Я паниковал. Мне казалось, что читаю вслух полный бред, несвязанные друг с другом предложения. Язык заплетался, как будто я был пьян и видел написанное впервые, а не знал это все наизусть.

Когда текст «МЦМ» подошел к концу, мне стало страшно. Я скользил взглядом по последним строчкам и хотел сорваться с места и выбежать из комнаты.

(только куда бежать?)

Я закончил, закрыл глаза и стал глубоко дышать. Ник молчал. Когда я, наконец, открыл глаза, брат спросил:

— Почему ты не спел?

Я зачем-то соврал, что не хочу петь свои песни.

— Мне просто кажется, что песни, — Ник потянулся к оранжевой тетрадке, которую я стискивал пальцами, — на то и песни. Их нужно петь.

Я разжал пальцы. Он забрал у меня тетрадь и принялся листать ее. Я следил за каждым его движением и все больше втягивал голову в плечи.

— Вот, — Ник ткнул пальцем в тетрадный лист. — У тебя даже отмечено, где куплет, а где припев. А музыка есть?

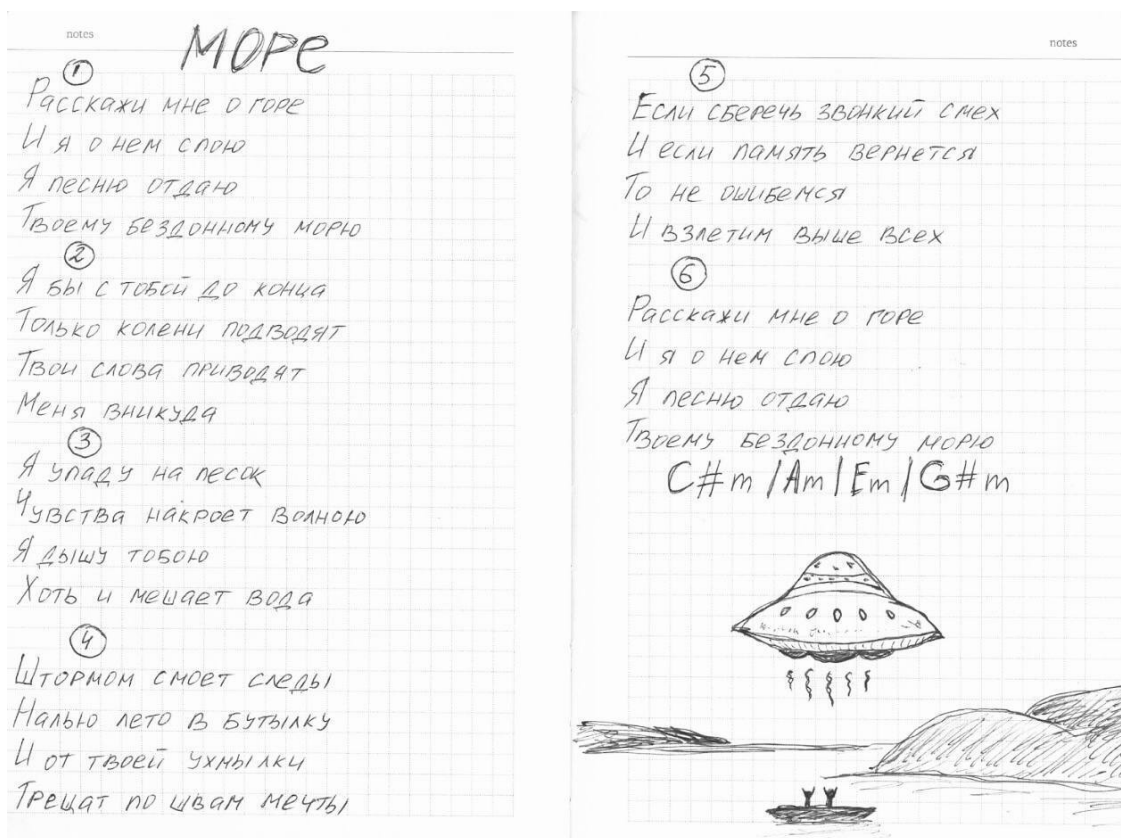
— Да, я написал, — пробормотал я.

— Сыграешь?

— Я играл тебе сегодня утром, — ответил я, забирая тетрадь. — Две последние мелодии, помнишь?

— Не-а, — Ник привстал на кровати, чтобы попить. — Ты много всего играл. Как я пойму, где твое, а где еще чье-то? Давай, Доллис и остальные уже на дне синего моря. Нас никто не услышит.

Я опешил.

У меня было жесткое правило для сохранения самого ценного. Я никогда не играл, если в доме были посторонние. Ни глубокой ночью, ни с первыми лучами рассвета. Никогда.

Ник, заметив мой ступор, ободряюще повторил, что все будет нормально. Он гарантирует.

Я, наверное, в любой другой раз не повелся бы на слова брата. Но сейчас он САМ просил меня сыграть ему песни. Я сгорал от стыда и так же сильно желал быть услышанным.

Страх, стеснение, вдруг выпавший ШАНС — это была безумная смесь для вечно тоскующего меня, настоящая бомба.

Бомба рванула — я достал гитару и заиграл.

Сыграл только музыку.

— Круто, — сказал Ник, когда я закончил. — Теперь вспомнил. Мне еще утром эти мелодии понравились. Но непонятно! Надо все-таки спеть.

— Мне стремно, — честно ответил я.

— Чего стрематься? — Краем глаза я видел, как брат принялся активно жестикулировать. — Ладно бы фуфло какое-то написал, за которое стоит краснеть. Текст мне нравится, музыка тоже, но без голоса все не так воспринимается, ты же сам понимаешь. Ну, хочешь, пой полупшепотом! Я разберу, что к чему.

Мысленно я тряс самого себя за ворот футболки.

(почему Ник должен уламывать тебя на то, чего ты сам так долго хотел?! ему или тебе это нужно в первую очередь?!)

— Ржать не будешь? — буркнул я, и, когда брат отрицательно промычал в ответ, я понял: момент настал.

Я чувствовал, что ткань футболки прилипла к спине. Пальцы окаменели и цеплялись за лишние струны. Рука не скользила по ладам, а в панике врезалась в них. Я забыл продолжение мелодии, забыл начало текста.

— Да расслабься ты, — весело сказал Ник.

Он снова взял тетрадь, нашел страницу с «МЦМ» и развернул передо мной.

— Подсматривай, если нужно.

Собираясь духом, я прогнал вступление из пяти аккордов трижды, а потом все-таки запел. ПРЕДЕЛЬНО тихо, скорее, нашептывая.

Чем больше строчек я спел, тем меньше ощущался тремор. Голос начал крепнуть. Озвученные слова одно за другим дарили мне уверенность в том, что они не так уж плохи. Что им нужен выход, что они устали быть запертыми в тетрадную клетку.

Под конец второй песни я не пел громче, но и не шептал. Волнение перешло во что-то приятное и даже нежное, ведь я смог озвучить то, что так просило выхода! Мои песни перестали быть частью только моей реальности, с этого момента они стали осязаемее и весомее.

(ведь их услышал еще один человек)

Я закончил и тут же улыбнулся:

— Это очень странное чувство, когда слушают, как ты поешь. Я, кажется, в какой-то степени испытываю гордость.

— Это потому, что твое детище делает первые шаги. — Ник вернул мне улыбку и больно хлопнул меня по спине. — Я бы в жизни так не написал! Пророчу тебе немеркнущую славу рок-звезды... Это же рок?

— Наверное, рок.

— Это круто, — брат часто закивал головой. — Без шуток — круто. Тебе нужно работать над нервами, голос уверенно ляжет на все это дело, и вот тогда можно будет тебя записывать.

Я прыснул, но наверняка сиял от счастья. Мне так хотелось продлить, усилить, расширить эту похвалу!

— А что, — Ник потянулся к гитаре, и я передал инструмент в его руки. — А я бы был второй гитарой. И можно в клочья рвать стадионы и фанаток-девственниц!

— Еще нужны барабаны. И, может, клавишные...

— Все это фигня, — отмахнулся брат. — Это все можно записать отдельно на студии.

— На какой студии, Ник? — я рассмеялся. — Тебя несет.

— Может, совсем немного. Но если взять к нам в группу еще двух человек — придется делиться гонораром и девчонками.

— Нет, — покачал я головой с серьезным лицом. — Так дело не пойдет.

Ник засмеялся, а потом попросил научить его играть мелодии к каждой песне. Я показывал аккорды, не переставая думать о том, что сказал брат.

Конечно, это все были лишь шутки. Просто шутки, которые задели что-то внутри меня и заставили трепетать от безумной фантазии: играть на сцене перед толпой.

(толпа знала бы каждую песню, каждую строчку)

(толпа, которая не хотела меня придумывать, толпа, которая пришла меня СЛУШАТЬ)

Я продублировал аккорды обеих песен на отдельном листе и положил его перед Ником.

— Давай попробуем так: ты играешь, а я — пою.

Ник удивленно взглянул на меня, но тут же согласился.

Я жадно цеплялся за это окрыляющее ощущение, возникшее от дерзкой фантазии, я не хотел его отпускать, силился продлить любыми способами. Потому что еще никогда я не испытывал ничего подобного. Я был в настоящей эйфории.

* * *

Нику полагался еще один день постельного режима, но, когда я утром открыл глаза, его уже не было в комнате. Он оставил мне записку, из которой я, с трудом разбирая почерк, узнал, что он пошел пропивать оставшиеся деньги Мии, потому что они жгут ему ляжку.

Я опять остался один.

Вчерашнее чувство эйфории проснулось вместе со мной. Новая мечта о сцене словно вдохнула в меня жизнь.

Я залез на чердак и принялся крутить в голове эти странные мысли.

Пару раз я видел музыкальные клипы, где группам подпевали целые стадионы, видел съемку огромных фестивалей под открытым небом. Мне вдруг подумалось, что те люди на сцене, вводящие толпу в транс, не так уж и отличаются от меня. Мы действительно были похожи. Они тоже наверняка пели, потому что больше не могли молчать. Возможно, что им, как и мне, досталось болезненное мироощущение, и они обречены на вечное скитание, вечное творчество.

В этот день я спустился с чердака только один раз — чтобы перетащить гитару в свое убежище. О еде я не вспоминал.

Я прогонял имеющиеся в репертуаре две песни десятки раз, а потом играл мировые рок-хиты, представляя, что это я их сочинил. И пусть я знал всего четыре таких песни, воображение уносило меня с пыльного чердака в тур по стране. В этих фантазиях я становился счастливым и цельным, и люди, подпевающие мне, понимали мою боль и разделяли ее со мной пополам.

Вечером в эти мысли почему-то проник Луирос. Он притащил с собой Райли и остальных, притащил их искренние жестокие улыбки.

Я весь вспыхнул, словно только что был застукан за чем-то постыдным. Воображение мгновенно нарисовало картину: я стою на сцене, а сзади ко мне крадется Луирос с целлофановым пакетом в руках. И вся толпа, обожающая меня секунду назад, теперь жаждала другого шоу.

Абсолютно рефлекторно я привлек в сознание еще одну фантазию, спасительную. Я стал думать о Еве.

(Ева — принятый сигнал бедствия)

Как и всегда, мысли о ней смогли вытеснить Луироса, но тут случилось невероятное. Я позволил себе шагнуть дальше. Две мои самые волнующие фантазии слились воедино.

Я был на сцене, я играл свою музыку перед толпой. А в первом ряду стояла ОНА и смотрела на меня с улыбкой. Эту улыбку я выдумал сам, ведь никогда не видел, как ОНА улыбается.

Чердак исчез. Я в самом деле стоял там: прожекторы освещали сцену, толпа была разноразличной и галдела наперебой, а ОНА смотрела на меня, совершенно эфемерная, по-прежнему недостижимая, сдавливающая мне горло своей красотой.

* * *

Я стал позволять себе намного больше в отношении Евы.

Мои фантазии множились, перетекали из одной в другую — я без конца воображал диалоги и ситуации. Представлял, как бы ОНА смотрела на меня, скажи я вот это, что бы ОНА ответила, задай я ей вот этот вопрос. Я играл для Евы, я жил ради фантазий о ней, а музыка стала основанием, несущей стеной в этом воздушном замке. Музыка связывала меня с Евой, отрывала мои ноги от пола и переносила на седьмое небо. Вымышленный мир вытеснил реальность, и я наслаждался этим.

Все менялось по вечерам.

Когда от угла чердака ко мне начинала ползти длинная тень — иллюзии окрашивались в темные тона. Как будто депрессивный художник устроился иллюстратором в детский журнал. Его доконало рисовать счастье, и он начал выворачивать наизнанку собственную душу.

По вечерам Ева начинала меня мучить.

Я осознавал, что сам ее выдумал, что совсем не знал ее как человека, и никогда в жизни она не реагировала бы на мои реплики так, как в ежедневных играх воображения. Я осознавал, что мне никогда не хватило бы духу запеть перед многотысячной толпой, а толпа не скандировала бы мое имя.

Эти мысли набирали все больший вес и скорость, они пронзали мыльный пузырь фантазий, оглушительно вопя при этом:

— Она вообще не знает, кто ты! И никто не знает, кто ты! Никто не знает тебя и никогда не поймет!

— Кончай собирать стадионы и иди проверь, не завалился ли случайно кто-то из алкашей в твою комнату!

— Назови первый альбом «Песнями пыльного чердака»! Назови так, запиши название на бумажке и спрячь ее подальше!

Я унижал сам себя, словно в расплату за то, что осмелился так себя вознести.

Летние теплые вечера превратились в пытку.

Это была не прежняя щемящая тоска, способствовавшая написанию текстов. Это была неизведанная и унижающая грусть, что пришла вслед за чувством эйфории. Ее обратная сторона.

Вечером голова горела и раскалывалась. Мозг был как вскипевший мотор. И тогда я, измученный и не способный уснуть, просто вспоминал Е.

Вспоминал, какие у нее длинные (были) густые волосы, какое светлое лицо и какая фигура.

(Ева, ты кажешься очень гибкой и ловкой)

Каждую ночь я лежал на чердаке, распластавшись, как раздавленная ящерица, накрытый бетонной плитой из собственных мыслей.

Лето шло.

* * *

Наступил август. Нам с Ником исполнилось пятнадцать лет.

В утро дня рождения я встал с мыслью, что через месяц перейду в девятый класс, а Ева — в одиннадцатый. Пролетит еще одно лето, я перейду в десятый, а она исчезнет из моей жизни. Тогда мне придется довольствоваться теми воспоминаниями о ней, что я накопил. Ее образу будет нечем подкрепляться извне, вот где будет простор для фантазий.

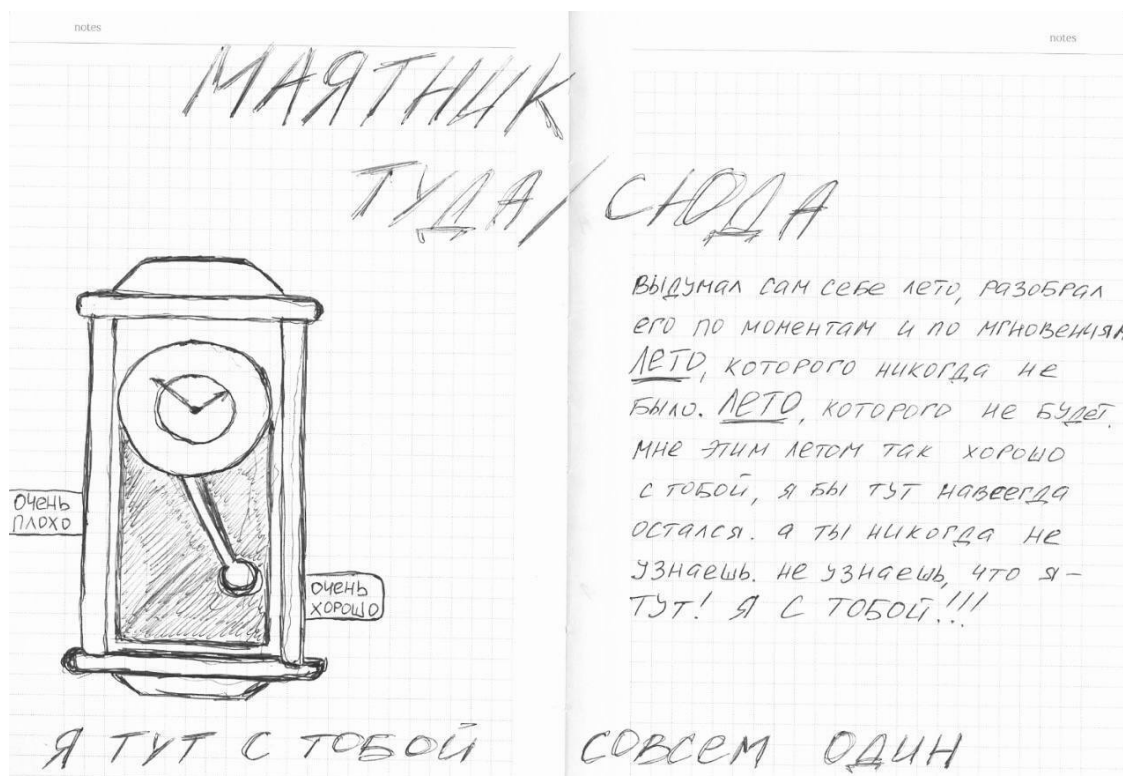
(или раздрай?.. воспоминания всегда меркнут)

Но только не о ней, нет. В этом я, едва проснувшись, убеждал самого себя. За окном было кристально чистое небо. От смога, накрывшего город на добрую половину лета, не осталось и следа. Из окна снова стал виден лес, и сейчас он приветливо махал мне зелеными лапами, а в небе я различал птиц-одиночек. Отличный день, чтобы не вылезать с чердака.

Вечером в доме начался балаган. Шумели так, что я волей-неволей вынырнул из депрессивных мыслей и стал слушать.

Доллис орала, как потерпевшая, ее пытались перекричать два женских голоса. Их вопли разбавлял громкий мужской смех. Потом слышались звуки возни и яростные сдавленные оскорбления — кто-то с кем-то сцепился. Зазвенели бутылки, взвыла Мышь.

— Салем! — я вздрогнул и обернулся.

Ник приподнял дверцу чердака и вглядывался в темноту.

— Залезай, я тут.

Ник быстро очутился рядом со мной, вопли снизу не затихали.

— Доллис что-то не поделила. Там баба с черными волосами, помнишь? Постоянно тут околачивается. Вот с ней. Доллис ей глаза выцарапает — так вцепилась.

— Пускай, — сказал я. — С днем рождения!

— И тебя, — брат похлопал меня по плечу. — Ты тут весь день проторчал?.. А я только пришел. Мы играли в «твой самый стремный секрет». Что-то типа викторины. Заставляет задуматься, тех ли людей ты записал себе в друзья, ха! Хочешь попробовать?

— Надо рассказать один секрет?

— Нет, надо рассказать как можно больше секретов! Выигрывает тот, у кого самые лютые тайны. Рассказываем по очереди. Ты сам офигеешь, как из тебя грешки посыпятся.

— Вряд ли я смогу рассказать то, чего ты не знаешь.

— А ты попробуй! — рассмеялся Ник, а потом лег на пол, вытягиваясь в полный рост. — Давай я начну. Один раз я уронил Мышь с лестницы. Мне было интересно, приземлится она на четыре лапы или нет.

— Приземлилась?

— Да. Мне кажется, именно тогда я окончательно испортил ей характер. До сих пор стыдно и жалко ее.

— Понял, — кивнул я, вытягиваясь на полу рядом с братом.

Вопли снизу стихли и превратились в невнятный бубнеж. Темный потолок чердака был похож на беззвездное небо.

— Я украл у тебя жвачку из рюкзака, когда ты валялся с температурой.

— О-о-о! Это в последний мой больничный?.. Я, кстати, сразу на тебя подумал, только озвучивать не стал. Тебе реально стыдно за это?

— Нет, не очень.

— Тогда следующий твой секрет должен быть реально лютым! У меня такой есть, я его для тебя приберег... Мне стыдно

перед самим собой, когда я улыбаюсь невпопад. Это типа моей защитной реакции на любое дерьмо, понимаешь? Но иногда я говорю себе: «Чего ты лыбишься, Ник, тебе же ни фига не смешно!»

Я повернулся к брату. Тот улыбался, не отводя взгляда от потолка.

— Я бы хотел быть таким, как ты. И мне не стыдно за это. Я завидую, что ты смешной и веселый.

— Как клоун?

— Может, иногда и как клоун.

Мы посмеялись, но смех был неловким.

— Еще по одному секрету?

— Давай, — согласился я.

— Тогда ты первый.

Я задумался. Снизу что-то тяжело упало, скорее всего, человеческое тело. Доллис заорала, цензурные слова в ее воплях играли крошечную роль связных между отборными матюками. Пьяный голос тетки звучал омерзительно, как и всегда.

— Мне стремно, что так будет вечно. Стремно от мысли, что ничего не изменится, — отозвался я, вслушиваясь.

— Это не секрет.

— Все равно.

— Это я рассказал в первом классе, что ты обмочил штаны. Просто, чтобы посмеяться.

Я так возмутился, что вскочил с места, едва не ударившись головой о потолок. Ник выдержал мой яростный взгляд не больше двух секунд, а потом покатылся со смеху.

* * *

Дни играли в догонялки: до школы оставалась ровно неделя. Мне казалось, что утром я успеваю только моргнуть — и время суток меняется на вечер. Я продолжал вариться в своих фантазиях.

Освобождаясь из мягких лап радости, я тут же попадал в когти печали. Ощущение покоя отсутствовало что там, что здесь. Все лето превратилось в переход из одного рабства в другое. Я был рабом светлых мечтаний о Еве и музыке, я был рабом обратной стороны этих фантазий. Всегда, освободившись от одного чувства, я стремился к другому с такой быстротой, что становилось очевидно: я не могу, когда РОВНО. Мне всегда нужны эмоции, положительные или отрицательные, плевать, лишь бы СИЛЬНЫЕ. Лишь бы завлекли подальше и унесли меня из реальности.

Лето, которое я сам себе выдумал, стало лучшим в моей жизни.

Глава 7. Почему?

Невыносимо хотелось спать, у меня даже дыхание замедлилось. Линейка была в самом разгаре. Пытаясь побороть сон, я вглядывался в школьников, в их молодые, тупые, равнодушные лица. Я отыскивал в толпе класс Евы, но самой ее видно не было.

Нам пожелали знаний, хороших оценок и новых впечатлений. Никого и никогда не воодушевляли эти банальные формальности. Речь учителей на линейке — это монолог ради монолога.

Потом нам выдали учебники и отпустили по домам. Дома я сразу же завалился спать.

* * *

После каникул расписание уроков менялось чуть ли не каждый день. Ник называл это «обкаткой». Преподаватели старались найти расписание, которое устроит их всех.

Я спустился на первый этаж школы, где висело расписание для всех классов, и раздраженно вздохнул. Шесть уроков и сегодня, и завтра, и послезавтра.

До начала математики оставалось еще двадцать минут. Я бесцельно прошел вперед по коридору, где носились друг за другом раскрасневшиеся потные младшеклассники, свернул направо у спортивного зала, заглянул в столовую. Там со спины я узнал Райли и сразу же вернулся.

Впереди по левой стене разместился тот самый уголок с доской для рисунков. Прошлогодние шедевры заменили совсем свежими работами — еще вчера их не было.

Я сел на подоконник напротив доски.

И сразу же увидел то, что было нарисовано ЕЕ рукой.

Снова черно-белые крыши, самых различных высот и форм. Они так загромождали пространство листа, что если бы такой город существовал взаправду, то между зданиями камню негде бы было упасть.

Темой выставки было «Осень в моем городе».

Остальные рисунки пестрили красным и оранжевым, «крыши Евы» серым пятном разместились в самом низу. Создавалось ощущение, что была жесткая нехватка работ для выставки, и этот рисунок взяли сюда просто ради количества.

Я пристально вглядывался в каждую нарисованную крышу и с удивлением отмечал, насколько хорошо они прорисованы.

(словно с любовью к каждой детали. зачем достигать мастерства в умении рисовать одну лишь только часть здания?..)

Мысли о Еве просочились в сознание и затопили его полностью. Этот рисунок был какой-то неизведанной историей о НЕЙ. Подсказкой в углу листа маячило слово «Бруклин», я уже встречался с ним на предыдущем эскизе Евы.

Это что-то значило лично для нее, и это щекотало мне мозг. Мне казалось, что я подсмотрел часть тайны, но никак не мог связать эту тайну с образом Евы.

(почему Бруклин? при чем тут крыши? «осень в моем городе»...)

Задумавшись, я завис не моргая. Недосып давал о себе знать. К стенду с рисунками подошла школьница и загородила мне обзор.

Я понял, что это ОНА со спины. За лето она сильно вытянулась, а волосы почти отросли до прежней длины. Они снова были собраны в высокий хвост.

Ева потянулась к своему рисунку и, к моему удивлению, отцепила его от стенда. Я смотрел на ее тонкие пальцы, сдирающие скотч от «Бруклина», и меня трясло.

(мечтать о НЕЙ все лето без остановки\увидеть ее вживую)

— Почему Бруклин?

Я услышал собственный голос со стороны. Кто-то ГРОМКО спросил моим голосом. Ева вздрогнула и обернулась.

В эту же секунду раздался оглушительный звонок на урок, Ева вздрогнула еще раз. Она смотрела прямо на меня, сжимая в руке свернутый трубочкой «Бруклин».

Смотрела. Прямо. На. Меня.

(как это произошло?)

— Долго объяснять, — скороговоркой сказала она, хотя я вообще не рассчитывал на ответ.

Ева рассматривала меня еще секунду, а потом быстро зашагала в сторону спортзала.

Я провожал ее взглядом, пока она не повернула за угол. Раздался второй звонок на урок, я не шелохнулся.

Я готов был поклясться родством с Ником, что мне никогда бы не хватило храбрости заговорить с НЕЙ.

Нет! Об этом не могло быть и речи. Даже в своих фантазиях я никогда не знакомился с ней — в них мы всегда были давно знакомы.

(откуда взялся этот вопрос? как он вырвался?)

Меня снова заколотило, но уже — от осознания. К горлу подступила волнительная тошнота. Как будто я стоял в очереди на самый страшный аттракцион, и вот-вот должен был наступить мой черед.

«Бруклин» оставил после себя пустое место на стенде. Я смотрел в эту пустоту, окруженную пестрыми рисунками, прокручивая крошечный эпизод с Евой снова и снова. Пустота может стать символом невозможного по своим масштабам события.

— О, ты чего здесь? — раздался голос Ника.

Он выбежал из столовой и остановился, увидев меня.

Я перевел взгляд на брата. Ник улыбался, держа надкушенный хот-дог.

— На математику идешь?

— Нет. — Я прыгнул с подоконника и быстро зашагал мимо брата.

Короткий диалог с Евой яркими горячими вспышками взрывался в голове, я бережно, как самое ценное сокровище, отложил его в долгосрочную память. Мне хотелось захлебнуться его послевкусием.

— Ты иди, я отравился.

— Надеюсь, не этим? — засмеялся брат мне вслед, наверняка указывая на хот-дог, но я ничего не ответил.

Я перешел на бег, вылетел из школы.

Я мчался мимо футбольной коробки, мимо старого спортивного центра, мимо общежитий и многоквартирных домов. Не смотрел ни на кого из случайных прохожих, яростно вцепился в этот короткий диалог, и все повторял и повторял самому себе слова Евы: «Долго объяснять, долго объяснять, долго объяснять, долго...»

(как будто зажевало кассетную пленку)

Теперь я знал, что у НЕЕ ярко-зеленые глаза, знал, как звучит ее голос. Знал, каково это — говорить с ней. И вдруг уверовал, что когда-нибудь мне снова может выдаться шанс задать ей вопрос.

(любой, абсолютно любой! она точно ответит!)

Я продолжал бежать, задыхаясь, и поражался тому, как быстро человеку становится МАЛО.

(вот я не мог и думать о том, чтобы запеть для Ника\вот я мечтаю об игре на публику)

(вот я уверен, что никогда бы не заговорил с Евой\вот это произошло, и теперь мне нужен еще один диалог)

* * *

Литература — настоящая пытка.

Мы проходили творчество давно почивших поэтов, и каждый раз меня терзало одно и то же чувство. Восхищаясь чужими стихами, я испытывал отвращение к своим собственным, мучился колющим чувством несправедливости.

Поэты прошлого обращались к будущему. Спустя столетия они продолжали жить через рифмованные строки. Для их произведений не существовало самого понятия времени, потому что они звучали ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. Они будут звучать и после моей смерти.

Мои же песни и стихи были посылом в никуда. Они существовали ровно до того момента, пока есть моя оранжевая тетрадь. Если бы ее вдруг нашли друзья Доллис или же загорелся дом, тогда стихи остались бы лишь в моей голове. А моя память существует, пока есть я сам. Можно найти для стихов новое пристанище, новую тетрадь. Только все равно написанное не было нужно никому, кроме меня.

Наверное, я так берег тетрадь и гитару не потому, что мне больше нечего было беречь. Я просто отказывался до конца верить в никчемность своего умения передавать эмоции через рифму. В отчаянии я сам плевался от написанного. Но оно проходило, и мне снова казалось, что мои песни оставят свой след в истории.

Чем еще была плоха литература? Нападающим на меня страстным желанием быть понятым. Класс разбирал очередное стихотворение великого поэта прошлого, и никому в голову не приходило смеяться над тем, что он когда-то написал. Талант подарил поэту бессмертную славу. Мое умение рифмовать (чем оно хуже?) сделало из меня депрессивного изгоя.

Что бы случилось, вздумай я продекларировать свои стихи перед классом?

Я представил тишину в кабинете, представил, как одноклассники, подавляя смех, начнут пихать локтями соседей по парте. Как Луирос наигранно разрыдается и все взорвутся хохотом, даже препод.

Да, так бы все и было. Просто потому, что это написал Я, а не кто-то другой.

* * *

После того короткого диалога с Евой прошел месяц. Каждый учебный день я проходил мимо стенда с рисунками. Пустота на месте «Бруклина» заставляла меня переживать тот эпизод снова и снова.

Еву я видел только два раза за прошедший месяц. Старое расписание поменялось, и наши классы больше не учились в соседних кабинетах по пятницам и субботам. Иногда на переменах я порывался пройти по школе, чтобы найти Еву и посмотреть на нее хотя бы издали, но постоянно наткнулся на Роса.

День ото дня меня сильнее занимали черно-белые крыши с ее рисунков. Я даже спросил у Ника, как выглядит Бруклин, но тот только плечами пожал. Сказал, что он, должно быть, как любой другой район Нью-Йорка.

Я не переставал задаваться вопросами. Если рисунки Евы — это вид сверху, то почему здания так близко друг к другу? Что Ева пыталась донести, изображая крыши именно так?

Сегодня, проходя мимо стенда с рисунками, я увидел, что тема выставки поменялась. Теперь там снова главенствовала надоевшая «Моя мечта». Все старые рисунки исчезли, уступив место новым. Я почему-то сразу подумал, что работы Евы там не будет, но все равно встал у стенда в надежде, что ошибаюсь.

(но не ошибся)

Больше всего мне было жаль то пустое место, которое «Бруклин» оставил после себя. Я снова вспомнил, какие тонкие у НЕЕ пальцы, как тогда я впился взглядом в ЕЕ руки, скручивающие рисунок, и сердце сжалось от нежности.

* * *

Я вышел из школы и от неожиданности схватился за перила — слева налетел сильнейший ветер. Он швырнул мне в лицо песок и сухие листья. Школьники с визгом бежали по

домам. Только один парень в середине школьного двора размахивал палкой, изображая борьбу с непогодой.

Я спускался с лестницы, держась за лямку рюкзака. Меня обогнали пять учениц, и среди них я тут же узнал Еву со спины. Крайняя справа.

Я узнал ее и перестал замечать песок, летящий в глаза.

Мне пришлось идти быстрее, чтобы услышать, о чем говорили подруги Евы. Они обсуждали надвигающийся ураган и предлагали перенести какую-то встречу. Ева молчала и прижимала руки к груди.

Выйдя из школьного двора, они попрощались, я замедлил шаг. Четыре ученицы двинулись налево, и только одна ОНА повернула в правую сторону. Я застыл на месте, провожая ее взглядом.

Ветер налетел на меня и Еву со всей свирепостью приближающейся бури. От неожиданности я шагнул вбок, а Ева разжала руки. На асфальт упала толстая папка. Оттуда вылетели альбомные листы, которые тут же подхватил спятивший ветер. Я успел увидеть, как Ева села на корточки и принялась собирать листы вокруг себя, и бросился за остальными бумагами.

Ветер пригвоздил их к зданию школы. Я хватал их, стараясь не помять, — это были рисунки. Все те же черно-белые крыши. Очень много крыш.

Когда я подобрал последний лист и выпрямился, Ева оказалась совсем рядом со мной. Я никогда не был к ней так близко. Только сейчас я с удивлением смог отметить, что был выше ее на полторы головы.

Ева прижимала к груди папку, из которой выпали рисунки. Все в ее позе и взгляде выдавало сильное напряжение. Я тут же протянул ей листы, которые успел подобрать.

— Спасибо, — Ева забрала рисунки, но вместо того чтобы спрятать их в папку, принялась рассматривать.

(словно впервые видит)

— Пожалуйста, — ответил я, жадно впитывая этот момент.

Я скользил взглядом по ее лицу и фигуре. Ветер трепал ее волосы, и мне казалось, что я вижу в этих волосах запутавшееся блеклое солнце.

Ева чему-то кивнула, закончив рассматривать свои рисунки. Она убрала листы в папку и подняла голову. Мы встретились взглядами.

Меня должен был хватить удар, но почему-то сейчас меня даже не трясло. Я испытывал только сладостное напряжение в теле и все бы отдал, чтобы продлить это мгновение.

(отдал бы гитару, отдал бы тетрадь)

Я подумал, что сейчас передо мной стоит главная героиня моих ежедневных фантазий. Что бы она ответила, расскажи я прямо сейчас о своей одержимости ею?

(Ева, я прожил тысячу событий вместе с тобой в своей голове! знаешь, что со мной ты была очень счастлива? я все это выдумал сам, Ева, я сам тебя выдумал)

Я почувствовал, что от этих мыслей мои губы разъезжаются в неконтролируемой улыбке.

— Я Ева, — вдруг представилась она.

Я до того опешил, что тут же выдал:

— Я знаю. — Спohватившись под ее удивленным взглядом, я поспешил назвать свое имя: — А я Салем.

И она тоже улыбнулась.

В первый раз я увидел, как ОНА улыбается.

С такой улыбкой можно было попросить поймать ртом пулю. Никто бы не отказал. Я — точно нет.

Срочно нужно было что-то сказать. Что-то, имеющее отношение к настоящей Еве. Миллионы вопросов, что ежедневно я задавал ей мысленно, никуда не годились. Они подошли бы только к ней воображаемой. И воображаемая Ева отвечала всегда честно.

Потому я выпалил то, на что могла ответить только ОНА настоящая:

— Почему ты рисуешь крыши?

Улыбка Евы испарилась. Я заметил, что она чуть сильнее прижала к себе папку с рисунками. Она смотрела на меня пристально, не отводя взгляда. Ветер трепал ее волосы.

В меня врезался младшеклассник, и только сейчас я заметил, как много вокруг галдящих школьников. Я был так сосредоточен на Еве, что все это время не замечал и не слышал никого вокруг.

— Почему ты спрашиваешь?

— Только не говори, что долго объяснять, — я с ухмылкой повторил ее слова из нашего первого разговора.

Мое лицо вспыхнуло. Смешок застрял в горле, и я с трудом его проглотил.

(боже, не так надо было ответить! НЕ ТАК!!!)

Казалось, что сейчас Ева развернется и уйдет. А внутри меня сядут батарейки, и я рухну лицом в асфальт.

Казалось, что я не могу быть настолько смелым.

Казалось, что ее ответ равнялся спасению от расстрела.

(пожалуйста, не молчи! пожалуйста, ответь мне! я сохраню все это втайне, мне так это нужно!)

— Это правда долго объяснять. — Она вдруг снова переменилась в лице и посмотрела в сторону. — Такой ветер... Может, пойдем ко мне?

(ЧТО-О-О? ЧТО, ЧТО, ЧТО?!)

— Ненадолго, — тут же добавила Ева. — Я живу рядом. Я расскажу.

Я несколько раз кивнул, соглашаясь.

Глава 8. Бруклин

Я протрезвел, когда Ева зашагала в сторону своего дома. В этот момент я понял, что это событие — просто очередная идиотская выходка.

(Ева САМА позвала меня к себе домой? такое могло произойти только в фантазии. в моей, одержимой этой девушкой, или в фантазии Луираса, которому до трясушки хотелось повеселиться)

Я знал, что должно было случиться в ближайшее время. Мы с Евой будем идти вместе совсем недолго, когда она скажет, что давно в меня влюблена. Я, по чьему-то весьма точному сценарию, расцвету и растаю от таких слов. Тут нас догонит толпа гогочущих школьников во главе с Луирасом. Все они, вместе с Евой, будут до слез хохотать над наивным лохом.

Зная финал этой поучительной истории, я продолжал идти за Евой. Сейчас мне было плевать на гордость. Я не чувствовал страха. Мне просто хотелось прожить в этой воплощенной мечте еще немного времени.

Я не думал, что мог выдать свою одержимость Евой. Наверное, Луирас выбрал именно ее для своей шутки, потому что она была потрясающе красивой. Нежные слова от такой девушки должны были заставить любого порхать над землей, так он считал, я уверен. И сам того не зная, Рос попал точно в цель. Приближающийся финал должен был разнести мое сердце вдребезги.

*(разрушением иллюзии нельзя уничтожить того, кто сам продлевает это ежедневно)
(тут ты прогадал, Рос)*

Ева исчезала из моей жизни миллиарды раз. Растворялась в воздухе, а я оставался один на пыльном чердаке.

Сейчас я шел к ней близко, непозволительно близко. Это дурманило голову. Реальность ненадолго дала сбой, и власть над ней захватили мои ежедневные фантазии.

Я был бесконечно благодарен ненавистному Росу. Мне было неважно, что произойдет дальше. Сейчас я шел рядом с НЕЙ на расстоянии вытянутой руки.

— Ты живешь возле школы?

— Да. Вон, смотри, — Ева показала жестом вперед. — Уже видно мой дом. На уроки я могу собираться впритык.

Я пытался уловить в ее интонации что-то, что выдавало бы затянувшуюся шутку. Мое счастье шло рука об руку с шуршащим целлофановым пакетом.

— Во сколько ты выходишь из дома?

— В восемь, — ответила Ева, слегка удивленная таким вопросом.

Я слышал собственное тяжелое дыхание и ждал кульминации шутки. Все вот-вот должно было закончиться, и я впивался в Еву взглядом, запоминая каждую секунду. Мысль о том, что я могу коснуться ЕЕ руки, если сделаю шаг влево, сводила меня с ума.

— Ты рисуешь только черным карандашом?

— Да. Цвет не передает то, что я хочу показать.

Ненадолго затихший ветер подул в нашу сторону с удвоенной силой. Я шел сощурившись.

— В черном и белом намного больше смысла, чем во всех остальных цветах, — продолжила Ева.

— А в каком цвете смысла меньше всего?

— В зеленом, — тут же ответила она, словно ждала такого вопроса. — Никакого смысла!

Я кивнул, соглашаясь, хотя ее логика была совершенно мне непонятна. Я кивал бы и соглашался, даже если Ева начала бы рассказывать о плоской Земле.

Влюбленность и страсть — сильнейшие из чувств. Ни грусть, ни страх не способны с ними конкурировать. Мы почти дошли до дома Евы, я знал, что все вот-вот закончится, но про-

должал осознанно идти на унижение. Лишь бы растянуть мгновение близости с НЕЙ подольше. Лишь бы еще пощекотать себе мозг мыслью, что я могу протянуть руку и коснуться ЕЕ.

Ева остановилась у белой пятиэтажки, ища ключи. Я огляделся вокруг. Ветер прибил мусорный пакет к желтой детской качели, лавочки во дворе пустовали. Рядом не было ни одного человека, кроме пожилой семейной пары, которая, держась друг за друга, быстрым шагом уходила в подальше отсюда.

— Ты идешь?

Я повернулся к Еве. Она держала открытой дверь в подъезд и смотрела куда-то поверх моей головы.

(высматриваешь кого-то? или меня ждут в подъезде?)

(пусть ждут, я все равно зайду, ха-ха)

— Иду.

Вслед за Евой я вошел в темный, но чистый подъезд. Мы поднялись по лестнице на второй этаж, Ева остановилась у деревянной двери и всунула ключ в замочную скважину. Я опешил.

— Мы зайдем?

Ева, толкая дверь в квартиру, посмотрела на меня и рассмеялась.

— Можешь стоять здесь, но тебе будет плохо слышно меня отсюда.

Я еще раз обернулся — в подъезде были только мы вдвоем. Снаружи шумел ветер. Я сделал шаг вперед и закрыл за собой дверь.

Из-за надвигающегося урагана в квартире было мрачно. Еву это, казалось, ничуть не занимало. Не включая свет, она прошла по коридору и скрылась в одной из комнат. Я, осматривая коридор, заметил, что здесь стояло очень много обуви. Словно в квартире жил десяток человек.

Для розыгрыша все зашло слишком далеко.

(или же нет?)

(неужели может быть так, что Луирос здесь ни при чем?)

Было ощущение, что я смотрю на заставленный обувью коридор со стороны, словно из-за спины у себя самого. Кто-то похожий на меня сейчас находился в ЕЕ доме.

Я прошел в комнату. Ева уже сидела на кровати, держа в руках папку с рисунками. Ее спина была идеально прямой, как натянутая струна.

Я фотографировал комнату Евы глазами: большая кровать, окно за ней, слева — стол и множество полок с книгами. На столе — банка с карандашами, стопка чистых листов бумаги, два маленьких игрушечных медведя — розовый и желтый. На стене над столом, приклеенные к обоям прозрачным скотчем, все те же черно-белые крыши в самых разных вариациях. Над кроватью постер с названием группы «Stone Temple Pilots», никогда о такой не слышал.

Я почувствовал, что Ева смотрит на меня, и тут же ответил на ее взгляд. В полумраке комнаты она казалась болезненно худой и хрупкой. Срочно нужно было что-то сказать.

(если я не скажу, она просто исчезнет)

— Это очень личное, да? — я кивнул на папку.

— Нет. — Она сжала папку так, что та тихо хрустнула. — Я рассказываю об этом, если интересуются. Это просто... непонятное.

Мне хотелось орать, срывая голос, что она и представить не может, КАК я мечтаю ее понять. Ведь я задаюсь вопросом «почему Бруклин?» не первый месяц.

(когда я выйду из этой квартиры, я действительно закричу)

— Сядешь? — предложила Ева.

Я тут же неуклюже сел рядом с ней.

Уверен, она слышала, как бьется мое сердце. Между нами оставалось сантиметров двадцать. От Евы пахло деревенскими яблоками.

Ева достала из папки лист. Это был набросок — она только начала рисовать. В левом верхнем углу было множество осторожных линий — очертания будущих крыш.

— Это сводит меня с ума, — тихо начала она, и я дернулся от этих слов. — Бруклин. Кажется, я услышала это слово в детстве, в каком-то фильме. Бруклин. Еще иногда мне кажется, что я услышала его при рождении. С тех пор на мне словно клеймо. На моей памяти. Как это объяснить?.. Ты слышал про синдром утенка? Когда утенок вылупляется из яйца, он считает своей мамой первое существо, которое увидит. Может, благодаря мне в психиатрии когда-нибудь закрепится понятие «синдром Бруклина». Утенок привязался к первому в своей жизни существу, а я — к названию района.

Ева широко улыбнулась. Я не вернул улыбку, потому что в ней не было веселья.

Она продолжила:

— Мне очень нравится это слово. «Бруклин». Оно — как недостающая часть меня и часть чего-то большего, чем я сама. Я знаю, что это район в Нью-Йорке. Там есть Бруклинский мост, вообще, там полно всего, я знаю. Но все, что я знаю и видела про Бруклин, никак не вяжется с моими собственными представлениями. Мои — сильнее. Это слово... Я вижу какой-то другой Бруклин, вижу его сверху и все пытаюсь его запечатлеть. — Ева ткнула пальцем в набросок. — Мне кажется, что еще немного, и я нарисую его таким, каким он и должен быть. Еще минута, и я достигну совершенства.

Она замолчала, словно решив, что сказала слишком много. Она, указывая на очертания будущих крыш, начала нервно стучать пальцем по листу с наброском.

— Что будет, — осторожно спросил я. — Когда ты нарисуешь его таким, каким он и должен быть?

Ева вытащила из папки другой рисунок, детально прорисованный, но не законченный. Два пустых места, обрамленные крышами, уставились на меня, словно глаза.

— Я не знаю. Мне каждый раз кажется, что я подобралась совсем близко. Минута до совершенства, всего минута.

Но я сижу над листами час, два, сижу месяц, сижу не первый год. А финальной версии Бруклина так и нет. Оно не покидает меня, это ощущение. Может быть, я никогда не нарисую так, как надо. Только кому надо именно так?

Я задохнулся от восторга.

Все происходящее — ни черта не розыгрыш. Я осознал себя в этой комнате, совсем рядом с Евой, перестал рассматривать пространство «из-за собственного плеча». Стал цельным. Я действительно был здесь, рядом с той, о которой грезил годами. Она дуально посвящала меня в тайну Бруклина: так, словно ей это ничего не стоило, и так, словно рисковала абсолютно всем.

Ева снова замолчала. Я едва сдерживался, чтобы не рассмеяться от счастья. Потому что ОНА была СТРАННОЙ. Ее грызло нечто, что она окрестила Бруклином. Нечто такое, что заставляет просыпаться среди ночи и делать то, что ОНО прикажет. Мне было так знакомо это подчинение.

Это нечто обладало сакральным смыслом для Евы. Оно могло вытеснить все прочее из ее жизни, заслонить любое событие.

Правда, открывшаяся мне, потрясала. Я не мог скрыть волнения и спросил:

— Он мучает тебя? Бруклин?

Ева взглянула на меня. Я знал, что она увидит, но сейчас это было неважно.

(ответь мне, пожалуйста, только честно)

— Не всегда. Я нахожу в нем спасение, — она слегка поморщилась. — От всего, что меня окружает. Но погружение в рисование... Чувство приближения совершенного Бруклина изводит меня. Он всегда рядом и всегда ускользает из-под карандаша. Это какая-то извращенная форма игры в догонялки... Тебе холодно? — спросила она, вероятно, заметив, как меня трясет.

— Нет, — я помотал головой и заулыбался. — Я просто знаю, о чем ты говоришь. И мне так приятно, что... Нет, я не знаю, что можно ощущать, одновременно рисуя идеал и отдаляясь от него. Но я знаю, как талант может изводить.

— Талант?

— Талант, конечно, талант! — горячо воскликнул я. — Ты же потрясающе рисуешь, и это зажигает тебя. Что это, если не... что-то типа дара?

— Одержимость, — Ева смотрела на меня не моргая, ее лицо сделалось каким-то слишком взрослым и сосредоточенным.

— Одержимость, — повторил я, пожимая плечами. — Пусть так. Да, может быть, это даже более подходящее слово. Ты...

— Ты сказал, что знаешь, о чем я говорю, — она перебила меня, и в этот момент мою улыбку смыло. — Откуда?

Качели, на которых я только что поднялся к небу, полетели вниз.

Я почувствовал, как тело налилось горячим свинцом. Мое лицо исказилось против воли. Еве нужна была правда в обмен на ее правду. Все мое тело воспротивилось этому.

(СОВРИ)

Соврать было бы очень просто, сказав, например, что я тоже рисую. Нужны будут доказательства — да запросто, я ведь и вправду иногда что-то чиркаю. Только этим я абсолютно точно не одержим.

Сказать правду о музыке было все равно, что отдать Еве и гитару, и тетрадь, добавив: «Делай с ними все, что захочешь». Так я ощущал этот момент.

Секунда, две, три.

И я отдал. И тетрадь, и гитару.

— Я пишу музыку. — Все пространство мира схлопнулось до размеров этой комнаты, а потом — и вовсе остались только ЕЕ изумрудные глаза. — Пишу песни, — и после недолгой паузы вырвалась вся правда: — Я об этом никому еще не говорил.

— Покажешь?

— У меня с собой ничего нет, — тут же хрипло ответил я.

Искренность может раздеть догола, даже если ты полностью одет. Ощущения были именно такие. Я боялся пошевелиться.

— Мне кажется, что писать песни — это очень круто.

Лицо Евы, до этого кажущееся неестественно взрослым, абсолютно расслабилось.

Где-то внутри моей головы — и вокруг нас с Евой — рухнули кирпичные стены. Клянусь, что слышал звук обвалившейся кладки. Я тоже начал улыбаться.

Мне казалось, что мы были заговорщиками, скрывающими свою подсудную деятельность. И сейчас, вдруг открывшись друг другу, мы выдохнули, встретив неожиданное понимание. Встретив те же идеалы.

— Я бы хотела услышать твои песни как-нибудь. Если ты не против, — Ева тоже улыбнулась.

— Конечно, давай, — попытался храбриться я, но тут же честно выпалил: — Хотя я и прихожу в ужас от этой идеи.

Ева засмеялась, а я снова задохнулся от восторга, наблюдая за ней. Мы замолчали, но это было комфортно. Ева аккуратно убрала рисунки в папку, затем подошла к окну и раздвинула плотные серые шторы. В комнате стало ненамного светлее, на улице разошелся дождь.

Я наблюдал за каждым движением Евы. Ее силуэт, такой гибкий, словно кошачий, Бруклин, мучивший ее так же, как меня песни, ее комната — все это закружило меня водоворотом. Я тонул с огромным удовольствием. Как потрясающе было во всем этом захлебнуться!

Ева осталась стоять у окна, взявшись за края подоконника. Она смотрела на улицу, а я скользил взглядом по ее тонким запястьям и чуть побелевшим костяшкам пальцев, по ее стройным длинным ногам и горделиво прямой спине.

(теперь я знаю, почему Бруклин. теперь ОНА знает о моих песнях и даже не думает смеяться над этим. неужели это и вправду случилось со мной? я действительно здесь рядом с ней, в ее комнате?)

(господи, да. я действительно здесь)

Я смотрел на Еву, не способный объяснить самому себе свои чувства, потому что нет на свете таких слов. И вдруг я окончательно ушел под воду.

Я представил, как подхожу сзади и кладу руки на ЕЕ талию.

(Ева вздрогнет, а я прижмусь к ней всем телом, уткнусь в ее затылок, жадно вдохну. ОНА в ответ накроет мои руки своими, и...)

Я рывком поднялся с кровати, чтобы отогнать наваждение.

Щеки вспыхнули.

Ева повернулась ко мне. Мне достаточно было мельком взглянуть на ее невероятно красивое лицо, чтобы, тут же отвернувшись, выпалить:

— Я пойду, у меня же сегодня...

(у меня же сегодня по плану безостановочные мечты о ТЕБЕ)

Фантазия обожгла меня.

Меня вело в сторону, пока я быстро шел по коридору к двери. Я слышал шаги Евы за своей спиной. Эту встречу нужно было срочно закончить — мне казалось, что я балансирую на грани сумасшествия. Еще немного, и я расскажу Еве обо всех своих фантазиях, о своей влюбленности, даже о том, что давно ее рисую. Или эта страсть сотрет вообще все границы, и я осмелюсь к ней приблизиться.

(тогда она широко распахнет глаза, напуганная моими действиями...)

(нет, нет, нет!)

Я взялся за дверную ручку, слыша, как бьется мое сердце.

— Я хочу уехать в Бруклин, когда закончу школу. Мне нужно увидеть ЕГО своими глазами. Может быть, именно это успокоит меня. Может быть, мне нужно нарисовать его таким, какой он на самом деле есть, ничего не выдумывая.

Ева сзади говорила совсем тихо. Я застыл на месте.

— Мне кажется, что тебе непременно нужно увидеть настоящий Бруклин. Наверняка это многое прояснит.

Пока говорил, думал, узнай Ева, что я представляю здесь и сейчас, она точно бы вышвырнула меня из квартиры. Я даже испытывал страх, что она услышит мои мысли, такими громкими они были.

— Извини меня, — я повернулся к ней, но смотрел себе под ноги.

(в коридоре действительно просто до черта обуви!)

— Я... Правда, никогда и ни с кем не говорил о своем творчестве... Вот так. Так, как мы сейчас с тобой говорили. Мне так понятны все твои ощущения... — Я почувствовал, как непроизвольно болезненно надломил брови.

(не смотри на нее, не смотри!)

— Я правда понимаю. Когда ты пишешь, рисуешь, да не важно, что делаешь, а ОНО разрывает тебя и подгоняет. Мне казалось, что я в этом совсем один. Но сейчас ты говоришь про Бруклинские крыши, про то, как они тебя мучают... Черт, я так понимаю тебя. Я ненавижу свои песни, и я так их обожаю! Они... Они пишутся! И я огребаю за свою непохожесть на других, и я упиваюсь этой самой непохожестью. Ева, — я впервые назвал ее по имени, поднял на нее взгляд и тут же толкнул входную дверь. — Я бы очень, ОЧЕНЬ хотел обо всем этом еще поговорить.

Выпалив все это, я выскочил из квартиры. Услышал согласное: «Поговорим», летящее в спину, я не понимал: было это сказано Евой или моим воображением.

Я распахнул дверь из подъезда, и ливень окатил меня с ног до головы. Шум дождя казался шипением, с которым испарялись капли, касаясь моей раскаленной кожи. Я точно дымился, такой пожар внутри не мог быть выдумкой.

(боже. я говорил с ней. я был у нее дома. она открылась мне)

(а я сбежал, потому что перестал трезво соображать. откровение Евы было подарком судьбы, а я все опошил. просто не вынес воплощенной в реальность фантазии. та последняя тирада, что я выпалил перед уходом, что я вообще хотел этим донести?! то, что я — такой же, как ОНА? поэтому и сбежал сразу же после ее рассказа про Бруклин?!)

Я вдруг осознал, что бегу домой под проливным дождем. Когда я успел сорваться с места?..

(черт возьми, у меня был такой шанс — поговорить с ней чуть дольше, узнать ее чуть лучше, рассмотреть все ее черты. а вместо этого — сейчас я бегу домой, чтобы, как всегда, спрятаться на чердаке от реальности)

(спрятаться даже от воплощенной фантазии)

Когда я приблизился к месту, где Ева выронила рисунки, дождь зарядил как из брандспойта. Я перешел на шаг, потом остановился и оглянулся в сторону ее дома. С такого расстояния его еще было видно.

(чем ты заняла себя, когда я сбежал?)

Я постоял какое-то время, представляя, что возвращаюсь в ее квартиру. В этой выдумке Ева открыла мне дверь и рассмеялась над моим видом. Она сказала, что я — как мокрая курица. А потом снова пригласила войти. Я представлял, что говорю без умолку, жестикулирую, она — опять смеется. С меня натекло столько воды, что в коридоре образовалась лужа.

К дому Доллис я зашагал, не заземлив воображение, не ощущая холода. Привычный унылый маршрут от школы до дома стал каким-то объемным. Футбольная коробка, общежитие, многоквартирки — все вокруг меня задышало жизнью. Я дышал вместе с ними, ощущал, что в груди стало намного больше места. Мой мир всегда был крошечным, и меня это полностью устраивало, но сейчас, под этим живительным проливным дождем, мне захотелось обойти весь город пешком. Я хотел увидеть новые места, и был уверен, что город примет меня с радостью. Небо открыло все свои краны, а я улыбался улицам, асфальту, лужам, само мое тело стало каким-то невесомым, несмотря на вымокшую одежду. Было ощущение, что прибитая к полу мечта вырвала гвозди и устремилась ввысь.

* * *

— Салем! — раздался вопль тетki снизу.

Я дернулся от неожиданности и поспешил спрятать гитару. Доллис тяжело шагала прямо подо мной — поднималась на второй этаж.

— Салем!!!

— Что? — рявкнул я в ответ.

— Ты что, на чердаке?

(ты удивился, но я отсюда почти не слезал все года, что жил у тебя)

Вместо ответа я спешно спустился. Тетка удивленно смотрела на меня и чуть покачивалась, запахнувшись в черный мужской халат. Глаза у нее были стеклянные — недавно проснулась и еще не очухалась.

— Что ты там делал?

— Искал книгу.

Доллис взбесила меня. Она ворвалась своим воплем в мечты о Бруклине и Еве. Я смотрел на нее, не скрывая ненависти.

— Нужно убратсья. Особенно в вашей комнате. — Не глядя на меня, Доллис, все так же покачиваясь, прошла вперед и толкнула дверь в нашу с Ником комнату. — Что за свинарник вы устроили?! Убери это все!

Я промолчал.

— В ближайшие дни к нам явятся из опеки. — Доллис прошла дальше, распахнув дверь в ванную. — И здесь свинарник! Спасибо, что хоть смываете за собой! Как вы вдвоем умудряетесь так все засрать?!

Она продолжила ходить по ванной и вопить, я остался стоять в коридоре.

— Это же надо!.. Что вы делаете с раковиной? Неужели сложно поддерживать маломальский порядок?

Я подумал о заблеванном и неоднократно прожженном ковре на первом этаже. Раздражение клокотало во всем теле.

— Два идиота. — Доллис вышла из ванной, бубня себе под нос, а потом взглянула на меня и произнесла с нажимом: — Убери все. Сейчас же.

— А ты чем займешься? — не выдержал я.

Доллис отвесила мне подзатыльник.

— Ты мне предлагаешь убрать вашу помойку?! Говнюк неблагодарный...

— Начни со своей помойки, — опять огрызнулся я, и Доллис снова наградила меня подзатыльником.

Это было не больно, но обидно.

— Ведро и тряпки на кухне, — на ходу бросила тетка, спускаясь на свой этаж.

Какое-то время я постоял в коридоре, справляясь с собой. Глубоко выдохнул и вдохнул десяток раз. Внизу Доллис гремела пустыми бутылками и кряхтела, проклиная нас с Ником. Я снова начал думать о Еве, и бешенство, вызванное теткой, стало таять, как сахар в чае. Что бы я делал без своего воображения?

Может быть, постоянное бегство от реальности было защитной реакцией моей психики. Когда ты хочешь срывать звезды, а вместо этого драишь унитаз, фантазия обязана быть сильнее действительности.

Это не я в вонючих резиновых перчатках елозил губкой по кафелю.

Настоящий Я гулял по улицам Бруклина. ОНА шла рядом и на ходу зарисовывала в блокнот новые крыши.

Глава 9. Линии жизни

В углу комнаты Ник поставил пустую жестяную банку от томатного супа. Мы с братом лежали каждый на своей кровати, ели мандарины и плевались косточками в эту банку. Весь пол вокруг банки был заплыван — никто не попал ни разу.

— Говорят, что она до меня спала с девятью парнями, прикинь! — Ник снова неудачно плюнул. — Девять, блин! Что за огромное число.

— Откуда знаешь?

— Стив встречался с девчонкой, которая знает одного ее бывшего, а тот знает всех остальных пацанов. — Брат ненадолго замолчал, видимо, прикидывая реалистичность озвученного. — Да и хрен с ней, в общем-то. Мне все равно, правда это или нет.

— Я думал, ты будешь переживать. — Я чистил пятый по счету мандарин. — Ну, хоть немного.

— Не-а. Нафига? Сю прикольная, но прикольных знаешь сколько на свете?

Я промолчал, думая, рассказать Нику о Еве или нет.

— А ты, кстати, что-нибудь новое написал?

— Нет. Мы с тобой еще старый материал не отыграли. — Я придал выражению лица утроенную серьезность.

Ник тут же подхватил:

— Сроки поджимают?

— Горят! Записать песни нужно было еще вчера!

— Доставай тогда гитару, — сказал Ник, садясь на кровати и вытирая о себя мандариновые руки. — Давай ее сюда.

— С чердака не хочу тащить, — отказал было я, но потом сам же передумал. — Хотя, ладно. Погоди здесь.

Я вышел из комнаты и встал у лестницы на чердак. Внизу пьяное веселье было в самом разгаре. Сердце застучало как бешеное, стоило подумать, что меня с гитарой в охапку кто-нибудь заметит.

Но желание играть победило.

Мы с Ником прогнали каждую песню по два раза. Удивительная штука — играть музыку чужих авторов надоедало быстро. Свои песни я мог гонять по кругу до посинения.

Я снова пел, брат играл. Звук гитары иногда тонул в пьяных выкриках и хохоте первого этажа, но это не мешало мне быть самым счастливым в моменте.

* * *

— Мне нравится Ева, — выпалил я, когда прятал гитару под кровать.

— Та-а-ак, — оживился за моей спиной брат. — Это кто такая? Из нашей школы?

— Из одиннадцатого класса, — смущенно пробубнил я, успев пожалеть, что не удержал язык за зубами.

— А как она выглядит-то?

— Выглядит охренительно, — еще угрюмей сказал я, садясь на кровать.

Ник заржал.

— Ты передумал предлагать руку и сердце гитаре?

— Я буду многоженцем.

Брат, желая подробностей, быстро присел рядом. Я повернулся к нему и столкнулся с широченной улыбкой и горящими глазами. Задержался взглядом на его искривленном носу, придающему всему его виду больше озорства, чем брутальности.

С горечью я снова подумал, что теперь нас никто никогда не перепутает.

— Опиши ее. Ладно тебе, мне-то можно рассказать!

Мне было достаточно взгляда на искривленный нос Ника, чтобы согласиться с любой его просьбой.

— У нее длинные волосы.

— Светлые?

— Нет, темно-русые. Ниже меня на голову, глаза зеленые.

— А сиськи?

Я хихикнул, а потом руками показал на себе примерный размер. Ник одобритительно, и даже уважительно, кивнул.

— Из одиннадцатого, говоришь? Ева? Мне кажется, я понял, кто это.

— Она тебе тоже нравится?

— Да мне все нравятся! Но ЭТА, если она та, о ком я думаю, просто ништяк. Одобряю твой выбор. — Ник достал последний мандарин из пакета. — Будешь?.. Я тогда доем. Ну, так ты к ней подходил уже?

— Я был у нее дома.

— Да ла-а-адно! — Ник почти заорал. — И что было? И ты молчал?

— Я смотрел ее рисунки.

— Рисунки?

— Она очень хорошо рисует.

— А что-нибудь еще она показала?

— Нет!

Этот диалог одновременно веселил и раздражал меня. Мне хотелось обрубить на корню все попытки Ника опошлить образ Евы, но говорить о ней с братом было в новинку, волнительно и приятно.

— Она мне очень давно нравится, — быстро сказал я, обрывая Ника на новом дурацком вопросе. — Не первый год. Я вообще не думал, что мы с ней когда-нибудь заговорим.

— А мне чего не рассказывал?

— Я думал, что это просто не нужно. В том смысле, что у меня с ней все равно никогда ничего не выйдет.

— И что сейчас? Договорились о чем-нибудь?

— Нет. То есть, да. Она попросила как-нибудь показать ей песни, но...

— А чего их показывать, — Ник снова плюнул косточкой и наконец-то попал в банку. — Песни надо петь, а не смотреть на них.

— Я не думаю, что мы еще когда-нибудь встретимся вне школы.

Конечно, я думал о встрече. Я сказал это, чтобы Ник, по доброте своей, подарил мне веру в обратное.

— Ты сам говорил, что даже о первой встрече не думал, а она случилась. Слушай, напиши для нее песню! Выстрели прямо в хрупкое женское сердечко.

— Нет, — рассмеялся я. — Это точно нет.

— Вот в этом случае, — Ник показал на меня пальцем и подмигнул, — она бы точно рухнула в твои объятия.

Я попытался представить Еву, падающую мне в руки — ни черта не вышло.

— Я тебе советую не тупить и подойти к ней. Окей, без песен! Но если она тебе давно нравится, а все развивается ТАК медленно — судьбу можно немного поторопить.

Мне подумалось, что судьба — это отличное слово, в нем есть что-то роковое.

* * *

Мои одноклассники в шутку говорили друг другу, что у Луираса едет крыша, но, помоему, это была констатация факта.

За прошедшие две недели его несколько раз забирали прямо с уроков для воспитательной беседы в кабинете у директора. Я слышал, как одноклассники без конца обмусоливают

его очередную выходку и одобрительно ржут. Слышал, что Луирос избил старшеклассника, унизил его перед всеми вокруг — поэтому он самый крутой. Девчонки из класса говорили, что им повезло, что Рос учится вместе с ними. Им, девчонкам, тоже от него доставалось — обычно оскорбления или убогие прозвища, но некоторые, кажется, находили в этом какое-то извращенное удовольствие. «Оскорбил, значит, выделил именно меня», — такую мысль я читал у них на лице.

Райли, Пол и Бен старались не отставать от своего жоака. Вчера я заметил, как они втроем зажали семиклассницу, требуя от нее объяснений за «дешевый вид». Девчонка разрыдалась почти моментально и несла полную чушь в свое оправдание, а Луирос гоготал, будто на стендапе Джорджа Карлина.

Обо мне Рос вспоминал почему-то только на уроках и без энтузиазма. Он мог отпроситься в туалет и, проходя мимо моей парты, ткнуть ручкой мне в шею. Возвращаясь, он смахивал на пол все, что лежало у меня на столе, вопя при этом: «Салем, не толкайся!».

Дальше этого не заходило. На переменах у него, видимо, были цели интересней.

Я думал только о Еве. О том, что скажу ей, когда мне выдастся такая возможность. После того знакового дня я видел ее только дважды, совсем мельком.

Ева не искала со мной встречи. Может быть, она вообще не запомнила моего имени, но все это меркло в моем мнительном сознании.

ОНА открылась мне за тот один час больше, чем я мог вообразить за всю жизнь. Теперь я постоянно думал о вымышленном Бруклине, крыши которого старательно выводили ее тонкие пальцы. Я вспоминал, вспоминал, вспоминал, смаковал в памяти каждый миг того диалога в комнате. Я ни одну деталь не упустил: ни постер над кроватью, ни игрушечных медведей на письменном столе. Эти мысли могли разморить меня, как теплое солнце — я сидел на уроках, не соображая и не слыша ничего, кроме ЕЕ голоса, звучащего у меня в голове, и балансировал между сном и явью.

* * *

Последний звонок был особенным. Он говорил мне: «Сегодня тоже не получилось!»

Я собрал все принадлежности со стола, закинул рюкзак на спину. Шансы встретить Еву сегодня стремились к нулю с каждым моим шагом к выходу из школы. Так было вчера, позавчера, неделю назад.

Луирос и Райли стояли рядом с раздевалкой. Я подумал, что они ждут меня, но они оба смотрели в другую сторону.

Когда я шел мимо них за курткой, сохраняя непроницаемое выражение лица, кто-то справа схватил меня за рюкзак и что есть силы дернул назад. Я попятился и от неожиданности едва устоял на ногах.

Это был Пол.

— Ха! — как всегда взвизгнул Райли.

Луирос жевал жвачку и молчал, не двигаясь с места. Смотрел на меня, откровенно скучая.

— Мне нужно забрать куртку, — сказал я, уже понимая, что сегодня иду домой без нее.

— Забирай, — пожал плечами Рос.

Пол остался у входа в раздевалку. Он хрустнул шеей и кивком указал на вешалки. Я постоял, глядя на него совсем немного, больше для утешения собственной гордости. Потом развернулся к выходу.

Сзади послышался топот, тонувший в шуме школьного коридора, но я сразу понял, что это за мной. Вместо того чтобы свалить, я зачем-то повернул голову в сторону бегущего, и в ту же секунду Пол налетел на меня всем телом. Я рухнул, задев кого-то из школьников головой. Тот заорал: «Осторожнее!»

Пока я поднимался на ноги, подошли Рос и Райли. Ученики, спешащие покинуть школу, притормаживали и с интересом поглядывали на начинающееся представление.

Бежать сейчас было бы бессмысленно. Мне хотелось орать, срывая глотку, чтобы от меня отвалили.

— Че ты там про меня сказал? — спросил Пол.

Все знали, что я ничего не говорил.

Он хотел толкнуть меня в грудь ладонями, я с бешенством отшвырнул его руки от себя.

— У-у-у! — завыл Райли, нагнетая обстановку.

Вокруг нас начала собираться толпа. Кошмарный иллюзорный пакет подполз к моей голове.

— Смелый, да? — Пол вложил всю силу в новый толчок.

Я попятился, но на ногах устоял. Рюкзак болтался за спиной туда-сюда.

К Луиросу подбежал запыхавшийся Бен. Увидев меня, он широко улыбнулся.

— Что я пропустил?

— Да вот, — Рос слегка кивнул в мою сторону. — Наказываем за длинный язык.

Пол налетел на меня и попытался скрутить, вцепившись в руки. Я бестолково рванулся пару раз, а потом, как видел в фильмах, с размаху ударил его лбом в лицо. Попал Полу по носу и сам сморщился от боли.

Сразу началась мешанина. Пол отпустил мои руки и зарядил кулаком мне по уху. Я дернулся в сторону, надеясь сбежать, но тут же был схвачен Райли и Беном. Они заломили руки за спину. Я против своей воли выгнулся вперед, чтобы уменьшить режущую боль в плечах.

Смотреть на Луиросу, стоявшего в трех шагах от меня, мешали упавшие на глаза волосы. Но не нужно было видеть, чтобы ощутить его желание врезать мне по подбородку с ноги.

Толпа зрителей взяла нас в кольцо. Старшекласники, младшекласники — все наблюдали и не вмешивались. Им было весело.

Меня, привыкшего к таким событиям, задушило отчаяние. Потому что сквозь толпу протиснулась одноклассница Евы, а потом и она сама. Распущенные волосы, узкие джинсы, свитер с высоким воротом, в руках — та самая папка с рисунками. Унижение обожгло меня раскаленным железом. Я хотел не смотреть на Еву, но не мог. Я молился, чтобы она ушла, не узнала меня, но она осталась в этой толпе.

Я грезил о разговоре с НЕЙ последние две недели. Сейчас в голове ураганом проносились слова про Бруклин, пустое место без рисунка на стенде, вид на дом Евы сквозь завесу дождя. Ныли заломленные за спину руки. Я бестолково рвался из тройной хватки, а Луирос что-то вещал собравшейся толпе. Мне заложило уши от ЕЕ присутствия. По движениям губ Роса я понимал, какие слова летят в мой адрес, но совершенно ничего не слышал.

Рос направился ко мне. Толпа одобрительно завывала, я заорал, чтобы он шел нахер.

Ожидаемого удара в лицо не последовало. Луирос зачем-то надавил мне на затылок, из-за чего я еще больше нагнулся вперед, а потом меня отпустили.

В недоумении я мчался взглядом по лицам Бена, Пола и Райли — они всю гоготали. Посмотрел на толпу школьников — кто-то, как и я, не понимал, что произошло, но большинство медленно растягивали рты в злобных улыбках.

Я дотронулся до затылка и нащупал здоровенный ком жвачки, Рос с силой вдавил его мне в волосы. Когда я попытался вырвать эту дрянь, толпа разразилась смехом.

Меня всего заполнил стыд, горячий, как ад, и тягучий до блевоты. Тягучий, как эта жвачка.

Я накинул капюшон толстовки на голову под усиливающийся хохот. Перед тем, как повернуться к выходу, я не выдержал и поднял глаза на НЕЕ.

Лицо Евы контрастировало с остальными физиономиями, искаженными смехом. Она не улыбалась.

Я выбежал из школы, придерживая капюшон одной рукой. Внутри все пылало от ненависти и стыда. Я остановился, пробежав пару улиц, и попытался отодрать жвачку от волос. Жвачка намертво склеила пряди. Только стричь, иначе никак. Я не видел, но чувствовал, как тянется резинка за моей рукой, не желая отцепляться. К горлу подкатила тошнота.

(мне в волосы прямиком из пасти Луираса)

— Салем!

Я узнал этот голос и чуть не подпрыгнул от неожиданности. Резко повернулся, натягивая капюшон.

Ева шла быстрым шагом, не глядя на меня. Что-то искала в рюкзаке.

(почему она здесь?)

(она видела, она все это видела)

— Нашла, — будто сама себе сказала Ева и, подойдя совсем близко, протянула мне ножницы.

Я смотрел на нее, не в силах ничего произнести. Ничто не могло сейчас отменить удушающего стыда. Ни ее поступок, ни то, что она позвала меня по имени, словно в одной из моих фантазий. Я молчал и просто смотрел на Еву, а она застыла с протянутыми ножницами.

Это продолжалось до тех пор, пока она не изобразила на себе, будто скидывает невидимый капюшон. Она чуть улыбнулась, но эта улыбка быстро испарилась.

Я шумно выдохнул, словно перед прыжком, и скинул капюшон с головы. Жвачка жгла мне затылок, как клеймо.

— Тебе что, стыдно?

Вот так, прямо в лоб.

— Не тебе должно быть стыдно, — Ева снова протянула мне ножницы. — Ты сам сможешь?

— Да, — сказал я, не зная, смогу ли.

Стараясь сделать это как можно быстрее, я принялся состригать волосы с затылка. Сейчас мне было плевать, даже если выстригу себе плешь. Лишь бы закончить это как можно скорее.

Щелкали ножницы, Ева молчала и не смотрела на меня.

Я несколько раз провел по волосам, чтобы убедиться, что ничего не пропустил. Потом все равно спрятал голову под капюшон. Протянул ножницы Еве, она убрала их обратно в рюкзак.

— Спасибо.

Она кивнула и внимательно посмотрела на меня. Потом развернулась и быстро пошла в обратном направлении.

Я, абсолютно растерянный, впился взглядом в ее спину. Ева шагала быстро.

(моя очередь догонять тебя?)

Чувство испепеляющего стыда уступило плацдарм чудесам и благодарности. ОНА сказала, что это не мне должно быть стыдно. ОНА пошла за мной, когда никто не пошел.

Не смеялась. Не презирала. Просто протянула мне ножницы.

(боже, да останови ты ее, скажи, как ты благодарен! останови ее, крикни что-нибудь!)

Я не нашел, что крикнуть, язык присох к небу.

Лишь сорвался с места и побежал за Евой. Забив на плешь на затылке, на боль в ухе, по которому попал Пол, на смех толпы, эхо которого еще гуляло в моей голове.

— Ева! — заорал я, подбежав совсем близко.

Она повернулась и отпрянула от меня от неожиданности.

— У тебя с собой рисунки? — выпалил я то единственное, чем мог хоть немного зацепить ее интерес.

— С собой, — ответила она, явно удивившись моему вопросу.

В ту же секунду меня накрыло какой-то теплой волной, нежной, как колыбельная, которую мне никогда не пели. Я смотрел в лицо Евы, и мне казалось, что я нашел ответы на все

вопросы. Все стало таким очевидным, словно больше никогда не было бы смысла о чем-то спрашивать. Она смотрела на меня, растерянная и слишком красивая для того, чтобы быть настоящей, но все-таки была здесь и сейчас.

(Е-В-А)

Я смотрел на нее и чувствовал себя ребенком, впервые увидевшим салют. Трепет, радость, возбуждение залили все до краев, и началось половодье.

— Почему ты улыбаешься? — спросила она и улыбнулась тоже.

— Очень рад тебя видеть.

— Да? А мне так не показалось.

— Я **ОЧЕНЬ** рад. Покажешь Бруклин?

— А тебе не холодно? — спросила Ева, и тут я вспомнил, что моя куртка осталась в раздевалке.

— Нет, точно нет.

— Хорошо. Давай найдем, где сесть.

Ева повела меня в сторону детской площадки. Я снова шел близко к ней. Шел, переполненный благодарностью за то, что по дороге она ни словом не обмолвилась об инциденте с Луиросом. Мне не нужно было ее сочувствие, я точно не хотел бы, чтобы Ева жалела меня.

Это было потрясающе уместное молчание.

(кажется, я должен быть благодарен и самому Росу, м?)

Мы сели на деревянную скамейку, и я вздрогнул, случайно задев колено Евы своим. Я находился в такой близости к ней всего второй раз, но теперь мне стала понятна та страсть, о которой я читал в «Соборе Парижской Богоматери».

— Все-таки почему именно крыши? — заговорил я севшим голосом, чтобы хоть как-то отвлечься. — Я думаю об этом с тех пор, как ты показала мне рисунки.

— Ты серьезно? — Ева достала папку из рюкзака. — Может быть, это заразно? Скоро тоже начнешь рисовать, — она вытащила из папки рисунок. — Рисовать вот это все.

Ветер дул в мою сторону и доносил до меня запах Евы. Пахло яблоками, как и в тот раз, в ее квартире. Я весь покрылся мурашками.

— Может, и начну, — прохрипел я и, откашлявшись, продолжил: — Так почему крыши?

Ева склонилась над рисунком. Я сразу понял, что сейчас должен слушать все, что она скажет, предельно внимательно. Нужно было срочно запереть на чердаке все озабоченные мысли. Я должен, **ОБЯЗАН** был вникнуть в каждое сказанное Евой слово.

(ПОНЯТЬ ЕЕ)

— Потому что Бруклин живой и разный, я пытаюсь передать это. Смотри, — Ева указала на большую крышу в верхнем левом углу. — Видишь, какая архитектура? Это здание администрации. Чиновники снуют по кабинетам туда-сюда, таскают важные бумажки, и сами таскаются с важным видом. А вот тут, — она ткнула на две одинаковые крыши рядом с администрацией. — Здания одного общежития. Здесь вообще нет тех, кто по-настоящему счастлив. Все, кто здесь живут, думают лишь о том, как урвать и сэкономить. Эти люди очень, очень мелкие!

Я представил, что Ева рассказывает мне сказку.

— Вот в этом доме, — она перешла к описанию следующей крыши, — живет одинокая женщина с очень старым котом. Кота завел ее муж, который умер больше пяти лет назад. Пара взяла его еще котенком, они вместе вскармливали его. Эта одинокая женщина очень любила своего мужа, а старый кот — последняя ниточка, которая связывает ее с покойным. Она постоянно гладит кота и не видит своей жизни дальше его смерти.

Я оторвал взгляд от рисунка и посмотрел на Еву. Я не видел ее лица за волосами, но готов был поспорить, что она смотрит на крыши. Рассказ о них гипнотизировал ее не меньше, чем процесс их создания.

— Здесь живет невероятный жмот и пьяница. Он не может без выпивки, но покупает самый дешевый алкоголь, потому что ему жалко денег. Когда он пьяный в стельку, он бьет свою жену, потому что она транжирит деньги.

— А она их правда транжирит?

— Еще как! Ведь это ее единственное развлечение.

Я подумал, что Ева сумасшедшая в самом прекрасном смысле этого слова.

— Вот в этом доме никто не живет, все квартиры сдаются на пару дней для вечеринок. Я пыталась передать настроение веселья и безответственности.

Я проследил за пальцем Евы и представил, как в нарисованном доме шумно по вечерам. В каждой комнате слышны стоны, визги, смех, а пробки шампанского отскакивают прямо в потолок.

— Вот тут тоже два одинаковых дома, они оба принадлежат одной большой семье. Они очень дружные и настолько позитивные, что это даже раздражает.

Ева резко выпрямилась, мы встретились взглядами.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— Я представляю все, о чем ты рассказываешь.

— У тебя получается?

— Мне кажется, что да. — От ее взгляда меня снова начало подколачивать, поэтому я обратился к рисунку. — Вот здесь, по-моему, заброшка. Там, наверное, собираются беспризорники и неформалы...

— Там воняет мочой и повсюду пивные банки, — подхватила Ева с жаром. — На стенах идиотские граффити!

— А вот здесь, — мое внимание привлекла крыша, на которой сидело множество голубей. — Их кто-то подкармливает?

— Там живет замечательная семья, — кивнула Ева. — А голубей подкармливает их сын.

Мы снова встретились взглядами. Глаза Евы завораживающе блестели. Словно от слез, хотя они были сухими. Весь ее вид кричал о том, насколько Бруклин был властен над ней. Я чувствовал эту одержимость всем своим телом.

Я и сам на несколько мгновений перенесся в ее собственный, совершенно непонятный мне мир. Оттуда я вынес ребус-ключ к пониманию этого мира.

— Мне кажется, что это не я хочу рисовать крыши. Это ОНИ хотят, чтобы я их рисовала. Я делаю первые штрихи и уже знаю историю нового дома, выходящего из-под карандаша. Истории людей, населяющих Бруклин, не повторяются.

— Помнишь, я говорил тебе, что пишу песни? — она кивнула. — Мне тоже кажется, что рифмы генерируются в моей голове абсолютно самостоятельно, без моего участия. И я тоже не могу не писать. Иначе эти строчки будут зудеть в голове хлеще комариных укусов.

Это было откровенно.

— Ты тоже считаешь важным то, что делаешь?

— Да, однозначно, — я улыбнулся собственным мыслям и тут же озвучил их: — Меня может кидать в стороны с невероятной амплитудой! Знаешь, напишу что-нибудь и несколько дней хожу в восторге, отдавая дань своей гениальности. А потом ненавижу написанное и само умение слагать строчки. Но чувство важности не покидает... Это важно хотя бы потому, что вызывает такие эмоции.

Я тщательно подбирал каждое слово.

Ева несколько раз кивнула и убрала папку в рюкзак.

— Мне кажется, что мы с тобой очень похожи в своих блужданиях и заблуждениях.

(похожи?.. ты со мной?)

(ты сама это озвучила?)

Пересиливая жесточайшее желание прикоснуться к Еве, я стал смотреть в сторону и завел разговор на отвлеченную тему. Все происходящее потрясало и требовало от меня постоянного самоконтроля. Я ничем не хотел выдать свою одержимость, боясь испортить все.

Почувствовав прикосновение пальцев к своей руке, я подавился всем, что хотел сказать. Ева же абсолютно невозмутимо повернула мою правую руку ладонью вверх и с любопытством начала рассматривать.

— Мне рассказывали, что вот эта линия, — она указала на тонкую борозду, идущую между указательным и большим пальцем вниз к запястью, — это линия жизни. Чем длиннее она — тем дольше человек проживет. Смотри, какая у тебя длинная.

— До ста лет доживу? — спросил я, не в силах дышать.

Ева провела указательным пальцем по моей «линии жизни».

(какие красивые руки, боже!)

— Думаю, да. Смотри, — она показала свою ладонь правой руки, — у меня такая же длинная. Мы будем жить очень и очень долго, до маразма.

Я хотел ответить смехом, но смог выдать только нервную улыбку. У меня не укладывалось в голове, что одно лишь прикосновение может вызывать такой эмоциональный шторм. Сколько бы я ни фантазировал, что бы ни видел в своих мечтах, я оказался не готов даже к тому, что Ева проведет мне по ладони пальцем. Это ощущение хотелось повторить еще и еще.

Я предложил пройтись, как только Ева отпустила мою руку. Я нуждался в смене обстановки. *(немедленно!)*

* * *

Мы гуляли весь день и не замолкали. О ситуации с Луиросом не было сказано ни слова.

Ева попросила сыграть ей что-нибудь на гитаре, и тогда мне пришлось рассказать про пьянство Доллис и про пожар в нашем доме. Я честно рассказал, что прячу гитару от алкашей, наводняющих дом ежедневно, и что идти ко мне в гости не лучшая идея. Ева шокировала меня своей реакцией на услышанное: полное, искреннее внимание и участие. Наш диалог походил на настольный теннис. Ты мне — я тебе.

За откровение про Доллис и Дезу Ева рассказала о своей семье. Я узнал, что у нее есть старшая сестра, что ее отец занимается ремонтом обуви, а мама — художник. С матерью у Евы были очень натянутые отношения. Она хотела, чтобы дочь развивала себя в других («Да хоть в каких!» — так она говорила) жанрах живописи, потому что «ты не станешь художником, рисуя одно и то же». Ева говорила, что ее мать рисует просто потрясающе и может изобразить все, что угодно, но зарабатывает тем, что рисует узоры для обоев.

Когда я сказал, что крыши намного лучше узоров для обоев, Ева сначала серьезно посмотрела на меня, а потом в голос рассмеялась. Клянусь, что рассмешить ее — одно из лучших ощущений на свете.

Я не хотел с ней прощаться. Вечером температура на улице резко упала, и когда я провожал Еву до дома, у меня уже зуб на зуб не попадал. Ева снова смеялась и говорила, что лично ей очень тепло в куртке.

Когда она зашла в подъезд, я признался себе, что люблю ее.

* * *

Ночью меня словно лихорадило. Я постоянно видел Еву перед собой, ворочался и переставал понимать, где сон, а где явь, потому что ее образ преследовал меня и там и тут с одинаковой ясностью. Невозможно было отвлечься, невозможно было забыться.

Несколько раз я спускался на кухню, чтобы попить, а потом долго лежал и в темноте вглядывался в правую ладонь. Линия жизни и вправду была очень длинной и четкой.

notes

Рассветы

Я контролирую настроение
Ты будешь одна. Я буду рядом.
Я стану твоим исключением
Каждым случайно брошенным взглядом
Я отправляю ошибки
И ностальгию дымом в окно
Хочу, чтобы боль и улыбки
Навсегда остались строкой

Ем Припев:

Ты знаешь все рассветы
См Dm Em
И нахрена тебе мои приветы?
См Dm Em
И нахрена вообще все это?
См Dm Em
Мы не встретили ни одного рассвета

notes

Я - на тебя не похож ни капли
Ты - моя точная копия
Я - не нашел в людях правды
И ловлю попытку до одиночества
Здесь нет места для точки
Ведь ты - вместе. Я - отдельно
Я всегда думаю ночью
А днем контролирую настроение

Глава 10. Аарон

— Ты куда?

Я обернулся. Ник приподнял голову от подушки, потирая глаза.

— Погулять.

— Погулять? — брат произнес это так удивленно, словно я сморозил чепуху. — На чердак, что ли?

— На улицу, Ник. Хочу пройтись.

— Офигеть. Ну, давай.

Я взялся за ручку двери, когда он снова меня окликнул.

— Стой, стой! Ты затылок выстриг, что ли?

— Ага, — ответил я, машинально проведя рукой по волосам, и вышел из комнаты.

Я быстро умылся и спустился. Доллис храпела на диване, Мышь спала у нее в ногах. В коридоре я обшарил пальто тетки и нашел пять баксов, которые взял себе без зазрения совести.

Моя куртка со вчерашнего дня висела в школьной раздевалке, поэтому я надел куртку Ника и вышел из дома.

Мне нужно было увидеть ЕЕ. Я проснулся с этой мыслью и даже не пытался бороться, когда она стала идеей фикс.

Я шагал, а моя мнительность звенела во все колокола: «Воскресенье! Она же наверняка спит! Она проводит выходной с семьей! Ее вообще не будет дома!»

В противовес всему этому — я просто шел. Сидящие на цепи фантазии, скалящие зубы на действительность, были перевоспитаны за один кинологический сеанс. Ни одна мечта не могла соревноваться с единственным вчерашним днем. То, как легко мне было общаться с Евой, то, какой она оказалась на самом деле, взорвало все мои представления об этом мире. Я думал, что больше не хочу залезать на чердак и воображать, что говорю с Евой. Я хотел говорить с ней взаправду, действительно ГОВОРИТЬ. И слушать то, что она мне скажет в ответ.

Я зашел в магазин за йогуртом, потом стоял и пил его не меньше двадцати минут, растягивая каждый глоток. Я почти не ощущал обещанного этикеткой вкуса банана и хотел отправить бутылку в мусорку, но тянул время.

(да, ты бы еще в шесть утра заявился)

Когда я подошел к школе, сердце-предатель вдруг начало отчаянно стучать и рваться из грудной клетки. Пытаясь унять это тошнотное волнение, я несколько раз прошелся вокруг футбольной коробки. Отсюда был виден дом Евы, и мне скручивало живот каждый раз, когда я смотрел на него. От моей утренней уверенности в своих силах не осталось и следа.

(просто нужно все продумать)

(что я скажу ей?)

(привет, пойдем погуляем?.. нет. привет, у тебя есть планы? может, погуляем?.. привет, как дела?..)

Кружа вокруг футбольной коробки, я представил все негативные исходы моего утреннего появления на пороге у Евы. Очень захотелось вернуться обратно домой.

Потом я решил, что, увидев ее, я успокоюсь и нужные слова придут ко мне сами. А если она окажется занятой или же ее вообще не будет дома, то я хотя бы попытался.

Я поспешил к ней, пока этот настрой не улетучился.

Короче этого пути могло быть только само слово «короче». Я дошел до подъезда Евы за долю секунды, так мне показалось. Сердце устало волноваться за это время, но, когда я застыл у двери в квартиру, — встрепенулось с новой силой.

Перед тем как постучать, я не меньше минуты просто стоял и вслушивался в тишину подъезда. Я надеялся услышать голос

Евы за дверью или хоть какие-то звуки из квартиры, но было до ужаса тихо. Я постучал.

Хотелось сорваться с места и бежать быстрее, чем от Луираса.

Тишина длилась если не вечность, то половину от нее точно.

Затем дверь резко распахнулась, словно человек за ней материализовался прямо в коридоре. На меня смотрел здоровенный мужик, заслонивший собой почти весь дверной проем.

— Тебе чего? — спросил он недружелюбно.

Я забежал взглядом от его густых черных усов и до татуировки купидона на шее.

— А Ева дома?

— А ты кто? — спросил он, не двинувшись с места.

Мы столкнулись взглядами. Глаза у усача были пронзительно-зеленые, прямо как у Евы. И усач (ее отец?), судя по выражению лица, пребывал в поганом расположении духа. Я растерялся от его вопроса.

— Привет, Салем! — из-за спины здоровяка послышался голос Евы. — Пап, это ко мне, мы вместе учимся.

«Папа» повернулся к дочери, и я смог увидеть ЕЕ. Ева показалась из-за угла коридора наполовину, но я — заметил, что она в длинной желтой футболке до середины бедра и босиком. Уголки губ Евы поднялись.

— Я сейчас оденусь, подождешь на улице?

— Да, конечно! — с готовностью отозвался я и поспешил вон из подъезда.

Перед тем как захлопнулась дверь, до меня донесся вопросительный бас: «А чего у него с затылком-то?»

Ждать, пока Ева оденется, мне пришлось не меньше получаса. Я то садился на скамейку у подъезда, то принимался ходить взад-вперед, и все никак не мог «проморгаться»: перед глазами стояла Ева в желтой футболке и с распущенными волосами. Я видел яснее реальности ее стройные длинные ноги, и это было невероятно сладостно и мучительно одновременно.

— Привет еще раз, — с улыбкой сказала Ева, выйдя из подъезда. — Прогуляемся?

— Да. — Я широченно улыбался в ответ, натягивая капюшон на голову.

Мы снова шли рядом, очень и даже слишком близко друг другу. Перед началом разговора я быстро и с жаром мысленно помолился, чтобы эта прогулка никогда не заканчивалась.

— Сегодня ты считаешь свои стихи?

— Нет. Я тебе лучше как-нибудь сыграю. Читать песни — лишить их части смысла.

— Ты часто пишешь?

— Раньше — постоянно писал. Но из написанного совсем редко получается что-то стоящее. Вот это «стоящее» и становится песней, я потом к этому музыку пишу.

— А что сейчас?

— А сейчас вместо стихов и музыки у меня хорошо получается только кашель, — я даже наигранно закашлял, а потом чуть не подавился от серьезного взгляда Евы. — Что?

— Твой голос звучит хорошо. Ты вообще не выглядишь больным.

— Да, и...

— Ты же меня не обманываешь?

— Обманываю? Насчет чего?

— Что пишешь песни и музыку.

— Зачем мне это? Конечно, нет!

Мы остановились.

— Просто ты мне так ничего и не показал, — пожала плечами Ева, посмотрев в сторону.

Она выглядела так, словно я не стихи отказался читать, а действительно сильно ее обидел.

— Я покажу, обещаю!.. Слушай, ты сейчас меня ошарашила. Какой смысл мне тебе врать? Разве я смог бы поддержать вчерашний разговор о движущей силе тоски, если бы сам

не испытывал подобного? — я совсем растерялся. — К тому же как можно не поддаться «уговорам» этой самой тоски? Когда она изводит тебя по вечерам, как тут не писать? Это все равно что прикрывать солнце ладонью.

Ева смотрела на меня искоса и с полуулыбкой. Я не понимал, что означает выражение ее лица, поэтому с жаром продолжал тираду, желая доказать, что ни за что не стал бы ее обманывать.

— Я правда очень хочу, чтобы ты не сомневалась в моих словах. Вот твой Бруклин натуральным образом зудит у тебя в голове. «Нарисуй меня!», «Нарисуй совершенным!». У меня та же история с рифмами. Строчки постоянно рифмуются, хочу я этого или нет. Они такие же требовательные, как и твой Бруклин. Они хотят, чтобы я передал их в точности, оформил в идеальную песню. И песня хочет быть услышанной, ей будет мало прозвучать в стихах, без музыки. Понимаешь?

Ева улыбнулась еще сильнее, и я умолк. Ее глаза игриво заблестели.

Я подумал, что ее поведение было нехитрой манипуляцией. Она просто проверяла, кинусь ли я оправдываться. Важно ли мне доказать свою честность.

Конечно, мне было важно. Ева не представляла насколько.

— Я сыграю тебе, — сказал я уже намного спокойнее. — При первой же возможности.

— Спасибо, — просто ответила она и пошла вперед.

Мы молча прошли несколько павильонов магазинов и цепочку многоэтажек. Перешли дорогу и оказались на аллее, облюбованной женщинами с детьми и колясками. Молчание затянулось настолько, что мысли в моей голове стали однородной вязкой кашей.

(что мне ей сказать, что мне ей сказать, что мне ей сказать?)

Я много раз хотел что-то спросить у Евы, но только созрел до вопроса, как, казалось, весь мир начинал в меня вслушиваться. Тогда я смущенно затыкался еще на вдохе.

Меня осенило, когда я увидел на скамейке художника, предлагающего нарисовать шарж с натуры за пару баксов.

— Какое будущее у твоих рисунков?

У Евы будто чуть расслабились плечи оттого, что тишина между нами, наконец, была прервана.

— Будущее?

— Ты будешь продавать свои картины? Или крыши Бруклина только для тебя?

— Я думала об этом. — Ева на ходу начала завязывать волосы в хвост. — Я не против поделиться. Но не думаю, что найдутся те, кто будет готов заплатить за черно-белые крыши.

— Найдутся! Готов поспорить, — я нашарил в кармане два бакса. — Даже могу быть первым покупателем. Что потянет на два доллара? Может, набросок?

Ева рассмеялась.

— Я тебе подарю. Давай лучше купим чипсы.

Мы зашли в продуктовый магазин. Я, не моргая, пялился на спину Евы, пропуская ее перед собой. «Я тебе подарю» пульсировало в моих мозгах, выжигало там каждую букву из этого предложения.

— А какое будущее у твоих песен? — спросила Ева, читая состав на обратной стороне пачки чипсов.

— Я бы хотел играть их со сцены, — брякнул я.

(хотел произвести впечатление, да?)

Ева даже бровью не повела.

— Мы с Ником не очень давно начали репетировать. Ник — это мой брат, я тебе, помоему, говорил.

— Давай вот эти возьмем? — Ева потрясла чипсами в воздухе, я кивнул. — На чем играет твой брат?

— Тоже на гитаре. Она у нас одна.

— Ты уже придумал название для группы?

— Нет. Слушай, группа — очень громко сказано. Нас пока что двое.

(двое на три песни)

— Нужны еще участники, — сказала Ева, отправляя чипсы и бутылку воды на кассовую ленту.

— Угу, — еле слышно прогудел я, жалея, что вообще брякнул про сцену.

Ева казалась отстраненной. Я даже начал готовиться к тому, что она вот-вот скажет, что ей нужно домой. На улице она неспешно отвернула крышку бутылки, сделала пару глотков, протянула бутылку мне. Все это время ее взгляд был направлен куда-то в пространство. Пока я пил, она не сказала ни слова.

— Салем, — вдруг почти вскрикнула она, хлопнув в ладоши. — А ты знаешь Аарона?

— Нет, — растерянно ответил я. — Из нашей школы?

— Не, какая школа, — Ева усмехнулась. — Сомневаюсь, что он даже начальные классы окончил. Он постоянно играет на площади, неужели ты ни разу не слышал?

Я помотал головой и не стал говорить, что даже расположение этой самой площади представляю смутно.

— Сегодня же воскресенье, давай сходим туда вечером. — Ева явно была в восторге от этой идеи. — Он будет играть, я уверена на сто процентов. Воскресенье — «рыбный» день.

— На чем играть?

— На барабанах! Тебе нужно его послушать, он гениальный музыкант.

Меня уколола ревность от того, с каким восторгом она говорила об этом Аароне.

— Мы с ним хорошо общаемся, — продолжала она. — Давай я вас познакомлю! Может, он даст дельный музыкальный совет. Он, если не ошибаюсь, в двух группах барабанит не первый год.

Мир, где Ева была только со мной, раскололся, и из образовавшейся расщелины вылез (невероятно крутой, конечно) барабанщик Аарон. Теперь нас стало трое. Ева смотрела на меня, ожидая ответа. Ее глаза невыносимо пленительно блестели от идеи знакомства.

(убийственно зеленые / безбожно зеленые)

— Конечно, давай сходим, послушаем твоего барабанщика, — безвольно ответил я.

— Отлично! — Ева зашагала вперед, не дожидаясь меня.

* * *

Мы снова болтали обо всем и ни о чем. Темы сменяли одна другую, обрывались резко, оставались незавершенными. Слишком много всего хотелось обсудить. Я никогда в жизни столько не смеялся. Когда Ева вторила моему смеху, я думал: «Господи, как я влюблен!»

Вечер подкрался слишком быстро. Мы собирались идти на площадь, чтобы послушать игру Аарона. По пути я как мог убеждал себя, что знакомство с барабанщиком поможет сдвинуть мою несуществующую группу с мертвой точки. Я думал о том, что мои песни так же сильно хотят быть услышанными, как мое сердце хочет разделить каждую секунду с Евой.

Только ревности было плевать на мои песни. Ревность мучила меня — так восторженно она говорила об Аароне.

Ева вела нас к площади неизвестным мне маршрутом, она прекрасно ориентировалась в городе. Мне оставалось только фотографировать на глаза памятники и колоритные заброшки. Ева видела мою растерянность и называла меня Маугли.

Уже начинало смеркаться. Посеребрившие дома и голые ветви деревьев на фоне темного неба вызвали безумно приятную щемящую тоску. Я жадно вдыхал прохладный воздух, ощущая в нем что-то неуловимое, до боли далекое и знакомое. Мы с Евой шагали в одном темпе, и мне казалось, что в этом моменте есть нечто невероятно важное, что-то, что никогда не забудется, потому что никогда не повторится.

— Слышишь? — с восторгом спросила Ева, ускорив шаг.

Через невнятный гул машин пробивалась барабанная партия. И кто-то вроде как пел в микрофон.

Спальный район закончился, впереди показалась городская площадь. Сейчас до нее оставалось метров триста, только миновать уснувший фонтан и перейти дорогу.

На площади было полно народу. Кто-то прилежно стоял и слушал, кто-то останавливался совсем ненадолго. Люди хлопали и что-то выкрикивали. Повсюду были влюбленные парочки, гуляющие под руку. Теперь я отчетливо слышал барабаны, их пытался перекрыть неразборчивый «квакающий» вокал. По всей видимости, с аппаратурой у играющих все было плохо. Еще была гитара, звучащая тише всех. Барабаны в этом трио лидировали по громкости.

— Пошли скорее, — торопила меня Ева, протискиваясь через толпу.

Я шел за ней, глядя себе под ноги. Было ощущение, что она ускользает у меня из рук.

Когда мы очутились в первых рядах толпы, на меня чуть не налетел патлатый парень с микрофоном. У него покраснело лицо, и вылезли вены на шее, он как мог старался переорать косяки аппаратуры. Упрямый микрофон проглатывал его голос.

Сразу за ним стоял тощий и высоченный гитарист, но я не задержал на нем взгляд, потому что увидел Аарона. Он был в футболке, несмотря на ноябрьский вечер.

Никогда раньше мне не приходилось наблюдать за игрой на барабанах вживую.

На вид Аарону было лет восемнадцать, он был смуглый и крепко сложенный. Барабанные палочки порхали в его руках, словно были невесомыми. При этом стучал он с какой-то нечеловеческой ловкостью и скоростью, я и думать забыл про ревность — его игра полностью меня поглотила.

Все происходящее было лично ЕГО концертом. Мне стало абсолютно плевать, о чем поет вокалист, мелодии гитариста я тоже не слышал. Партия Аарона была настоящей поэзией ударных. Мне казалось, что он может разогнать ритм любого сердца до частоты ударов по мембране и тарелкам.

К музыкантам периодически выходил кто-нибудь из толпы и бросал мелочь в трехлитровую банку, стоявшую рядом инструментами. На ней была надпись: «На пивко!»

Аарон подбрасывал одну барабанную палочку и ловил ее в воздухе, не переставая играть второй, вглядывался в толпу, что-то выкрикивал. Он был настоящим профессионалом, и сам прекрасно осознавал, до чего крут в своем деле. Гитариста и вокалиста, усердствующих на сцене, хотелось назвать дилетантами.

Я смотрел на Аарона не отрываясь, поэтому не мог не заметить, как он вдруг повернул голову в нашу сторону и подмигнул. Это было адресовано Еве.

Когда песня закончилась и раздалась короткие аплодисменты, Аарон отложил палочки и поднялся из-за установки. Он был одного роста с Евой, и я смог отметить, что я выше его на голову, потому что он подошел к нам... и обнял Еву.

— Привет, сто лет тебя не видел, — сказал Аарон, продолжая сжимать Еву в объятиях.

Я же куда-то падал, глядя, как она обнимает его в ответ.

— А мне показалось, что это ты куда-то пропал. — Когда он наконец-то отпустил Еву, она чуть подтолкнула меня вперед. — Это Салем, он играет на гитаре.

— Привет, — Аарон протянул мне руку.

Я пожал ее, поражаясь, насколько рука была сухой после такой яростной игры.

К барабанщику подошел вокалист, явно возмущенный собственным пением.

— Не микрофон, а дерьмо! Звучит, как...

— Конечно, микрофон, — снисходительно кивнул Аарон.

— Перед выступлением все проверил ведь, все было в порядке, — не унимался вокалист, глядя на треклятый микрофон. — Еще три?

— Давайте три, — Аарон усмехнулся. — Как и договаривались.

Вокалист и появившийся у него за спиной гитарист виновато закивали. Я, почему-то с раздражением, отметил их трепет перед барабанщиком.

Аарон снова повернулся к Еве.

— Уделишь нам пару минут, как закончите? — спросила она.

— Для тебя — хоть всю неделю, ты же знаешь, — подмигнул ей Аарон и направился обратно к установке.

— Обязательно поговори с ним, — вполголоса сказала мне Ева, не сводя с Аарона глаз.

— А еще лучше — попроси его с вами порепетировать.

— В смысле порепетировать? — опешил я.

— Вот как с этими ребятами, — Ева кивком указала на «дилетантов». — Они набираются опыта. Может, первый раз играют на публику. Аарон вообще нарасхват, как ни приду сюда — постоянно играет с кем-нибудь новым.

Я представил, как пою на площади, а сзади барабанит Аарон, перетягивающий все внимание с текста песни на свою безупречную игру.

Мне почему-то захотелось ответить Еве что-то колкое, но гитарист начал новую песню жирным рифом, так что мои слова все равно бы утонули в музыке.

Аарон снова приковал всеобщее внимание к своей игре. Ева стояла ко мне совсем близко, касаясь плечом. Эта близость жгла через куртку, словно я прислонился к стекловате. Я смотрел на крепкие руки Аарона и не мог не вспоминать, как всего пару минут назад он прижимал к себе Еву этими руками. Но еще я не мог не думать о том, что играть с таким музыкантом было бы самым щедрым подарком судьбы.

Голоса в толпе смолкли, когда квакающий вокал и невнятные гитарные риффы прекратились. Все звуки в мире словно почтительно замерли в воздухе. Аарон начал свою сольную партию. Вместе со всеми я смотрел на барабанщика, загипнотизированный, не в силах не восхищаться.

Каким же водоворотом все вдруг закрутилось! От одиночества на пыльном чердаке прямиком к прогулке с Евой и знакомству с Аароном. Я снова вспомнил, как Ева уронила папку с рисунками во время урагана.

(отправная точка)

Именно благодаря этому событию я сейчас стоял здесь. И я не мог не думать, что близкое знакомство с Аароном станет началом еще одной главы, эпилогом которой была СЦЕНА.

Главным составляющим моей жизни были песни, все эти рифмы, зудящие в голове с самого детства. Если Аарон — единственный шанс для моей музыки быть услышанной, разве имел я право на ревность?

Я взглянул на Еву. Она чуть улыбалась, зачарованная, как и все вокруг, ударными. Мне пришлось спешно перевести внимание на Аарона, потому что сердце-предатель вновь болезненно закрипело. Я следил за игрой, но думал о том, что кожа щек Евы наверняка нежная, как крылья бабочки.

* * *

Концерт под открытым небом подошел к концу. Вокалист на прощание пожелал собравшимся «какой-то недели» и «какой-то ночи», микрофон подвел его и здесь, половину слов было не разобрать.

(ДЕЙСТВУЙ!)

Я, стараясь держаться уверенно, зашагал вперед. Аарон поднял на меня глаза, не выходя из-за установки. Я наклонился и скинул в банку оставшуюся мелочь, прежде чем подойти ближе.

(на пиво!)

— Просто взрыв, — сказал я.

В ответ Аарон поморщился.

— Взрыв отстоя. Где Ева?

Она тут же оказалась рядом со мной.

— Что ты хотела? — обращаясь к ней, Аарон мгновенно преобразился в лице.

— Как ты относишься к юным талантам? — издали начала Ева.

Я напрягся всем телом.

(юные таланты? ты ведь даже не слышала, как я играю!)

— Как к китайцам. Слишком их до хрена! — Аарон прикурил сигарету, продолжая сидеть за установкой. — Один талантливее другого. Слышала сейчас вон тех двоих? — он со смешком указал на подавленных «дилетантов», собирающих аппаратуру. — Каждый раз говорю себе: играй только с проверенными парнями.

— Как раз такого музыканта я тебе и нашла.

Я поперхнулся и вообще не воспрянул духом от заочной веры Евы в меня. Наоборот, я чувствовал, что уверенность в собственных силах сдувается, как воздушный шарик.

Аарон, смекнув, что весь разговор с ним Ева затеяла ради меня, перестроился на совсем уж пренебрежительный лад. Он смерил меня презрительным взглядом и снова повернулся к Еве, показывая, что я не вызвал у него ни капли любопытства.

— Лучше бы ТЫ гитару освоила, — сказал он ей, крепко затягиваясь. — Сколотили бы легендарный бенд... Саймон, да?

— Салем, — терпеливо поправил я.

— Подай банку под бочкой, — напористо велел Аарон.

Этот тон меня позабавил. Я понял, что Аарон видит во мне конкурента.

Я подал ему банку с мелочью и мелкими купюрами. Аарон громко потряс ею и свистнул в сторону остальных музыкантов-неудачников.

— Это я себе заберу! Моральная компенсация!

— По-честному было бы тогда раздать деньги тем, кто все это слышал, — сказала со смешком Ева.

— Ну вот еще. Я был на высоте. — Аарон высыпал мелочь себе на коленки и принялся считать. — Салем, у тебя группа? Что играете?

— Нас двое, — ответил я честно. — Я и мой брат. Играем мои песни.

— Где выступали?

— Пока что нигде.

— Что, вообще?

Аарон спросил это, поморщившись. Очевидно, демонстрировал Еве свое пренебрежение.

— Хотим сыграть с тобой, — перешел в атаку я, сам поражаясь собственным словам. — Я сразу понял, что мы сработаемся.

Аарон хохотнул, поднимаясь.

— Так, ладно, мне пора. Парни подкинут меня до дома. Не на себе же тащить установку, верно? — он обратился снова к Еве. — Заглядывай в гости, мы в последнее время часто торчим в гараже.

— Но... — я хотел продолжить уговаривать его, но почувствовал холодные тонкие пальцы, сжавшие мое запястье.

— Ладно, давай, — Ева кивнула Аарону, и тут же развернулась, слегка потянув меня за собой. — На неделе загляну точно.

Убедившись, что я покорно иду следом, Ева отпустила мою руку. Я готов был поклясться, что от ее пальцев остались шрамы на запястье — так жгло кожу на месте прикосновения.

— Не надо его уламывать, — шепнула мне Ева. — Придем к нему в гараж, и ты там сыграешь, вот и все.

(вот и все?!)

— Ты ведь не слышала ни одной моей песни, — начал было я, но она оборвала меня на середине фразы:

— Мне почему-то показалось, что твои песни не могут быть отстоем, — улыбнулась Ева. Я рассмеялся.

— Когда тебе так показалось?

— Сейчас. Чем дольше слушали Аарона, тем сильнее почему-то в этом убеждалась.

(думала обо мне сегодня. думала, когда играл ОН. думала, что мои песни не могут быть отстоем)

(думала обо мне, когда играл ОН)

Я проводил Еву до подъезда, мы вновь не договорились о новой встрече. На улице стемнело окончательно.

Когда Ева направилась к двери, я вдруг вспомнил, что завтра в школу. Тут же окликнул ее.

— Ева! — она повернулась ко мне. — Слушай... В школе нам с тобой лучше не общаться. Потому что...

— Я все понимаю, — сказала она и, не дожидаясь моего ответа, зашла в подъезд.

* * *

Сон не шел. Жизнь стала слишком наполнена событиями и людьми, сознание жадно прокручивало отдельные эпизоды снова и снова. Я думал о том, что мне предстоит «поразить» Аарона своей игрой. Поразить так, чтобы он хотя бы снисходительно кивнул мне. Уверен, это была бы высшая похвала от него.

Я ворочался в кровати и думал, что буду играть перед Евой. Заочно испытывал мандраж, проживал это событие наяву, не отрывая головы от подушки.

Когда мне все же удавалось задремать, я видел Еву в объятиях Аарона. Я тут же просыпался от острой боли в груди.

Я любил Еву, безумно любил ее, она казалась мне совершенной и недостижимой. Я был уверен, что каждый парень, познакомившись с ней, теряет голову от чувств, как и я. Аарон был тому доказательством, я ВИДЕЛ, как он смотрел на нее. Видел такой же взгляд в зеркале ежедневно.

Скольким еще Ева снилась по ночам, сколько мечтали о ней так же, как я? Я не знал ответа на этот вопрос, но от всей души желал каждому, кто видел ее во сне, немедленно проснуться.

(что ты шептала, когда приснилась не мне?)

notes

БУМ, БА

ОЧЕНЬ ШАТКОЕ
СВЕТАЛО БУДУЩЕЕ

Глава 11. Гараж

Будни тянулись мучительно медленно. Когда я случайно сталкивался с Евой в школьных коридорах, то весь вспыхивал. Не так, как раньше, не так, как еще месяц назад. Все изменилось. Только слова приветствия по-прежнему должны были участвовать в глотке. Мы могли говорить только за пределами школы и ничем не выдавали, что начали близко общаться.

Встретив меня случайно, Ева смотрела искоса и абсолютно равнодушно. Сразу переводила взгляд на кого-то другого. Через пару таких «встреч» в голову полезли мысли, что я сам себе выдумал и наш общий смех, и прогулки, и Аарона. Мне нужно было убедиться, что я не спятил. Я ждал выходных, как Доллис ждет денег на выпивку.

Если Ник по вечерам бывал дома, я заставлял его раз за разом прогонять песни. К «Рассветам» мы сочинили музыку вместе, брат впервые принял в этом участие. Я же, вместо того чтобы получать удовольствие от игры и пения, постоянно нервничал. Завис между реальностью и будущим, в котором мне предстояло играть под взглядом Аарона.

В пятницу я написал в записке для Евы, что зайду за ней сразу после уроков, но так и не смог ей ее передать. Всю неделю убеждал себя, что Ева тоже (хоть немного!) ждет выходных. А еще я убеждал себя, что такое счастье не могло случиться со мной и пора снимать розовые очки.

* * *

Субботнее утро началось совсем рано. Я нервничал и не мог спать, мне не нужен был будильник. Я взял три листа с переписанными песнями (не тащить же с собой тетрадь!), обшарил карманы Доллис, но не нашел ни цента, накормил Мышь и вышел из дома. Ник храпел и не слышал, как я уходил.

Класс Евы освобождался раньше на один урок. Услышав последний звонок, я сгреб учебники и тетрадки в рюкзак и первым вылетел из кабинета. Райли что-то заорал мне вслед.

Через пять минут я уже был у дома Евы. Постучал в дверь квартиры без промедления, потому что знал: любая заминка гарантирует мне отступление от всех планов.

Квартира снова ответила тишиной, как и неделю назад. Эта тишина тянулась так долго, что мне хотелось сложить руки в отчаянной молитве. Я слышал собственное сердце и пульс в висках, а больше ничего не слышал.

Когда дверь открылась и я увидел Еву, из меня вырвался такой громкий облегченный выдох, что она не могла не услышать.

Ева улыбалась.

(ты ждала меня? хоть немного?)

— Пойдем к Аарону? — спросил я вместо приветствия.

Мне так хотелось обнять Еву от переполняющего счастья, что пришлось крепко прикусить щеку изнутри, чтобы сдержать этот порыв.

— Заходи, — велела она, делая шаг назад. — Давай сначала поедим.

В квартире стояла тишина, мы были одни.

Я прошел за Евой на кухню, где она, ни о чем меня не спрашивая, принялась готовить яичницу. Аппетит у меня отсутствовал полностью, но я слопал бы все, что ОНА приготовила.

На сковороде шипело масло. Я внимательно рассматривал крошечную и очень чистую кухню. Здесь был такой маленький стол, что в семье Евы наверняка ели по очереди. У окна стоял громко гудящий холодильник, напротив него — коричневые кухонные шкафы, плита на две конфорки и раковина. Ева закончила с яичницей, накрыла сковороду крышкой и поставила чайник на плиту. Я следил за каждым ее движением, за беспокойными волосами в высоком хвосте, и был готов разорваться от чувств и пойти на все четыре стороны, хохоча от счастья.

(господи, помоги мне все это вместить в себя, боже, помоги мне это все не забыть)

Ева поставила передо мной голубую тарелку. Чуть подгоревшая яичница смотрела на меня помидорными глазами.

— Зеленью посыпать? — спросила Ева, а я помотал головой, не в силах перестать улыбаться. — Ты, кажется, в отличном настроении?

— Ага, — ответил я и принялся за еду.

Было так потрясающе находиться на этой маленькой светлой кухне. Ева сидела напротив, подтянув колено к подбородку, и быстро ела. Все вокруг было таким потрясающим: от улыбающейся яичницы до засвистевшего чайника.

Я подцепил вилкой помидор, глядя на Еву. Она периодически поднимала на меня глаза, в них было что-то вопросительно-ожидательное.

Я вдруг догадался, какого вопроса она ждала.

— Ты нарисовала что-то новое?

— Да.

— Покажешь мне?

— Да, — лицо Евы словно просветлело. — Попозже. Давай ешь.

— Очень вкусно, кстати.

Мы молча застучали посудой, потом Ева убрала тарелки в мойку и потянулась за чайником. Я подумал, что для меня обед с Евой — это событие планетарного масштаба. Для самой Евы — просто обыденность. Я не первый, с кем она вот так сидит у себя дома, потому что точно не единственный, кто тянется к ней. С ней было потрясающе легко, с ней хотелось остаться навсегда.

(мне бы просто радоваться! она приготовила мне поесть, неужели это вообще происходит со мной? зачем даже в минуты абсолютного счастья я выскиваю мысль, которой можно омрачить момент?)

— Сахар?

— Ложку.

* * *

Ева хотела отправиться к Аарону на автобусе, но я предложил пройтись, ссылаясь на отличную погоду. У меня просто не было денег на проезд.

Мы шли не меньше часа. Я старательно веселил Еву всю дорогу, скрывая свою тревогу. Я хотел, чтобы ей со мной было также просто и легко, как и мне с ней.

Было около пяти вечера, когда мы дошли до Аарона. Барабанщик жил в двухэтажном частном доме, к которому примыкал гараж. Рядом кто-то небрежно бросил свои тачки, старые Ford и Volvo. Гараж потряхивало от происходящего внутри, агрессивная музыка, звучащая в его стенах, вряд ли оставляла соседей равнодушными.

Я представлял все иначе. Почему-то я думал, что мы застанем Аарона одного, и я сыграю только под его изучающим взглядом. Сейчас в гараже явно было больше одного человека.

(толпа?)

Ева прошла вперед меня, шелкая пальцами в ритм барабанной партии. У двери в гараж она обернулась и ободряюще улыбнулась. Я вернул улыбку и шумно сглотнул. Ноги грозились подкоситься в любой момент.

Ева открыла дверь и крикнула: «Привет», стараясь перекричать игру. Когда она зашла внутрь, музыка резко оборвалась.

Мне ничего не оставалось, кроме как тащиться вслед за Евой. Во рту пересохло так, что собственный язык стал казаться там не к месту. В нос ударил специфический запах: так пахло бы в школьной раздевалке, если бы в ней разрешили курить.

— Дверь закрой! — крикнул, кажется, Аарон, и я медленно повиновался.

Глаза начали привыкать к тусклому освещению. Я насчитал шесть человек: четверо за инструментами, двое справа на лавке. Ева стояла со мной рядом.

Я вообще не знал, как вести себя и что говорить. На меня смотрели шесть пар глаз. Я, как ни старался, не мог разыграть спектакль, в котором для меня, чердачного жителя, такие компании — обыденность. Это было все равно что встать на раскаленный песок и улыбаться, не двигаясь с места. Меня выдаст что угодно, затянувшееся молчание не играло мне на руку.

Ситуацию спас Аарон.

— Ева, садись пока, — он кивнул на лавку. — Мы сейчас доиграем.

Он застучал палка о палку: раз, два, раз, два, три. Гитары тут же заревели так громко, что с непривычки стало больно ушам. Вокалист натуральным образом заорал, наклоняясь вперед вместе с микрофонной стойкой, я поспешил аккуратно его обойти, шагая за Евой.

Два парня подвинулись в сторону, освобождая нам место. Когда Ева села рядом с ними, тот, который был ближе к ней, приобнял ее за плечи, здороваясь. Я тоже опустился на скамейку, оба парня протянули мне руки для знакомства.

— Салем! — заорал я, стараясь перекрыть музыку.

— Панда, — с улыбкой потряс мне руку тот, кто только что обнимал Еву. — Охеренная музыка, да?

— Пурген, — выкрикнул второй, сдувая с глаз косую челку.

(панда? пурген? почему они называли себя так? может, мне вместо имени тоже нужно было что-то придумать?)

Сразу после рукопожатия Пурген и Панда принялись трясти головами в такт музыке, а я стал рассматривать гараж, повторяя себе, что все будет нормально. Эта мысль скакала в голове туда-сюда. Мысль была в припадке.

Черная установка Аарона стояла в левом углу на небольшой бетонной возвышенности. Все стены гаража и даже потолок были расписаны граффити и заклеены постерами с афишами выступлений годичной давности. Гитаристы жались к барабанной установке, к гитаристам жался вокалист: места было мало. Над лавкой, на которой мы сидели, были прибиты несколько длинных полок. На них — какие-то пластинки, жестяные банки, колесики от скейта, гаечные ключи, треснувшие ударные тарелки. В правом углу стояло большое мягкое кресло.

Я так внимательно следил за быстрым перебором струн гитаристом, так вышибали из меня дух барабанные финты Аарона, что не заметил, как куда-то отлетел. Гараж вдруг начал казаться теплым и безопасным, а все незнакомые мне парни стали новыми Никами. От нервяка осталась только приятная усталость в мышцах. Я чувствовал себя марафонцем, первым прибежавшим к финишу и рухнувшим счастливым на резиновую дорожку.

Парни прервались на пару минут, чтобы перенастроить гитары в другую тональность. Я повернулся к Еве: хотел так много сказать ей о счастье, но слов не нашлось. Поэтому я просто смотрел на нее, широченно улыбаясь, а она вторила моей улыбке. Я отчаянно запоминал, как много в этот момент в ее глазах было озорства и Бога.

Гитара жалостливо затянула печальную повесть. Вокалист хрипло запел о растоптанной любви. Текст песни не находил во мне отклика, я понимал, что не стал бы слушать ее по радио. Но сейчас, когда все это звучало вживую, эта музыка была лучшим, что когда-либо играл человек.

— И я отпускаю тебя, — хрипотца сменилась высокими нотами. — Отпускаю тебя.

Вокалист даже глаза закрыл, полностью отдаваясь исполнению.

Я чувствовал тесную связь с этими людьми. Музыка в их жизни, как и в моей, была важнейшей составляющей.

Я ощутил себя ребенком, который, испугавшись темноты, закрыл глаза ладонями. И вдруг через щели между его пальцев начал пробиваться солнечный свет.

* * *

Репетиция завершилась через пять песен. Аарон прошел мимо меня и обнял Еву, поднявшуюся с лавки ему навстречу. Атмосфера безопасности начала рассеиваться, растаяла в

воздухе вместе с последними аккордами. Незнакомые мне музыканты покинули «сцену», один за другим пожали мне руку и представились. Я никого из них не запомнил.

— А чего новую не сыграли? — спросил Панда, доставая из-под лавки две упаковки пива Bud.

В каждой упаковке было по четыре банки.

— Надо над текстом поработать, — ответил вокалист, открывая пиво. — Я думаю, это будет стопроцентный хит.

Разговор под пиво начался шумный, наперебой. Собравшиеся бросались шуточками, смысла которых я не понимал, хохотали, говорили о незнакомых мне людях. Никто не обращал на меня никакого внимания, я же — пристально вглядывался в их лица. Бас-гитарист был бородатым, как крестьянский мужик, Пурген без конца сдувал с глаз непослушную челку, у вокалиста сильно выступали вперед зубы. Аарон, казалось, старался игнорировать мое существование сильнее всех прочих. Он, как и на прошлой неделе, снова был одет во все черное.

Ева перетянула все внимание компании на себя рассказом об общем знакомом. Я вытаращил глаза, увидев дымящуюся сигарету в ее пальцах. Заметив мой взгляд, Ева предложила мне затаиться. Я помотал головой.

— Так, а ты что хотел? — резко спросил Аарон у меня, когда Ева закончила рассказывать.

От неожиданности я весь вытянулся и застучал кончиками пальцев по бедру.

— Я хотел... Хотел сыграть с тобой.

— По-моему, я еще в тот раз сказал тебе, что это не вариант, — отрубил Аарон.

У меня не было аргументов.

— Ты ведь даже не послушал, — вступилась за меня Ева. — У Салема крутой материал. *(о-о-о-ох, черт! да ты сама ничего не слышала!)*

— А на чем ты собрался играть? — не унимался Аарон, пока мысленно я проклинал всю эту затею. — Не вижу гитары.

— Пусть мою возьмет, — неожиданно сказал гитарист, чье имя я не запомнил.

Он подмигнул мне и отошел, чтобы подключить гитару к усилителю. Все смотрели на меня с любопытством. Я встретился глазами с Евой. Она кивнула и ободряюще мне улыбнулась.

(не смотри так, я не смогу! не смогу!)

— На, — гитарист протянул мне инструмент.

Я принял гитару из его рук. Она зафонила, а меня заколотило в лихорадке. Я знал, что все это видят, но ничего не мог с собой сделать.

— Да расслабься, — рассмеялся безымянный музыкант, хлопнув меня по плечу. — Все свои.

— Я никогда не...

— Пой в микрофон, — он дал мне очевидную подсказку и сел к остальным.

Я взглянул на серебристую микрофонную стойку, готовясь от волнения выблевать бешено стучащее сердце. Я даже увидел, как оно, большое и бордовое, лежит на полу и трепыхается, как рыба на берегу.

Чтобы потянуть время, я как можно медленнее регулировал стойку под свой рост, потом долго возился с ремнем через плечо, удерживающим гитару на весу. Когда я провел по открытым струнам, звук, приумноженный усилителем, пронзил меня насквозь.

Как же громко.

(я должен его перекричать?)

— Ну! — нетерпеливо крикнул Аарон, открывая новую банку пива. — Мы все тут затаили дыхание!

Я мельком взглянул на Еву, она все так же улыбалась. Сейчас ее улыбка стала невыносимой. Я встал у микрофона так, чтобы оказаться боком ко всем. Чтобы не видеть их лиц, чтобы

скрыть свое лицо. Хотелось забыть все песни и каждый аккорд, но я помнил все. Хотелось никогда больше не писать музыку.

Я думал начать с «Рассветов», но пальцы, словно живя собственной жизнью, поставили аккорд для вступления «МЦМ». Специально прокашлявшись в микрофон, я не узнал звука собственного голоса.

Я начал играть, не сводя глаз с грифа. Даже моргнуть не мог от волнения. Моя музыка впервые звучала так громко... Чудовищно громко. Я пялился на свои пальцы, зажимающие тонкие струны, — ими точно управлял кто-то другой. Кто-то взял мое тело под контроль, пока я старался не заскулить от страха.

Еще один аккорд, и нужно было начать петь. Я закрыл глаза, чтобы тот, кто управлял моими руками, запел вместо меня:

— Кто-то просто взял и стер завесу (чей это голос?!), поменял весь мир и подменил людей. Меня обмотали целлофановым пакетом, не страшно и просто, впереди много дней.

Желудок и конечности налились свинцом, я вообще не чувствовал рук, которые исправно играли нужную мелодию.

— Пелена в глазах — я романтично грешен, все мои враги превратились в друзей...

В голове звучал чей-то голос. Звучал еще громче, чем тот, что вырывался из колонок. Пел со мной в унисон, словно пытаюсь приободрить. На каких задворках и в какой шкатулке Пандоры я прятал этот голос? В сознании он звучал просто потрясающе. Мне оставалось только равняться на него.

— Каждый раз, когда я смотрю в отражение, вокруг меня лишь мой целлофановый мир.

Петь вдвоем было намного проще. Как идти по снегу вслед за кем-то сильным, прокладывающим дорогу. Глаза я по-прежнему не смел открыть, боясь столкнуться взглядом с Евой. *(она наверняка смотрит на меня?... не думай об этом, не думай)*

Я оборвал песню сразу после припева, следовавшего за вторым куплетом, не отыгравая финальные аккорды. Гитара замолчала и начала фонить. Помощник в голове замолчал вместе со мной, оставив после себя звон в ушах.

— А еще что-нибудь сыграй! — крикнул кто-то из безымянных музыкантов.

Я дернулся и еще больше отвернулся от «зрителей». Сразу же поставил аккорды для «Рассветов» и заиграл, лишь бы не слышать других восклицаний. Слишком боясь осуждения, слишком боясь увидеть насмешку в ЕЕ глазах.

(она все еще смотрит?)

— Я — контролирую настроение. Ты будешь одна. Я буду рядом. Я стану твоим исключением, каждым случайно брошенным взглядом.

Голос-помощник среагировал мгновенно, мы снова пели вместе. Все мое тело по-прежнему оставалось тяжелым от волнения и шока, но с каждой спетой строчкой в груди разливалась теплота, словно от слов благодарности. От ПОТОКА благодарности. Что это такое?

— Я — на тебя не похож ни капли, ты — моя точная копия...

Ко второму куплету теплота стала жаром, захватившим все мое тело. Я натуральным образом горел вместе с «Рассветами», я был уверен: оборви я песню — и пожар тут же закончится. Мне не хотелось гаснуть. Я находил в этом пекле необъяснимое и опьяняющее удовольствие.

— Я — не нашел в людях правды и ловлю попутку до одиночества...

(это песня! это она жжжет меня благодарностью! я дал ей то, чего она хотела больше всего — быть услышанной!)

— Здесь нет места для точки, ведь ты — вместе, я — отдельно...

(...мне остается только одно: исполнить ее так, чтобы она никого не оставила равнодушной. песне так хотелось быть ПОНЯТОЙ)

— Я всегда думаю ночью, а днем контролирую настроение...

Я пел концовку даже не от души, а от пожара. Раскрой мне сейчас грудную клетку — и огонь переметнулся бы на гараж, на город, на весь мир, а вместо рева пламени звучали бы мои песни.

Когда я закончил, чья-то рука опустилась на мое плечо. Я распахнул глаза, повернулся и увидел парня, одолжившего мне гитару. Его восторженное лицо и осознание произошедшего ударили мне по мозгам.

— Это охренительно! Аарон говорит, ты на самом старте сейчас? Старик, я пророчу тебе взлет на каждом фесте. Я знаю, о чем говорю, у Дастина, — он указал на себя, вот как его звали, — глаз наметан на такие вещи!.. Ты сыграешь еще?

Оставалось еще «Море», но я помотал головой и отдал гитару Дастину. Повернулся в сторону лавки.

Вокалист восторженно и даже с ноткой ревности в голосе сказал, что пою я «не ахти как, конечно, но тут главное другое». Панда и Пурген уважительно качали головами и одобрительно матерились, кто во что горазд. Басист сказал, что «работы над материалом еще много, это надо помнить, было круто, но очень сыро». Молчали только Аарон и Ева.

Пренебрежительное выражение лица барабанщика стало чуть менее пренебрежительным. Казалось, что он задумался.

Я посмотрел на Еву. Она тоже смотрела на меня, прищурив глаза и нахмутив брови. Я почувствовал себя голым под таким взглядом.

— Ева, — имя вырвалось из меня само, и все тут же умолкли. — Как тебе?

Голос дрожал, я блеял, как овца.

— Очень, — после недолгой паузы ответила она одним словом, все так же буравя меня взглядом.

— Очень-очень! — повторил за ней Пурген, смахивая челку.

* * *

Конечно, Аарон не согласился поработать со мной.

Ева сказала, что мы «прождем» его через пару встреч. Сказала, что знает его давно, и он просто хочет, чтобы за ним побегали, такой вот заскок.

Ева отказалась идти пешком в обратную сторону, поэтому мы шли от гаража к автобусной остановке. Деньги на проезд за это время у меня, конечно, не появились.

— Каково тебе — быть единственной девчонкой в компании?

— С чего ты взял, что я единственная? Сегодня просто было мало народа, — пожала плечами Ева.

— Обычно больше?

— Ну, раза в два как минимум.

— Как на самом деле зовут Панду?

— Густав, вроде бы. Если ты позовешь его по имени, не думаю, что он шелохнется.

— Я думал, он сожрет тебя взглядом, — Ева тут же расхохоталась. — Нет, правда!

— Мы в одной компании года три... Знаешь, что он говорит, когда напивается? Что пойдет ради меня на край света. Как относиться к таким обещаниям? На край света, но у света нет края!

— Да уж, — устало улыбнулся я, вновь убеждаясь, что не был единственным, кто сходил по Еве с ума.

Мы подошли к остановке.

— Минут через пять подъедет, — сказала Ева, изучив расписание.

— Ты с сигаретой — это необычно, — задумчиво произнес я.

— Слушай, я очень редко, — словно извиняясь, сказала она. — Под настроение.

— Научишь меня курить? — зачем-то брякнул я.

Ева с улыбкой вскинула брови и промолчала. Подъехал автобус.

Я топтался на месте, пока Ева поднималась в салон, а потом закричал:
— Мне что-то нехорошо! Я лучше пройдусь!
Крикнул и тут же зашагал в обратном от остановки направлении.
Затылок обожгло непонимающим взглядом.

Глава 12. Ревность

В утро воскресенья я подорвался с постели ужасно рано. Тут же стал собираться на улицу. Ник швырнул в меня свернутыми в клубок носками и велел не шуметь. Вместо того, чтобы выполнить просьбу брата, я расхохотался. Меня переполняло счастье.

Я вышел из дома, планируя побродить по городу несколько часов, чтобы убить время. Мне даже хотелось попробовать потеряться среди незнакомых улиц, а потом отыскать дорогу к дому Евы. В этом было что-то романтическое. Глупое маленькое приключение.

Утреннее небо было похоже на цемент. Вглядываясь в него, я не заметил мертвого голубя под ногами и наступил на него всей подошвой. Голубь чавкнул вниз. Вопреки этому внутри меня, только больше теплилось счастье. Оно достигло совершенно немислимых размеров. Казалось, что, если я запущу дохлого голубя в цементное небо, он оживет и расправит крылья, а небо окрасится в синий цвет.

Через два часа я трижды постучал в квартиру Евы. Мне никто не открыл. Я старался сохранить ощущение окрыляющего счастья, когда отправился обратно домой. Меня ждал чердак, и впервые эта мысль меня отравляла. Я тащил счастье за собой, волочил на веревке, но оно плелось все медленнее. Упрямилось сильнее с каждым моим шагом, отдаляющим меня от дома Евы.

Я представил, как хлестнул счастье по спине кнутом, чтобы поторопить, и тогда оно исчезло совсем.

Все воскресенье я просидел на чердаке, ничего не писал и не играл. Вспоминал день в гараже, прищуренные внимательные глаза Евы и то, как отреагировали на мои песни остальные.

(вот бы это повторить, вот бы это повторить, вот бы)

* * *

Среда обещала выдаться ненапряжной — Луирос отсутствовал.

Четыре урока пролетели быстро. С самого утра в голове вились случайные рифмы, которые я никак не мог связать вместе. Я исчеркал все задние листы рабочих тетрадей, но так и не превратил строчки в песню.

На пятый урок ноги несли меня сами. Я продолжал вращать рифмы в голове, как кубик Рубика. Единая картинка никак не хотела складываться, дразнила меня, постоянно ускользая. Я испытывал потрясающую смесь азарта и раздражения.

Находясь в отрыве от реальности, я понял, что мимо прошла Ева, только когда она уже оказалась почти в конце коридора.

Я резко обернулся. Лица я, конечно, не увидел, но узнал Еву со спины по высокому непослушному хвосту. На ней были узкие джинсы и огромная, не по размеру, черная толстовка с капюшоном.

Я сразу понял, что на ней толстовка Аарона. Он был в такой, когда я последний раз видел его в гараже.

Еще я понял, что пятый урок для меня отменяется.

Я стоял истуканом посреди школьного коридора, словно врос в старый линолеум ногами. Чья-то огромная лапа сжала все мои внутренности, скрутила их в жгут. У меня задрожала челюсть.

Я чувствовал себя обманутым и преданным.

Но кто меня предал? Кто меня обманул?

(кто?!)

Оглушительно раздался звонок на урок.

* * *

Из забытья я вынырнул, только когда снизу разнесся звук бьющейся посуды и вопли Доллис. Уже давно стемнело, тело, столько пролежавшее на деревянных досках чердака, болезненно ныло. Лицо стянуло из-за засохших борозд слез, я даже не заметил, что плакал.

Я сел на коленки, разминая шею и плечи. В полумраке чердака воображение нарисовало Еву, поправляющую на себе черную толстовку. Захотелось чем-то кинуть в этот морок от злости.

(оставь меня хоть ненадолго!)

Придвинувшись ближе к окну, я раскрыл рыжую тетрадь на последней странице. Мне нужно было выплеснуть злость, но разве можно уместить эту обжигающую ревность в песне, придумать к ней такое название, чтобы оно передало всю мою боль? Здесь нужно было писать книгу. Я умел только песни.

Мне и раньше бывало паршиво — хоть в петлю лезь. Что случилось сейчас? За несколько недель моя жизнь до того изменилась, что вместе с ней изменилась и боль. Она тоже желала удивить меня чем-то новым. У нее отлично получалось! Видимо, для нее, как и для моей фантазии, не существовало законов и пределов.

Мечтать о Еве, не зная даже звука ее голоса, это одно. Проводить с ней время, слышать ее смех, а потом увидеть ее в одежде крутого музыканта — совсем другое.

Я со злостью вдавил ручку в тетрадный лист и почему-то вывел: «Маргарет говорит: все это дерьмо и все скоро сгорит!», а потом долго-долго зачеркивал крест-накрест.

Когда надпись стало не разобрать, я написал: «Давай будем верить, что мы не умрем, что мечты сбываются, а мы — не врем». И снова зачеркивал до тех пор, пока оно не превратилось в сплошную черноту.

Третья запись: «Хочу взглянуть в твои глаза — увидеть там себя». Мне хотелось орать, пока я зачеркивал ее.

«Измени себе, измени себе, измени самой себе со мной». Начал зачеркивать — кончилась ручка. Я отшвырнул ее от себя, захлопнул тетрадь.

Я сидел на чердаке еще очень долго. Мне казалось, что последняя сделанная запись подглядывает за мной через щели между тетрадными листами.

* * *

Ева ничего мне не обещала. Наши встречи ничего мне не гарантировали. Я страдал только из-за собственных рухнувших надежд. Конечно, можно было выдумать всю эту историю заново, можно было заставить Еву быть со мной движением мысли. Но я был уверен, что теперь, зная, каково это — быть к НЕЙ так близко, фантазии не принесут мне успокоения.

Я внушал себе, что моя цель — только музыка. Теперь — точно. Только в музыке я смогу найти спасение от той, что подняла меня на небеса и скинула оттуда лицом в асфальт. Я никогда об этом не расскажу, она никогда об этом не узнает.

Может, мне было бы легче, если бы я прекратил встречи с Евой? Только смог бы я пойти на подобное? И дело вовсе не в том, что Ева была связующим звеном между мной и Аароном (барабанщик, мать его, мечты). Я был беспомощен перед чувствами, которые она у меня вызывала. Да, сидя на чердаке в одиночестве, я мог хорохориться, что справлюсь с собой и смогу прекратить наше общение в один миг. Что поболит и пройдет, что станет легче. Что, если я не буду знать о ней ничего, как раньше, мое бестолковое сердце сможет немного успокоиться.

В один вечер я даже попробовал отрепетировать диалог, в котором сообщал Еве, что мы больше не можем дружить. В тишине чердака я произнес ЕЕ имя громким шепотом и умолк.

Е-В-А.

Не отболит и не заживет.

Е-В-А.

Не пройдет. Не справлюсь.

notes ИЗМЕНИ СЕБЕ
СО МНОЙ

Ты не хочешь мечтами жить ①
 А я не хочу ими умирать
 Ты пытаешься все забыть
 Оставляя любовь умирать
 Меня изнутри
 Мы боремся каждый сам с собой
Измени себе со мной,

②

Я стараюсь найти оправдания чувствам
 Я пытаюсь уловить хоть намек в поступках
 И из сердца моего посылаю хаос
 Которым я нагрузил себя сам
 Все это - не наука и не предмет
 Но я ищу смысл там, где его нет
 Я все это серю - я абсолютно немой!
 Давай!
Измени себе со мной!

3

Ты не хочешь мечтами жить
 А я не хочу ими умирать
 Ты, должно быть, не хочешь любить
 Но я сказал то, о чем лучше молчать
Вычеркни все, если вычер такой, но
Измени себе со мной,

Hm | Hm | G | A
 Hm | Hm | Gm | Am
 Hm | Hm | Gm | Am
 Em | Em | F#m | F#m

↓ ↓ ↓ | ↓ ↓ ↓

Ева забрала у меня сон, мысли, аппетит. Я внушал себе, что должен быть просто благодарен Еве за знакомство с музыкантами и не желать ничего большего. Изо дня в день я проявлял поразительную устойчивость к любому внушению. Потому что ХОТЕЛ большего, потому что страстно ЖЕЛАЛ.

Рифмы зудели в голове и ждали только бумаги и ручки. Мне казалось, что я могу извлечь наружу сотни песен, которые сжимали бы в тиски сердце каждого, кто их услышит. Я мог бы написать гимн для всех безнадежно влюбленных, руководство к действию для всех самоубийц. Но что тогда бы досталось мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.